

Вятский государственный гуманитарный университет

**ВЕСТИК
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 1

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблуд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. Б. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);
И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор Ю. Н. Бодырева

Компьютерная верстка: К. А. Ашихмина

Дизайн обложки: А. Ю. Чепурных

Ответственный за выпуск А. А. Харунжев (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Калашникова Е. М.</i> Методологическая значимость понятия «самоидентификация» в социальных исследованиях	6
<i>Емишанов А. Л.</i> Интеллигенция и поступок. На некоторых исторических примерах	9
<i>Кох И. А., Орлов В. А.</i> Социально-профессиональные ориентации молодежи в промышленном регионе	11
<i>Бокова Э. М.</i> Продвижение принципов и практики корпоративной социальной ответственности в средствах массовой информации.....	16

ИСТОРИЯ

<i>Чемоданов И. В.</i> Сельское хозяйство и крестьянство Вятского региона при переходе от политики «военного коммунизма» к НЭПу (1920–1922)	22
<i>Гагиева А. К.</i> Коми крестьянка в региональном социуме XVIII в.	28
<i>Очиров А. В.</i> Войлочная юрта калмыков (XIX в.).....	31

ПРАВО

<i>Верзилина И. Г.</i> Профессионализация участковых избирательных комиссий: теория и практика	35
<i>Фещенко П. Н.</i> Уголовно-правовые аспекты криминологического воздействия на социальную напряженность	38
<i>Нобель А. Р.</i> О некоторых вопросах установления вины в совершении административных правонарушений.....	41

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Байкова О. В., Байкова А. В.</i> Заимствования в языке российских немцев как путь реализации языкового контакта	44
<i>Богатова Е. Б.</i> Современное состояние документной лингвистики и перспективы её развития	50
<i>Матлин М. Г.</i> Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве русского села	54
<i>Никулина Е. Г.</i> Участие эмоционально-оценочных прилагательных в формировании аффективных диалогических структур	60
<i>Савенкова А. Д.</i> Образ России в документальной прозе Герберта Уэллса: к проблеме англо-русских культурных связей	63

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Помелов В. Б.</i> Кукарское (Советское) училище – первая кузница педагогических кадров в Вятском крае. К 110-летию со времени основания учебного заведения	67
---	----

Огородникова С. В. Формирование гражданственности сельских школьников в музейно-педагогической деятельности	74
Батухтина Е. В. Принципы формирования социально-экологических компетенций у будущих бакалавров биологии	76
Азанова И. Н., Левченко Е. В. Динамика эмоций как предмет эмпирического психологического исследования (на примере <i>радости и печали</i>)	80
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	87
INFORMATION ABOUT AUTHORS	89

CONTENTS

- Kalashnikova E. M.* PhD, Professor of the Chair of Philosophy and Social Sciences
Emshanov A. L. Intelligentsia and deed. On some historical examples
Kokh I. A., Orlov V. A. Socio-professional orientation youth in the industrial region
Bokova E. M. Advance of the principles and practice of corporate social responsibility in mass media
Chemodanov I. V. Agriculture and the peasantry of the Vyatka region during the transition from the policy of «war communism» to the NEP (1920–1922)
Gagieva A. K. Komi peasant in regional society in the XVIII century
Ochirov A. V. Felt yurta of Kalmyks (XIX century)
Verzilina I. G. Professionalization of the district electoral commissions: theory and practice
Feshchenko P. N. Criminal-legal aspects of criminological impact on the social tension
Nobel A. R. The disposing guilt in the administrative offense
Baykova O. V., Baykova A. V. Lexical borrowings in the language of Russian Germans as a way of language contact realization
Bogatova E. B. Modern state of documentary linguistics and development directions
Matlin M. G. Wedding game «dead man» in a festive and ceremonial space russian village
Nikulina E. G. The role of emotional-evaluative adjectives in the formation of affective dialogical structures
Savenkova A. D. The image of Russia in Herbert George Wells' nonfiction prose: on a problem of English-Russian cultural contacts
Pomelov V. B. The Kukarka (Sovetskoje) Teachers Training School is the first institution of the kind in the Vyatka Region. To the 110-th anniversary of the opening
Ogorodnikova S. V. The formation of the civic duties by the country schoolchildren in the education activity in the museum
Batukhtina E. V. The principles of forming social and environmental competencies for future bachelors of biology
Azanova I. N., Levchenko Ye. V. Emotional dynamism as the subject of empirical psychological research (on the materials of the joy and the sorrow)

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 303.1

E. M. Калашникова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПОНЯТИЯ «САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ» В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

В статье исследуется объяснительный принцип понятия «самоидентификация». Анализируются различные смысловые оттенки самоидентификации. Рассматривается взаимодействие самоидентификации, самоосуществления и самосозидания в познавательных процессах.

The explanatory principle of the notion “self-identification” is examined in the paper. Various semantic shades of self-identification are analyzed. Interaction of self-identification, self-fulfillment and self-realization in cognition processes is considered.

Ключевые слова: идентичность, самоидентичность, самоидентификация, самосознание, ретроспективный образ «Я», культура в себе, «Я»-концепция.

Keywords: identity, self-identity, self-identification, self-awareness, retrospective image of the self, culture in self-conception.

В современных научных публикациях непомерно растиражирован термин «идентичность», употребляемый в обыденном смысле как тождественность. Такое представление не может быть использовано как объяснительный принцип, оно не способно стать «клеточкой» теоретических размышлений и конструктов.

Использование обыденного термина «идентичность» вполне уместно в правоохранительных учреждениях, там мы сталкиваемся с формальным профессиональным значением, например «идентичность отпечатков пальцев», соответствие факта рождения ребенка свидетельству о его рождении и т. д. Как существо социальное человек идентичен (тождественен себе) и имеет фамилию, национальность, пол, возраст, которые зафиксированы в документе, удостоверяющем его личность. Такая тождественность личности и документа определена не им самим, поскольку

владелец документа не осознает своей причастности к нему. В так понимаемой идентичности нет ни йоты отношения не только к себе, но и к миру, окружающим его людям, а потому термин «идентичность» с таким значением для науки пуст, он только констатирует факт, выраженный в документе, подтверждающий данную социальную единицу (человека).

Позже, в общении с другими людьми, осуществляются акты уподобления индивида через эмоциональную и поведенческую сопричастность (эмпатию, подражание), и даже здесь на психологическом уровне «идентичность» обозначает только факт тождественности с иными, другими и также не имеет научного смысла. Описывая и характеризуя названные социально-психологические механизмы, психологи чаще употребляют термин «уподобление», но даже при употреблении термина «идентичность» сразу же поясняют, что имеют в виду различие между уподоблением и эмоциональной идентичностью.

Действительно, одно дело «улыбка на улыбку» у трехмесячного ребенка (эмоциональное уподобление) или подражание ребенка взрослому (уподобление в поведении) и другое – социальная идентификация. В свое время даже З. Фрейд, применив термин «идентификация» для обозначения уподобления на самой ранней стадии социализации, тут же пояснил, что социальная идентификация им не исследуется и термин он употребляет как акт «аффективного воздействия», и не больше. Он пишет: «...ограничимся ближайшим аффективным воздействием идентификации и оставим пока в стороне ее значение для интеллектуальной жизни» [1].

Значение идентификации в интеллектуальной жизни требует серьезных уточнений. Во-первых, социальная идентификация осуществляется социализированным человеком, способным рефлексировать, а это обнаруживается на определенном историческом и онтогенетическом этапе развития общества и человека; во-вторых, продуктом социальной идентификации является социальная идентичность; в-третьих, социальная идентификация всегда опирается на самоидентификацию – самоопределение социализированного субъекта.

Поэтому в любых исследованиях гуманитарного цикла понятию «идентичность» всегда предшествует понятие идентификации человека, ос-

---

* Материал подготовлен в рамках Проекта № ПСР/НИР-23 Программы стратегического развития ПГПУ

новой которой является самоидентификация, объясняющая способность субъекта к рефлексии, осуществляющейся по отношению к объективным общественным процессам. И только объяснив эту рефлексию, можно перейти к интерпретации различных форм идентичности: политической, правовой, этнической, религиозной, культурной.

Познание каждой формы идентичности осуществляется через созданную исследователем «категориальную сетку», а также с помощью соответствующего задачам исследования метода. Только в таком случае «идентичность» становится междисциплинарным понятием, включенным в теоретическую систему знания.

Серьезное место в теоретическом осмыслении идентичности занимают психологические и междисциплинарные основания. И хотя самоидентификация обусловлена объективными социальными детерминантами (вхождением индивида в группу, его социальными характеристиками), осуществляется она в «мыслях» с помощью концептуальных знаний и представлений, а подкрепляется перцептуально, базируясь на ощущениях и восприятиях. Именно двуединство детерминанты приобщения к другим (социуму, группе, другому человеку) и рефлексии с собственными образами «Я» (индивидуализация, обособленность) обеспечивает самоидентификацию, которая является необходимым элементом в осуществлении мотивированного действия.

Когда рефлексирующий субъект обнаруживает, что образ его «Я» рассыпается на дискретные части в виде частных образов «Я», у него возникает потребность в упорядоченном, устойчивом «Я» для себя и для других. Как правило, такая устойчивость «Я» требует поддержки других людей: членов группы, общности, семьи. Если же мнение окружающих никак не совпадает с оценкой индивида, то наступает когнитивный диссонанс, который индивид пытается преодолеть любыми средствами. Такую ситуацию описывает И. Кон: «...“я” означает согласованность трех компонентов: некоторого аспекта “я”, интерпретацию личностью своего поведения в этом аспекте и ее представление о том, как ее воспринимают другие люди. Чтобы обеспечить такую согласованность, личность может использовать ряд приемов. Например, искаляет мнение других о себе, приближает их к собственной самооценке или ориентируется на людей, отношение которых помогает поддерживать привычный образ “Я”. Собственные качества также оцениваются избирательно, в зависимости от того, насколько они важны для общей согласованности образа “Я”. Наконец, намеренно или ненамеренно, индивид может вести себя таким образом, чтобы вызывать у окружающих отклик, соответствующий его представлению о себе» [2].

Конечно, И. С. Кон описывает поведение человека в социальной группе с устоявшимися отношениями, и, хотя кроме описанных приемов преодоления когнитивного диссонанса между группой и индивидов могут быть и другие, это приемы, соответствующие формам взаимодействия между людьми в достаточно стабильном обществе.

Описывая диссонанс как несоответствие мнений групп и субъектов, входящих в нее, Э. Тоффлер также считает, что в условиях информационного общества членство в группе «поверхностно», поскольку речь идет о меняющихся группах и меняющихся индивидах. Даже тогда, когда человек входит в ту или иную социальную группу, подчиняется требованиям группы, он всегда сохраняет некоторую часть себя, поскольку, находясь в ситуациях бесконечных перемен, при выгодных для него условиях он может «переметнуться», перейти в другую группу. Э. Тоффлер подчеркивает, что «те, кто знал нас в предыдущих “воплощениях”, удивляются, им трудно узнавать нас...», но мы сами также «испытываем всевозрастающие трудности в идентификации с нашими прежними, пусть даже вызывающими симпатиями “Я”» [3]. В этих условиях человек постоянно ищет основания для новых самоидентификаций, пробираясь через кризисы своего «Я», – это естественно в «массовом обществе», в котором многочисленное количество вариантов выбора усложняет сохранение хотя бы ситуативной формы «Я». Думаю, что даже в этих условиях присутствует вечный способ возможного сосуществования людей «Я» и другого «Я». Такой формой является диалог.

«Диалог, полагает В. А. Лекторский, это не внешняя сеть, в которую попадает индивид, а единственная возможность самого существования индивидуальности, то есть то, что затрагивает ее внутреннюю сущность. Поэтому диалог между мной и другим предполагает целую систему внутренних диалогов, в том числе: между моим образом самого себя и тем образом меня, который, с моей точки зрения, имеется у другого человека (диалектика: “Я для себя”, “Я для другого”, “другой для себя”, “другой для меня” и т. д.)» [4]. Эти все варианты взаимодействий внешних и внутренних диалогов, безусловно, обогащают общающихся субъектов, их образы «Я» становятся духовнее и содержательнее.

Очень важным атрибутом совершенствования «я» является внутренний диалог человека. Так, в самосознании социализированного человека складывается актуальный образ «Я», наличествующий в социальном и физическом настоящем, который всегда обладает субъективно-инверсионным полаганием. Это значит, что человеческое самосознание может возвращаться к прошлым

вспоминаниям, а также конструировать и проектировать будущее.

Образ «Я», выступающий как ретроспекция для человека, – не только мысленный образ прошлого, этот образ сопровождается всплеском эмоционального отношения, переживаний, чувств, сопричастности к себе в прошлом. Такая ретроспективная самоидентификация необходима для формирования культуры чувств, является созидающим процессом, поскольку в контексте прошлого мы не пассивны, додумываем некоторые траектории своего существования в прошлом на основании настоящего опыта и настоящего самосознания, – и это становится одним из импульсов самообновления. В этом самообновлении огромную роль играют нравственное чувство «узнавания себя» в прошлом и положительная оценка своих поступков, совершенных ранее, такое отношение закрепляет ощущение определенности «Я».

Не менее важна для культуры самопознания и самоидентификации идентификация с вероятным образом «Я» в будущем. Такой образ «Я» может быть структурирован на основании мечты – желания идеального «Я», и тогда, как всякий идеал, он неопределен и размыт. Но если «вероятностный» образ «Я» становится целью и стремление к его приближению сопровождается усилием, концентрацией воли, осознанием информации, необходимой для совершенствования личностных качеств, то такой воображаемый образ «Я» и самоидентификация с ним служит самоусовершенствованию личности и улучшению качества социальной деятельности. Сформированный образ «Я», подкрепленный поведенческими актами, не только создает положительный эмоциональный фон, но «ожидание успеха» преобразуется в уверенность в достижении цели.

Эта самоидентификация, выстроенная на внутренней интуиции, некоем личностном знании, на желании не быть усредненным, подкрепленная потребностью в собственной независимости, указывает на позитивную значимость такого «Я», подчеркивает ее креативную сущность.

Если потенциальное «Я» становится для себя самого объектом познания, а самоидентификация личностной необходимостью, такая самоидентификация указывает на культуру самосознания. Она, как показатель культуры самосознания, выполняет регулятивную функцию. М. Мамардашвили, характеризуя европейскую культуру, отметил, что «европейская культура построена на жизненном усилии и максимальном напряжении сил» [5]. Если перенести эту характеристику на культуру самосознания, то то же самое можно сказать, что ее становление требует и жиз-

ненного усилия, и максимального приложения сил. И только после этого можно преодолеть такие препятствия, как

- 1) несоответствие новых условий и укоренившихся способов мышления;
- 2) непонимание чужеродных влияний, трансформирующих внутренний образ твоего «Я»;
- 3) несоответствие разных частных образов «Я» для продуктивного самоосуществления;
- 4) невыявленность причин, формирующих нежелаемый для субъекта образ «Я», и многие другие.

Для устранения препятствий необходимо изменить способ мышления, перейти к нелинейному восприятию мира и выработать установку на самосовершенствование.

Полагаю, что такое потенциальное «Я», основанное на самоизучении, становится необходимым, «встроенным» в культуру самосознания элементом. Условием культтивирования «Я-образа» становится не только приобщение к уже созданным ценностям, но и способность «отрыва» от коллективного «мы» и стремление к уникальному «Я» (экзистенциальная культура личности).

Формируется новый уровень саморефлексивности, отношения к себе как к ценности независимо от места, занимаемого в иерархической социальной структуре. Такая самоценность станет «скрепом» в социальных связях. Имеется в виду не независимость от других, а сформированное чувство самодостоинства и самодостаточности. Такой человек с устойчивым представлением о себе, обладающий высокой степенью самодостаточности, занимает соответствующее своей сформированной социализированности достойное место в социуме.

Самосознание, опирающееся на динамический процесс самоидентификации, – творческая деятельность, где имплицитно взаимодействуют два типа образа «Я»: нормативный, определяемой группой, и идеальный, конструируемый самим субъектом. Нормативное «Я» и воображаемое «Я» в едином актуальном «Я» находится в постоянном переплетении. Однако случается, что выражаемое «Я» смотрит на нормативное «Я» с недоумением, желая отмежеваться от него. Са-моотношение к этим двум сторонам актуальных «Я» указывает на динамизм как нормативного «Я», так и воображаемого, а также на динамизм самого взаимодействия.

Произошедшие в наше время переоценка ценностей и смена установки с коллективистской на интернальную (с опорой только на свои силы), конечно, послужили основанием для переосмысливания образования актуального и потенциальног «Я». Оказалось, что потенциальное «Я» гораздо богаче, чем актуальное «Я». Именно по-

тенциальное «Я» способствует саморазвитию индивида и наполняется новыми смыслами и значениями.

Важным свойством культуры мышления является развитие способности самокритичности, благодаря которому расхождения между «Я» реальным (актуальным) и потенциальным осознаются и преодолеваются.

Полагаю, что новый уровень исследования самоидентификации позволит методологически грамотно использовать термины «идентичность», «самоидентичность», «идентификация», «самоидентификация». При этом самоидентификация выступает как методологическое основание исследования процессов взаимодействия личности и общности в современных условиях и изучения разных форм идентичности.

Примечания

1. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «я» // «Я» и «Оно» Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1. С. 105.
2. Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978. С. 88–89.
3. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 346.
4. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 46.
5. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 37.

УДК 316.343.652

A. L. Емшанов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОСТУПОК. НА НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИМЕРАХ

В статье, на нескольких примерах рассматривается действие интеллигенции, способность совершения поступка. Это позволяет более чётко определить суть интеллигенции.

In the article, a few examples consider the action of the intelligentsia, the ability to commit the act. This allows you to define more clearly the nature of intelligence.

Ключевые слова: интеллигенция, поступок, совесть, порядочность, человек, значение, своевременность.

Keywords: intelligentsia, action, conscience, decency, man, value, timeliness.

Тема русской интеллигенции существует, наверное, столько же, сколько существует само понятие. Споры то утихают, то разгораются с новой силой, но никогда не прекращаются. Спорят о роли интеллигенции в истории России, спо-

рят о том, кого можно считать интеллигенцией, спорят и о том, есть ли у русской интеллигенции будущее [1]. Эти споры не вчера начались, и не сегодня они закончатся. В рамках статьи будет рассмотрен один интересный момент, одна черта интеллигенции. Это способность к поступкам.

Василий Розанов как бы мимоходом высказал, на мой взгляд, интересную мысль: «Русский «мечтатель» и существует для разговора. Для чего же он существует. Не для дела же?» А вот ещё интересная мысль, уже Г. П. Федотова: «Врач, инженер, поскольку они преданы своему делу, уже не интеллигенты, или остаются интеллигентами в каком-то верхнем, безответственном плане сознания: на чердаке, куда сваливают всяку рухлядь. Деловитость и интеллигентность несовместимы». Федотов в данном случае употребляет понятие «деловитость» не в значении «умение устроить свою жизнь», а занятие серьёзным, важным делом [2].

Русский мечтатель и существует для разговора. Интеллигентность и деловитость несовместимы. Так ли это на самом деле?

Александр Блок. Прекрасный русский поэт, певец Прекрасной Дамы. Выступает на собрании религиозно-философского общества с известным докладом «Народ и интеллигенция». Доклад вызывает бурю негодования, его отказываются печатать. Но что такого ужасного в этом докладе? Всё очень просто. Блок раскритиковал русскую интеллигенцию. За то, что она не понимает русский народ. Блок писал, что «есть действительно не только два понятия, но две реальности: народ и интеллигенция; полтораста миллионов с одной стороны и несколько сот тысяч – с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном» [3].

Через год выходит знаменитый сборник «Вехи». Почти сразу начинается интенсивная критика статей. Достаточно упомянуть лишь эпитет, данный автором «Вех» – семь смиренных! Что ещё можно добавить [4]? Как и Александр Блок, авторы сборника критикуют интеллигенцию. Н. А. Бердяев, в статье «Философская истина и интеллигентская правда» говорит об «интеллигентщине», что уже само по себе несёт определённую долю презрения: «Говорю об интеллигенции в традиционно-русском смысле этого слова, о нашей кружковой интеллигенции, искусственно выделяемой из общенациональной жизни. Этот своеобразный мир, живший до сих пор замкнутой жизнью под двойным давлением, давлением казенщины внешней – реакционной власти и казенщины внутренней – инертности мысли и консервативности чувств, не без основания называют «интеллигентщиной» в отличие от интеллигенции в широком, общенациональном, общеисторическом смысле этого слова. Те русские

философы, которых не хочет знать русская интеллигенция, которых она относит к иному, враждебному миру, тоже ведь принадлежат к интеллигенции, но чужды «интеллигентины» [5].

Но немного отойдём в сторону. А что подразумевается под поступком? Что это значит? Просто сказать что-то, отличное от общего мнения, кого-то обвинить, или что-то подобное. Действительно, разве выступление Александра Блока – это поступок? Или статьи авторов «Вех»? Интересно, что сам Блок в докладе даёт своеобразный ответ на этот вопрос: «Интеллигентных людей, спасающихся положительными началами науки, общественной деятельности, искусства, – все меньше; мы видим это и слышим об этом каждый день. Это естественно, с этим ничего не сделаешь. Требуется какое-то иное, высшее начало. Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного «богооборчества» декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением – развратом, пьянством, самоубийством всех видов» [6]. Таким образом, поступок, – не только действие. Разврат, пьянство – это тоже действие. Поступок – это соответствие высшему началу человека. А началом может быть совесть, вера в Бога, вера в справедливость. И авторы сборника «Вехи» тоже исходили из такого начала, стремясь, по мере сил предостеречь общество от возможного будущего: «Не для того, чтобы с высоты познанной истины доктринерски судить русскую интеллигенцию, и не с высокомерным презрением к ее прошлому писаны статьи, из которых составился настоящий сборник, а с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны. Мы не судим прошлого, потому что нам ясна его историческая неизбежность, но мы указываем, что путь, которым до сих пор шло общество, привел его в безвыходный тупик. Наши предостережения не новы: то же самое неустанно твердили от Чадаева до Соловьева и Толстого все наши глубочайшие мыслители. Их не слушали, интеллигенция шла мимо них. Может быть, теперь разбуженная великим потрясением, она услышит более слабые голоса» [7].

Александр Блок в дневнике дал характеристику своему времени. Написано это для себя, а отнюдь не для публикации. Поэт предчувствует надвигающуюся беду. В дневнике эта запись датируется 29 октября 1908 года, а сразу за ней – запись о реакции на доклад «Народ и интеллигенция» от 11 декабря. Поэт даёт удивительно трезвую, реалистическую оценку, которую, исходя уже из нашего знания, можно даже назвать проридческой. «Все согласившиеся выйдут на улицу и увидят тот же страшный мрак, ту же грозовую тучу, которая идёт на нас. Вот во мраке этой грозовой тучи мы и находимся. Это дол-

жно принять во внимание. Нужно понять, что всё обстоит необыкновенно, страшно неблагополучно. И если цвет русской интеллигенции ничего не может поделать с этим мраком и неблагополучием, как этот цвет интеллигенции мог, положим, в 60-х годах, борясь с мраком, – то интеллигенции пора вопрошать новых людей. И главное, что я хотел сказать, – это то, что нам, интеллигентам, уже нужно торопиться, что, может быть, уже вопросов теории и быть не может, ибо сама практика насущна и страшна» [8].

Александр Блок недвусмысленно указывает на себя как на интеллигента, «Но я – интеллигент, литератор, и оружие мое – слово» [9]. Но и Блок, Бердяев вышли за рамки своего круга, своего кружка, своего цеха. Перед нами не просто поэт, философ, публицист. Перед нами в первую очередь – человек. И этот человек осознаёт ответственность не только перед этой своей средой, а в первую очередь перед всеми нами. Как сказал Блок, необходимо полюбить «родные лохмотья».

В. В. Розанов как-то заметил, что существуют несвоевременные слова. То есть даже правду не всегда нужно говорить, потому что эта правда может оказаться хуже лжи, причинить гораздо больше вреда, чем ложь [10]. Говоря о поступке как некоторой черте интеллигенции, имеют в виду именно своевременное, актуальное, необходимое. Потому что иначе – буйство, пьянство, разврат и тела, и духа.

Существует мнение, что русская интеллигенция – это некий уникальный феномен. Мы не будем это спорить или утверждать. Просто приведём следующий пример.

10 мая 1940 года Германия начала наступление на западном фронте. А уже 22 июня в Компьенском лесу было подписано перемирие между Францией и Германией. За столь короткий срок Франция, обладающая мощной армией и флотом, была разгромлена.

Не все приняли поражение, и среди таких людей оказался один сугубо штатский человек, оказавшийся в армии в связи с войной. Всю свою жизнь этот человек занимался историей. Это был Марк Блок, один из основателей известной исторической школы «Анналы». И вот этот сугубо штатский человек не принял, не признал казалось бы, очевидного, и сделал то, что он мог сделать – написал книгу «Апология истории».

Марк Блок писал эту книгу, когда Франция была оккупирована, для Франции, которая станет свободной. Эта книга, идея книги зародилась, когда уже шла война: «Это было в июне 1940 г., в день, я это хорошо помню, вступления немцев в Париж. В нормандском саду, где наш штаб, лишенный войск, томился в праздности, мы перебирали причины катастрофы: «Надо ли думать, что история нас обманула?» –

пробормотал кто-то» [11]. И книга – это ответ на эту реплику. Эта книга – попытка объективно разобраться, «обманула» ли история или нет. Книга, которую Марк Блок так и не успел дописать [12].

Марк Блок работал над книгой «Апология истории» в годы, когда для многих людей главной проблемой выступает выживание. Не смотря на это, он работает, потому что иначе поступить он не мог. Эта книга – следствие веры в торжество справедливости. Иначе невозможно было бы написать эту книгу, а не написать её Марк Блок не мог. Потому что он был не только учёный, но в первую очередь он был человек, француз. И именно для человека от человека и была адресована эта книга. «Если эта книга когда-нибудь выйдет в свет, если она из простого противоядия, в котором я среди ужасных страданий и тревог, личных и общественных, пытаюсь найти немножко душевного спокойствия, превратится когда-нибудь в настоящую книгу, книгу для читателей» [13].

И книга, посвящённая проблемам истории, просто необходима: «Итак, от историка требуют отчета. Он пойдет на это не без внутреннего трепета: какой ремесленник, состарившийся за своим ремеслом, не спрашивал себя с замиранием сердца, разумно ли он употребил свою жизнь? Однако речь идет о чем-то куда более важном, чем мелкие сомнения цеховой морали. Эта проблема затрагивает всю нашу западную цивилизацию» [14].

Именно книгу, которую Марк Блок писал в годы войны, на первый взгляд кажется совершенно ненужной. Идёт борьба, гибнут люди, а Блок рассуждает о проблемах познания прошлого. Но именно в таких условиях человек остаётся человеком и думает о другом человеке, который будет после. Именно для него и написана эта книга. Марк Блок мог просто переждать войну, и никто бы его ни в чём не упрекнул. Но посчитал для себя такое поведение неприемлемым. Неприемлемым для себя как француза. Как для человека.

Д. С. Лихачёв, рассуждая об интеллигенции, говорит о порядочности [15]. Можно сказать – интеллигентность. Интеллигенция – это ум и интеллигентность. Потому что ум сам по себе, без интеллигентности или порядочности, а в первую очередь сюда входит совесть, – это и есть то мракобесие, о котором говорит Александр Блок.

И вернёмся к идеям о несовместимости «мечтателя» и дела, интеллигенции и деловитости. На мой взгляд, это не совсем верно. Интеллигенция может быть и деловой, может не только мечтать, но и делать. Но только оставаясь порядочной. Иначе – это уже не интеллигенция.

Закончить можно афоризмом Бернарда Шоу: «Тот, кто умеет делать, – делает. Кто не умеет – учит».

Примечания

1. Например, Г. П. Федотов предполагал, что через некоторое время интеллигенция в России трансформируется в группу, занятую умственным трудом. См., Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России / избранные статьи по философии русской истории и культуры в 2-х тт. Т. 1. СПб., 1991. С. 99–100.
2. См., Розанов В. В. Уединённое. М., 1990. С. 112., Федотов Г. П. Указ. соч. С. 98.
3. Блок А. А. Народ и интеллигенция // Блок А. А. Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 5. Проза 1903–1917. М. А., 1962. С. 323.
4. Вехи: pro et contra. СПб., 1998.
5. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное издание 1909 г. М., 1990. С. 5.
6. Блок А. А. Указ. соч. С. 327.
7. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное издание 1909 г. М., 1990. С. 3–4.
8. Блок А. А. Записные книжки. М., 2000. С. 44–45.
9. Блок А. А. Народ и интеллигенция // Блок А. А. Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 5. Проза 1903–1917. М. А., 1962. С. 319.
10. Розанов В. В. Указ. соч. С. 136.
11. Блок Марк. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 7.
12. Марк Блок стал участником Сопротивления. Весной 1944 года он был арестован гестапо. Несмотря на пытки, никого не выдал и 16 июня был расстрелян.
13. Там же. С. 5.
14. Там же. С. 6.
15. Лихачёв Д. С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

УДК 316

И. А. Кох, В. А. Орлов

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ

Рассматриваются проблемы профессиональной подготовки молодежи в условиях рыночной экономики в России. Подготовка квалифицированных рабочих в настоящее время стала актуальной задачей для развития производства. Молодежь стремится получить высшее образование. Падение престижа рабочих профессий, отсутствие системы профессиональной ориентации и профессионального воспитания в российском обществе создают трудности для развития промышленности.

Are discussed the problems of professional training-Ki young people in the conditions of a market economy in Russia. The preparation of the

qualifications of skilled workers in this time has become an urgent task for the development of production. Young people tend to get higher education. Decline in the prestige of working professions, lack of the system of professional-term orientation and professional training in Russian society creates difficulties for the development of the industry.

Ключевые слова: профессия, образование, молодежь, труд, работа.

Keywords: the profession, education, youth, labor, work.

Выбор профессии в современных условиях – сложный, многоплановый процесс. Молодой человек находится под влиянием быстро меняющегося мира, возрастающего потока противоречивой информации. Ориентация отечественной экономики на рыночные отношения, подъем социального престижа одних профессий и падение других, увеличение спектра платных образовательных услуг – все это еще больше усложняет процесс выбора профессии.

Профессиональный выбор молодежи зачастую мотивируется сиюминутной конъюнктурой и слабо ориентируется на перспективу рынка труда. Выпускники школ мало осведомлены о том, какие профессии сегодня востребованы. Как верно отмечает Т. Бабушкина, «профессиональное самоопределение ставится в жесткую зависимость, прежде всего, от материального вознаграждения. У юношей и девушек часто происходит выбор не специальности, а работы с более высокой оплатой труда» [1].

В последние два десятилетия преобладали ориентации на профессии, которые обеспечивали сравнительно хороший доход при незначительных затратах на профессиональную подготовку: торговля, развлекательный бизнес, сфера услуг. В разряд самых непопулярных попали рабочие профессии. Вместе с тем в связи с определенным оживлением промышленности, появлением в России новых предприятий, как российских, так и иностранных или смешанных, значительно вырос спрос на квалифицированные кадры. Учитывая естественную убыль в связи с возрастом опытных кадров, особенно остро обстоят дела с подготовкой квалифицированных рабочих.

В этих условиях возрастающее значение приобретает профориентационная деятельность, направленная на формирование привлекательности рабочих профессий. Тем не менее, несмотря на то, что одним из основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы является реализация принципа соединения обучения с участием в производительном оплачиваемом труде, на деле это осуществляется с большим трудом. Предприятия (особенно негосударственные, частные) и школы не имеют общих хозяйствственно-экономических интересов,

стимулирующих их совместную деятельность по развитию потребности и способности к труду у своих подопечных. Кроме традиционной разобщенности у работодателей отсутствуют единые оценки деятельности. Хозяйственно-экономическая деятельность современного предприятия оценивается по многим показателям, кроме вклада в формирование квалифицированных рабочих кадров. Эта функция передоверена сфере образования.

Хронический дефицит кадров по ряду массовых рабочих профессий еще больше усугубляет данную проблему. Между тем, как показывают исследования, хотя ранняя профориентация не широко распространенное явление, она оказывает благотворное воздействие на профессионально-трудовой путь личности, его продуктивность и удовлетворенность трудом.

В современной практике произошел некоторый поворот от стремления к содержательному творческому труду к труду высокооплачиваемому независимо от его привлекательности. Доминирование материальных стимулов к труду таит в себе скрытые риски для экономического развития страны. Как отмечает Н. Е. Тихонова, «проблема эффективной технико-экономической модернизации в России с точки зрения особенностей трудовых мотиваций заключается не столько в том, что заработок все чаще рассматривается как главное в работе среди, например, рабочих, сколько в том, что специалисты и руководители также стали все чаще разделять эту норму» [2]. В соотношении материальных и моральных мотивов труда важно найти и выдерживать определенный баланс, соответствующий социальной значимости и экономической необходимости различных по содержанию и характеру видов труда, творческого и малосодержательного, но общественно необходимого. Это следует учитывать в работе по профессиональной ориентации.

Эти тенденции в трудовых мотивациях молодежи нашли свое отражение в проведенном нами исследовании профессиональных ориентаций студентов Нижнетагильского горно-металлургического колледжа, который осуществляет подготовку квалифицированных рабочих кадров для горной промышленности. Исследование проведено в 2011–2012 гг., было опрошено 420 студентов колледжа по репрезентативной квотной выборке. Общее количество студентов составляло на момент опроса 2 130 человек. Выборка обеспечивает достаточную для нашего исследования доверительность. Наиболее интересным для нас было сравнение профессионально-ценостных ориентаций студентов, поступивших учиться (первый курс – 526 человек) и заканчивавших обучение (четвертый курс – 508 человек).

В горно-металлургическом колледже учащиеся приобретают различные рабочие профессии, востребованные на рынке труда: здесь учатся будущие механики, электрики, специалисты по обслуживанию машин и оборудования и многие другие. Они осваивают профессиональные компетенции – способность анализировать и проектировать свою деятельность, готовность к самостоятельным действиям в профессиональных ситуациях и творческому решению проблем. Ежегодно колледж выпускает более 200 специалистов по 11 специальностям, востребованным на рынке труда. Выпускники могут трудоустроиться на ведущие предприятия города.

В чем же видят привлекательность своей избранной профессии студенты колледжа? Представление об этом дает табл. 1.

Как видно из данных табл. 1, молодежь думает прежде всего о карьере и интересной работе, хотя заработка также имеет значение, причем на старших курсах больше думают о заработке, чем об интересной содержательной работе.

Если на первом курсе колледжа отношение к творческому содержанию труда более или менее ровное, а соотношение творческих и не творческих моментов в структуре будущей профессионально-трудовой деятельности более сбалансировано, то к четвертому курсу наряду с ростом числа желающих заниматься высококвалифицированной умственной работой возрастает доля тех, кто предпочитает заниматься только творческим трудом. В группе желающих заниматься только творческими видами труда доля первокурсников равна 40,7%, выпускников – 47% опрошенных, в то время как в группе, готовых заниматься регламентированным, стандартным трудом, – 30,3% и 19,8% соответственно. Казалось бы, за четыре года у студентов колледжа в процессе укрепления и развития их социально-профессиональных ориентаций оценки должны стать более реалистичными.

Общеизвестно, что в любом виде профессионально-трудовой деятельности присутствуют в разных соотношениях как репродуктивные и регламентированные, так и творческие моменты деятельности. Сравнение оценок студентов в этом отношении свидетельствует, что первокурсники в своих оценках ближе к нормативным требованиям, чем выпускники.

Часть студентов колледжа готовы заниматься нетворческим трудом, но при условии, что этот труд будет для них привлекательным и высокооплачиваемым. Так, работать во вредных условиях производства во имя реализации своих профессиональных планов согласились 4,1% первокурсников и 9,3% выпускников. Однаково негативно в обеих группах студентов оценивается перспектива заниматься однообразной и монотонной работой – 19%, а также выполнять грязную работу – 14% и 21% соответственно. Эти факторы ассоциируются у студентов колледжа с наиболее непривлекательными для них видами профессиональной деятельности, но именно на таких рабочих местах, связанных с выполнением тяжелого физического труда, прежде всего и существует дефицит рабочей силы.

Согласно результатам нашего исследования, в структуре социально-профессиональной ориентации студентов колледжа можно выделить три наиболее важных сектора. Первый, самый крупный, – это привлекательность профессиональной деятельности. Он формируется за счет оценки субъектом выбора профессии тех преимуществ, которые имеет данная профессия с точки зрения его способностей и потребностей. Второй – это информация и оценки специфических и, прежде всего, отрицательных условий привлекательного вида профессиональной деятельности.

Так как современный российский школьник практически не участвует в производственной деятельности, то в основном общие достоинства профессии у него ассоциируются с привлекатель-

Привлекательность профессий для студентов колледжа

№	Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа опрошенных
1	Возможность сделать карьеру	118	28,1
2	Интересная работа	110	26,2
3	Работа горняка хорошо оплачиваема	89	21,2
4	Связана с техникой	58	13,8
5	Профессия горняка имеет много специальностей. Есть из чего выбрать	29	6,9
6	Заработка	5	1,2
7	Ничем	5	1,2
	Затрудняюсь ответить	6	1,4
	Итого:	420	100

ностью и творческим характером вида деятельности. Соотношение первых двух секторов в структуре социально-профессиональной ориентации меняется во времени. Общим для обеих групп студентов является преобладание первого сектора над вторым. Например, 74% ответивших выпускников колледжа ориентируются на достоинства профессии, 41,6% согласны в наиболее привлекательной для них профессии заниматься творческим, но низкооплачиваемым трудом.

Наконец, третий сектор – это ценность труда вообще, независимо от положительных и отрицательных сторон профессиональной деятельности. Эмпирическим показателем общественной значимости труда независимо от вида профессиональной деятельности и занимаемой должности являются оценки готовности студентов достичь высокого уровня мастерства и трудовых успехов в избранной, но не самой привлекательной для них профессии (25% опрошенных).

То, что современный молодой человек кроме интересной работы требует для себя еще и ответственного дела, вполне естественно и логично совпадает с интересами общества. Если же речь идет о профессиональной ответственности, то включение в критерии привлекательности степени ответственности говорит о том, что современный работник не только предполагает для себя высокосодержательный труд, но и стремится принимать активное участие в управлении современным производством. Только в этом случае можно сформировать твердую установку у работника на ответственное отношение к результатам и качеству своего труда.

Возникает вопрос: каким образом тип ценностных ориентаций оказывается на профессиональном самоопределении личности, на ее жизненных планах и актуальной жизненной ситуации, если противоречивость и внепрофессиональная направленность ценностных ориентаций являются негативным фактором профессионального и жизненного самоопределения личности? Это может найти проявление в особенностях выбора профессии, в уровне притязаний, степени самоотдачи и удовлетворенности различными сторонами жизни человека. Важнейшим показателем профессионального самоопределения личности является верность избранной профессии.

Наши исследования показали, что далеко не все студенты колледжа намерены работать по окончании учебы по избранной профессии (табл. 2).

Но увеличение к четвертому курсу количества студентов, «разочаровавшихся» в избранной профессии, – результат не только их недостаточной информированности о будущей профессии и завышенных ожиданий в отношении возможностей для творчества и развития личности. Возрастание удельного веса нестабильных в профессии-

ональном выборе студентов до 47%, большая часть которых главной ценностью профессиональной деятельности считает возможность «работать в хороших условиях, чтобы работа не была утомительной», свидетельствует также об определенных просчетах в трудовом воспитании данной категории молодежи. Осознание процесса труда как преодоления трудностей, имеющихся в любой профессии, не внедрено в сознание этой группы молодежи. Перед учебными заведениями профессионального образования, особенно начального и среднего, стоит задача не только улучшить отбор учащихся по критерию трудолюбия, ответственного отношения к избранной специальности, но и повысить эффективность воспитательной, профориентационной работы.

Негативные явления в сфере профессиональной подготовки в значительной мере обусловлены высокой коммерциализацией образования, особенно профессионального среднего и высшего, меньше – начального. Для учебных заведений в условиях российского рынка главной задачей в сложившейся демографической ситуации стало привлечение финансовых потоков, а не вопросы профессиональной ориентации и профессионального отбора будущих учащихся.

Как известно, неудовлетворенность профессиональным выбором может привести к нежелательной переориентации профессиональных интересов в сферу свободного времени, досуга. В нашем исследовании эта тенденция выявлена очень отчетливо: внепрофессиональная ориентация была отмечена у 43% недовольных своим профессиональным выбором четверокурсников колледжа.

Признание студентами ошибки в выборе профессии – это свидетельство своего рода «издергек», недостатков профотбора (см. табл. 3).

Если студенты первого курса не сомневаются в своем выборе (96% опрошенных повторили бы его), то треть студентов четвертого курса признали свою ошибку при выборе профессии. Причины этого многообразны: неудовлетворительная профессионально-ориентационная работа среди школьников, отсутствие четких критерии при приеме в вуз на наличие призыва к выбранной профессии (способности, а самое главное, склонность к труду по данной профессии).

Часто студентов постоянно или эпизодически без отрыва от учебы работают в различных организациях, причем преимущественно по рабочим профессиям. У работающей группы студентов ценность высокого заработка занимает первое место. Материальное вознаграждение оценивается студентами очень высоко, причем положение его как ценности-объекта в иерархии ценностей не меняется на протяжении обучения в вузе и не зависит от «стабильности» или «нестабильности» профессионального вы-

бора. Данное явление можно объяснить рядом причин. Во-первых, студенчество – это такая группа молодежи, для которой материальное вознаграждение за труд стоит в ряду наиболее актуальных на данный момент ценностей, поскольку государство не обеспечивает прожиточный минимум студентов, а дополнительная работа – способ повысить свое материальное положение, возможность более полно удовлетворить свои потребности. Во-вторых, студенты – это в основном выпускники средней школы, которые до этого находились на иждивении родителей и мало задумывались о материальных аспектах своего будущего труда. Но реалии платного обучения заставляют по-другому взглянуть на данную проблему: многие студенты дневного обучения начинают трудовую деятельность с первых курсов, в том числе и с целью оплачивать свою учебу.

Совмещение работы и учебы не только несет в себе положительные моменты, но и порождает у студентов немало проблем. Связаны они, прежде всего, с тем, что приходится из-за графика на работе пропускать учебные занятия, что негативно оказывается на успеваемости студента, а следовательно, и на качестве освоения избранной профессии. Необходимость одновременно учиться и работать уменьшает количество свободного времени, повышает утомляемость, препятствует полноценному отдыху. Это, в свою очередь, может негативно отразиться на физическом и психическом здоровье студентов.

Теоретический и эмпирический анализ содержания социально-профессиональной ориентации учащейся молодежи позволяет наметить пути дальнейшего совершенствования данного процесса:

- возвращение престижности и преемственности рабочих профессий в общественное мнение, создающих основу для подготовки конкурентоспособной, нравственно зрелой и социально адаптированной личности;

- обеспечение вариативности и ступенчатости образовательных услуг при выборе рабочих профессий для обучающихся в соответствии с их финансовыми возможностями, потребностями, интересами;

- реализация механизмов формирования у молодого поколения стремления к самоопределению, самоутверждению;

- применение гибкой системы мотивации и активного стимулирования молодежи, выбравшей обучение рабочим профессиям.

Реорганизация профессиональной подготовки молодежи необходима также в плане реализации программ модернизации экономики. Как верно заметил В. В. Мельник, «проблема самореализации личности принципиально важна в развитии инновационной деятельности организаций. Для этого требуется несколько предпосылок. Первая из них – это профессиональная подготовка работников» [3].

Теоретический и эмпирический анализ задач и содержания реализации целей социально-профессиональной ориентации учащейся молодежи, ее социального становления в современном российском обществе как сложного и многофакторного процесса, связанного с системами образования и воспитания, показал следующее. В настоящее время образовательный процесс, особенно в средних и средних специальных учебных заведениях в области профессиональной ориентации, самоопределения и дальнейшего трудоус-

Таблица 2

Будете ли Вы работать по специальности по окончании колледжа?
(в % от числа опрошенных студентов колледжа)

№	Ответы	I курс	IV курс
1	Да, обязательно буду работать по специальности	59	33
2	Главное – окончить колледж, а там видно будет	4	3
3	Все будет зависеть от имеющихся вакансий	18	33
4	Нет, мне эта специальность не подходит	4	14
6	Затрудняюсь ответить	2	19

Таблица 3

Если бы Вам пришлось выбирать профиль учебы и работы (профессию) снова, повторили бы Вы свой выбор? (в % от числа опрошенных)

№	Ответы	I курс	IV курс
1	Да, повторил бы	96	68
2	Нет, не повторил бы, а выбрал бы другой профиль учебы и работы	4	1,8
3	Пошел бы работать сразу после школы	2	32
4	Пошел бы работать и одновременно учиться, но в другом образовательном учреждении	3	2

тромства учащейся молодежи, остается единственнообразным, несмотря на декларации о свободе выбора профессии и вариативности. Социально-профессиональная ориентация в образовательных учреждениях среднего образования проводится на низком уровне. В советский период школьные стенды и музеи украшали материалы о героях и передовиках труда, рабочих династиях, которыми гордились и на которые равнялись. Сегодня в российских образовательных учреждениях подобная форма воспитания и агитации на рабочие профессии отсутствует.

Примечания

1. Бабушкина Т. Молодежь на рынках труда и образовательных услуг // Человек и труд. 2004. № 6. С. 40.
2. Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценостных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Общество – культура – человек: актуальные проблемы социологии культуры. Екатеринбург, 2012. С. 682.
3. Мельник В. В. Перспективы развития инновационной экономики региона (социологический анализ) // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования. Екатеринбург, 2010. С. 197.

изданий. В свою очередь, данные статьи способствуют популяризации социальной политики предприятий, призывают к повышению ответственности бизнеса, транслируют опыт различных организаций и регионов в вопросах благотворительности, корпоративной социальной ответственности (далее – КСО) и прочих, артикулируют мнение властей и представителей бизнес-сообщества по данному вопросу и в целом призывают к обсуждению перспектив развития социальной политики.

В целях выявления основных направлений внимания печатных СМИ к различным сторонам социальной ответственности российского бизнеса было проведено исследование с применением метода контент-анализа. Выборка изданий была обусловлена спецификой анализируемой темы и читательской аудиторией СМИ, а также рейтингом цитируемости средств массовой информации, составленным компанией «Медиалогия» [1]. С 2008 г. лидирующие позиции занимают следующие федеральные издания: «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета», «Известия». По последним данным, представленным на сайте компании «Медиалогия», «Коммерсантъ» находится на первом месте.

УДК 316.4

Э. М. Бокова

ПРОДВИЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ И ПРАКТИКИ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье анализируются темы, освещаемые в российских средствах массовой информации, связанные с корпоративной социальной ответственностью бизнеса.

In article subjects which are shined in the Russian mass media, connected with corporate social responsibility of business are analyzed.

Ключевые слова: социальная ответственность, благотворительность, донорство, устойчивое развитие, средства массовой информации, государственно-частное партнерство.

Keywords: social responsibility, charity, donorship, sustainable development, mass media, state-private partnership.

Исследовательский интерес к теме социальной политики обусловил внимание к проблеме ее освещения в российских средствах массовой информации (СМИ). Растущее требование общества к прозрачности и ответственности бизнеса, несомненно, отражается в публикациях деловых

Рейтинг федеральных печатных СМИ

Для анализа проблемы были использованы следующие федеральные интернет-версии печатных СМИ: интернет-портал «Российская газета» (www.rg.ru); «Известия» (www.izvestia.ru); ИД «Коммерсантъ» (www.kommersant.ru). Предпочтение федеральным СМИ региональным обусловлено следующими причинами: 1) небольшой выбор региональной деловой прессы, в том числе доступной для анализа; 2) незначительная доля статей в региональных СМИ, посвященных социальной политике; 3) обсуждение указанных вопросов в региональных СМИ часто носит рекламный характер.

В качестве единицы отбора была избрана статья. Генеральная совокупность включила все ста-

тии, опубликованные в указанных федеральных СМИ в период с 1 января 2008 г. по 1 сентября 2013 г. Для детального анализа исследуемая совокупность была разделена на 2 периода: с 1 января 2008 г. до 31 декабря 2010 г. – публикации отражают состояние «кризисного» общества; и с 1 января 2011 г. по 1 сентября 2013 г. – отражение проблем «посткризисного» периода.

Поисковый запрос строился по ключевому понятию «социальная ответственность» (единица анализа). На первом этапе выборка статей производилась при помощи автоматизированного поиска, далее следовал качественный анализ контента статей на предмет соответствия теме. За единицу счета был принят печатный знак. Итоговый объем анализируемых статей составил 451 591 печатный знак. Обработка полученных количественных данных осуществлялась при помощи программы Microsoft Office Excel.

В результате контент-анализа материалов были выявлены следующие тенденции. Наибольший объем материала по данной проблеме представлен на портале «Российская газета» (204 732 печатных знака). Это вполне объяснимо тем, что учредителем данного СМИ с момента основания является правительство РФ. Поэтому постоянными рубриками издания являются «Власть», «Экономика», «В регионах», «Общество» и другие. Важно также и то, что основную читательскую аудиторию издания составляют корпоративные подписчики (40 тыс.), 3,5 млн читателей и более молодая аудитория непосредственно портала www.rg.ru. 50% составляет доля читателей активного возраста. По данным исследования NRS-Россия 2012/1, проведенного компанией Gallup Media и представленного на сайте «Российской газеты», каждый номер издания читают 1 213,1 тыс. человек.

В ходе анализа было выявлено, что наиболее популярны статьи, контент которых непосредственно освещает проблему социальной политики, как правило, те, которые отражают отраслевые проблемы, касающиеся охраны окружающей среды и природопользования, ситуации в российских моногородах, поддержки культуры и образования. Активизация вопросов социальной политики в моногородах прежде всего было связана с финансовым кризисом 2008–2009 гг. и социально-экономическими мерами, предпринимаемыми предприятиями и органами власти. Такие статьи встречаются во всех анализируемых источниках.

Представим основные темы, так или иначе связанные с социальной политикой организаций, обсуждаемые в «Российской газете» за указанные периоды (см. табл. 1).

2011–2012 гг. характеризуются посткризисным этапом, в течение которого основным драйвером экономического роста оказалось потребление населения. Итогом сочетания данного процесса

и начавшегося сжатия трудовых ресурсов стал быстрый перегрев рынка труда. К концу 2012 г. уровень безработицы достиг 5,4% экономически активного населения. Основным источником роста доходов стало увеличение реальной заработной платы: темп прироста в 2012 г. составил 7,8% против 2,8% в предыдущий год [2].

Учитывая данные тенденции, обратимся к анализу указанных выше источников. Во-первых, обратим внимание на результаты, полученные в ходе анализа публикаций в «Российской газете».

Как видно из представленных данных, в период кризиса наиболее актуальными темами выступили следующие: поддержка и развитие бизнеса в регионах (15% от всего количества опубликованного за указанный период материала), поддержка благотворительной деятельности, социальных проектов, корпоративной социальной ответственности (14,1%), закрытие предприятий в моногородах (13,8%), а также примеры социальной ответственности бизнеса (12,4%), меры по борьбе с безработицей (12%).

Мировой финансовый кризис, охвативший все сферы экономики, оказал системное влияние на все сферы общества, при этом не просто ухудшил предпринимательский климат – в городах с монопрофильной экономикой он стал настоящим потрясением. В связи с этим возросла роль социальной ответственности бизнеса, особенно малого и среднего, функционирующего на подобных территориях. Государство задумалось над необходимостью поддержки благотворительной деятельности и социальных проектов, реализуемых предпринимательским сообществом. Уровень инфляции, рост безработицы и меры ее сокращения в кризисное время также на пике популярности, так как представляют интерес целевой аудитории и отражают реальные проблемы субъектов РФ.

В посткризисный период ситуация меняется. Как видно из представленных данных, кризисные темы «выходят» из числа приоритетных. Наиболее актуальными становятся темы, пропагандирующие корпоративное волонтерство, добровольчество (22,5%), социальную ответственность бизнеса (18,3%), а также меры по улучшению предпринимательского климата (14,6%). Появляются статьи, посвященные устойчивому развитию и экологизации промышленности (7–7,3%). Однако негативные моменты экономического развития и отсутствия единства в предпринимательском секторе отражены в статьях, посвященных проблеме вывода капитала за рубеж, связанных с офшорными сделками, что существенно снижает возможности социальных инвестиций (10,4%).

В целом можно отметить снижение количества опубликованных материалов, посвященных вопросам социальной политики: объем материалов, опубликованных в кризисный период, со-

ставил 129 471 знак (72,4%), в то время как в посткризисный период сократился почти в три раза и составил 49 379 знаков (27,6%).

Обратимся к материалам, представленным в газете «Известия» за аналогичный период (табл. 2).

Как видно из табл. 2, в газете «Известия», по сравнению с предыдущим изданием, значительно меньшее количество выявленных тем в течение обоих периодов. Наиболее часто встречающимися темами в период кризиса стали примеры социальной (32,2%) и инновационной (20,8%) ответственности бизнеса. Особую популярность здесь заняла тема инновационной ответственности бизнеса, предполагающая социальную активность группы наиболее предпримчивых людей, которым необходимо интегрировать достижения науки в поиске альтернативных путей выхода из кризиса и возможности «ставить экономику на инновационные рельсы». Несколько в меньшей степени обсуждаются проблемы безработицы (17,1%), вклада российского бизнеса в благотворительность (15,1%), а также обсуждение концепции КСО в организациях (14,8%).

В посткризисный период количество тем, связанных с социальной политикой, значительно уменьшилось (с пяти до трех), причем объем материалов уменьшился незначительно: с 29 899 знаков (58%) до 21 601 знака (42%). В то же время все заявленные темы презентуют позитивное видение перспектив развития социальной политики, связанное с необходимостью стимулирования КСО (41,9%), примерами реализации соци-

ально ответственного поведения различных компаний (37,8%), а также разработкой концепций корпоративной социальной политики (20,3%).

Например: «*Сотрудничество “Северстали” с регионами в социальной сфере строится на основе стратегических программ. Особенно в таких областях, как занятость и профориентация, молодежная политика, здравоохранение, инвестиции в социальную инфраструктуру, поддержка культуры и спорта, помощь незащищенным слоям населения*». А также: «*В первом полугодии 2012 года банки потратили на благотворительность 4,5 млрд рублей, что составляет менее 1% от их прибыли (482 млрд рублей). Расходы игроков на меценатство увеличились по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 17,3%. Это следует из отчетности кредитных организаций, опубликованной на сайте Центробанка*».

Рассмотрим результаты контент-анализа материалов газеты «Коммерсантъ» за указанные периоды (табл. 3).

Полученные данные свидетельствуют, что в материалах данной газеты, наоборот, в посткризисный период почти в два раза увеличивается количество тем (от четыре до семи) и в четыре раза объема статей – от 9264 знаков (19%) до 39595 знаков (81%), посвященных вопросам социальной политики.

Несмотря на незначительное количество материалов в кризисный период, темы соответствую-

Рейтинг тем, связанных с социальной политикой, «Российская газета»

№ п/п	Тема	Количество знаков	
		единиц	%
2008–2010 гг.			
1	Поддержка и развитие бизнеса в регионах	19 409	15,0
2	Поддержка благотворительной деятельности, социальных проектов, корпоративной социальной ответственности	18 278	14,1
3	Закрытие предприятий в моногородах	17 899	13,8
4	Социальные проекты, примеры социальной ответственности бизнеса	16 064	12,4
5	Безработица и меры ее сокращения	15 569	12,0
6	Охрана труда, медосмотры работников	11 601	9,0
7	Концепция корпоративной социальной политики	10 822	8,4
8	Уровень инфляции, дисбаланс цен	10 433	8,0
9	Поощрение донорства	9396	7,3
Всего		129 471	100
2011–2013 гг.			
1	Корпоративное волонтерство, добровольчество	10 902	22,5
2	Социальная ответственность бизнеса, примеры	8840	18,3
3	Меры улучшения предпринимательского климата	7060	14,6
4	Вывод средств через офшорные компании	5049	10,4
5	Концепция корпоративной социальной политики	4951	10,2
6	Примеры благотворительной деятельности	4634	9,6
7	Устойчивое развитие, индекс устойчивого развития	3548	7,3
8	Экологизация промышленности	3395	7,0
Всего		48 379	100

ют тенденциям анализируемого этапа. При закрытии предприятий, приостановке их деятельности, делении собственности, нехватке средств на оперативные расходы на первый план часто выходила такая проблема, как нарушение трудового законодательства (31,7%). Вторая по популярности проблема (24,5%) – социально-экономические показатели деятельности предприятий – тесно связана с предыдущей. В этот период также публикуются статьи с примерами социально ответственного поведения фирм (22,1%), а также вопросы закрытия предприятий (21,7%).

Ведущей темой посткризисного периода в газете «Коммерсантъ» становится тема социальной ответственности бизнеса, примеры реализации социальных проектов (39,6%), несколько меньше представлены материалы о взаимодействии бизнеса с местной властью по вопросам социальной политики (19,3%), а также примеры концепций корпоративной социальной политики (14,9%). В этот период затрагиваются проблемы, не обсуждаемые в предыдущих изданиях, в частности, связанные с повышением репутации фирмы в результате реализации социально ответственного поведения, и вопросы недобросовестной деловой практики (9,2%).

Представим единый рейтинг тем, связанных с социальной политикой организаций, по материалам всех трех изданий за указанные периоды (см. табл. 4).

Анализ данных показывает, что общее количество тем во всех трех изданиях в оба периода практически одинаковое (13), в то время как объем материала, посвященного различным вопросам социальной политики, в посткризисный период увеличивается почти в два раза – от 109 575 знаков (39,4%) в кризисный период до 168 634 знаков (60,6%) в посткризисный период.

Таким образом, мы наблюдаем, что в кризисный период в наиболее цитируемых средствах массовой информации популярными темами ста-

ли примеры КСО, а также проблемы, связанные с ростом безработицы в регионах.

И в том и в другом периоде на первом месте по популярности – тема реализации социальных проектов и примеры социальной ответственности предпринимательского сообщества (11,5% и 29,8% соответственно). Также прослеживаются темы разработки концепции корпоративной социальной политики (9% и 13,7% соответственно), необходимости стимулирования и поддержки КСО, благотворительности (10,8% и 8,3% соответственно).

Например, «в России сегодня существуют различные проявления корпоративного добровольчества. Это помочь в устройстве экологических объектов, сохранение памятников архитектуры, выезд в детские учреждения, помочь в ремонте, а также поддержка пожилых, инвалидов – вариантов масса. Большой популярностью пользуется также корпоративное донорство» [3].

В то же время в кризисный период озвучиваются такие актуальные меры социальной политики, как необходимость поддержки бизнеса в регионах; реализация охраны труда, медицинские осмотры работников; поощрение донорства; развитие инновационной ответственности бизнеса, необходимость оценки социально-экономических показателей предприятий. Также высказываются насущные проблемы, связанные с реализацией социальной политики либо порождающие необходимость усиления ее мер: закрытие предприятий (особенно в моногородах), высокая инфляция и дисбаланс цен, нарушение трудового законодательства.

В посткризисный период появляются темы, отражающие такие меры социальной политики, как корпоративное волонтерство, добровольчество; взаимодействие бизнеса и власти в вопросах социальной политики, ГЧП; меры улучшения предпринимательского климата.

Рейтинг тем, связанных с социальной политикой, «Известия»

Таблица 2

№ п/п	Тема	Количество знаков	
		единиц	%
2008–2010 гг.			
1	Социальные проекты, примеры социальной ответственности бизнеса	9621	32,2
2	Инновационная ответственность бизнеса	6217	20,8
3	Безработица и меры ее сокращения	5121	17,1
4	Вклад российского бизнеса в благотворительность	4512	15,1
5	Концепция корпоративной социальной политики и ответственности	4428	14,8
Всего		29 899	100
2011–2013 гг.			
1	Необходимость стимулирования КСО	9054	41,9
2	Социальная ответственность бизнеса, примеры	8173	37,8
3	Концепция корпоративной социальной политики	4374	20,3
Всего		21 601	100

Здесь в качестве одного из примеров можно отметить следующее высказывание: «Действительно, многое направлено на внешнее окружение компании и макросреду, но инструменты КСО (корпоративное волонтерство, благотворительность, филантропия и пр.) зачастую являются технологией, которая помогает руководству компанией решить вопрос “внутреннего счастья” сотрудников. Речь идет не только о создании комфортного психологического климата внутри коллектива, но и о новых механизмах вовлечения сотрудников в решение общих задач, стоящих перед компанией в частности и перед обществом в целом. Несомненно, в развитии и построении бизнес-структур роль руководителя компании всегда высока, и в решении использовать те или иные инструменты для продвижения своей компании тоже. Это в полной мере относится и к КСО» [4].

До сих пор в России единого подхода к пониманию социальной ответственности так и не выработано. Единственное, что можно с уверенностью утверждать, что любой бизнес, у которого нет собственных социальных целей, не имеет перспектив. В нашей стране обсуждение социальной ответственности бизнеса часто носит противоречивый характер, так как нет такого четкого понимания структуры КСО, бизнес-сообщество только начинает осваивать социальное направление деятельности.

Также начинают озвучиваться меры, способствующие повышению устойчивого развития предприятий и регионов, экологизации производства. Отмечается, что социальная политика становится фактором формирования позитивного имиджа (репутации) фирмы и устойчивого развития. Например: «Главными же стимулами распространения идеологии “устойчивого развития” остаются потребительские предпочтения более этичных товаров и услуг, дефицит ресурсов и законодательное и по-

литическое давление. Согласно данным отчета, лидером корпоративного устойчивого развития по-прежнему является Европа. Однако развивающиеся рынки также имеют несколько причин для инвестиций в такой подход к бизнесу. Нехватка чистой воды, экологическая деградация регионов — проблемы, которыми уже нельзя пренебрегать» [5].

«Модель формирования индексов построена на принципах ликвидности и капитализации. “В новом индексе основой формирования корзины станет корпоративная социальная ответственность компании как эффективный инструмент формирования устойчивого развития бизнеса в долгосрочной перспективе”, — говорит Георгий Чубрик. По его словам, за основу будут приняты такие критерии отбора, как социальная политика, экологическая и экономическая политика» [6].

«Социальная ответственность является непременным атрибутом выживания и устойчивого развития компании. Вопрос о необходимости корпоративной ответственности уже не стоит, сейчас главное для компаний — выбор стратегии и ключевых направлений» [7].

«Авторы доклада отмечают, что компании-лидеры демонстрируют готовность к изменениям, к выработке общих прогрессивных подходов. Хотя ситуация в российском бизнесе изменяется медленно. И если бизнес будет по-прежнему трактовать КСО как вынужденные потери, его стремление к “устойчивому развитию” может привести к “устойчивому отставанию”».

В целом федеральные средства массовой информации на протяжении последних пяти лет достаточно информативно представляют тематику социальной политики бизнеса. Наибольшее разнообразие обсуждаемых проблем в области социальной политики организации и корпоратив-

Таблица 3

Рейтинг тем, связанных с социальной политикой, «Коммерсантъ»

№ п/п	Тема	Количество знаков	
		единиц	%
2008–2010 гг.			
1	Нарушения трудового законодательства	2937	31,7
2	Социально-экономические показатели деятельности предприятий	2273	24,5
3	Социальные проекты, социальная ответственность бизнеса, примеры	2042	22,1
4	Закрытие предприятий	2012	21,7
Всего		9264	100
2011–2013 гг.			
1	Социальная ответственность бизнеса, опыт реализации социальных проектов, примеры	15 689	39,6
2	Взаимодействие бизнеса с местной властью	7629	19,3
3	Концепция корпоративной социальной политики	5641	14,2
4	Недобросовестная деловая практика	3649	9,2
5	Эффективность и формы ГЧП	3648	9,2
6	Имидж бизнеса, повышение репутации	3339	8,4
Всего		39 595	100

ной социальной ответственности отмечается в федеральном издании «Российская газета», причем именно в этом издании появляются темы, рассматривающие меры социальной политики в качестве условий устойчивого развития организаций и регионов, а также темы, касающиеся экологической ответственности бизнеса.

Несмотря на снижение напряженности в экономической сфере, общий объем публикаций, посвященных различным направлениям деятельности в рамках социальной политики, увеличивается, что свидетельствует об интересе менеджмента к данному виду корпоративной активности и наличии установки на повышение социальной ответственности.

Примечания

1. Рейтинги СМИ // Официальный сайт «Информационно-аналитическая система «Медиалогия». URL: <http://www.mlg.ru/ratings>, свободный (дата обращения: 13.08.2013)

2. Итоги 2012 года и прогноз экономического развития на среднесрочную перспективу. Обзор

макроэкономических тенденций № 73. Подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г. Москва, март 2013 г. / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: <http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/MONITORING/2013/mon2012.pdf>.

3. Носкова Е. Бизнес накапливает капитал // Российская бизнес-газета. 2012. 6 марта. URL: <http://www.rg.ru/2012/03/06/dobrovolchestvo.html>.

4. Березина Е. Филантропы начинают и выигрывают // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru>, свободный (дата обращения: 14.08.2013).

5. Устойчивость приносит прибыль // Коммерсантъ. 2012. 16 мая.

6. Морозова Л. Финансы плюс ответственность // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru>, свободный (дата обращения: 14.08.2013).

7. Мамонова Е. На общественных началах // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru>, свободный (дата обращения: 14.08.2013).

Таблица 4

Обобщенный рейтинг тем, связанных с социальной политикой

№ п/п	Тема	Количество знаков	
		единиц	%
2008–2010 гг.			
1	Социальные проекты, социальная ответственность бизнеса, примеры	27 727	11,5
2	Безработица и меры ее сокращения	20 690	16,4
3	Закрытие предприятий, в том числе в моногородах	19 911	12,3
4	Поддержка и развитие бизнеса в регионах	19 409	11,8
5	Поддержка благотворительной деятельности, социальных проектов, корпоративной социальной ответственности	18 278	10,8
6	Концепция корпоративной социальной политики	15 250	9,0
7	Охрана труда, медосмотры работников	11 601	6,9
8	Высокая инфляция, дисбаланс цен	10 433	6,2
9	Поощрение донорства	9396	5,6
10	Иновационная ответственность бизнеса	6217	3,7
11	Вклад российского бизнеса в благотворительность	4512	2,7
12	Нарушения трудового законодательства	2937	1,7
13	Социально-экономические показатели деятельности предприятий	2273	1,3
Всего		168 634	100
2011–2013 гг.			
1	Социальные проекты, социальная ответственность бизнеса, примеры	32 702	29,8
2	Концепция корпоративной социальной политики	14 966	13,7
3	Корпоративное волонтерство, добровольчество	10 902	9,9
4	Необходимость стимулирования КСО, благотворительности	9054	8,3
5	Взаимодействие бизнеса с местной властью	7629	7,0
6	Меры улучшения предпринимательского климата	7060	6,4
7	Вывод средств через офшорные компании	5049	4,6
8	Благотворительность, примеры	4634	4,2
9	Недобросовестная деловая практика	3649	3,3
10	Эффективность и формы ГЧП	3648	3,3
11	Устойчивое развитие, индекс устойчивого развития	3548	3,2
12	Экологизация промышленности	3395	3,1
13	Имидж бизнеса, повышение репутации	3339	3,0
Всего		109 575	100

ИСТОРИЯ

УДК 947

И. В. Чемоданов

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО ВЯТСКОГО РЕГИОНА ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ ПОЛИТИКИ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» К НЭПУ (1920–1922)

В статье рассматриваются тенденции и процессы, происходившие в вятской деревне в 1920–1922 гг. при переходе от политики «военного коммунизма» к НЭПу. Освещается реализация в вятской деревне мероприятий, которые осуществлялись в русле политики «военного коммунизма» и в первые годы НЭПа. Особое внимание уделяется первым шагам в деле организации социалистических форм землепользования (колхозов и совхозов), анализируется динамика колхозного строительства в аграрном секторе Вятской губернии в 1920–1922 гг. Оценивается влияние военных и революционных потрясений на развитие аграрного сектора Вятской губернии. Жизнь и хозяйственная деятельность вятского крестьянства рассматривается в общероссийском контексте, при этом раскрывается региональная специфика.

The article is about tendencies and processes which took place in Vyatka countryside in 1920–1922s during the transition from a policy of «war communism» to the NEP. The realization of measures in Vyatka countryside in terms of “war communism” and the first years of the NEP are observed. A special attention is given to the first steps of collective and soviet farms’ organization, the dynamics of collectivization in Vyatka province agricultural sector in 1920–1922s. The influence of war and revolutionary upheavals on the development of the agricultural sector Vyatka province. The vital and economic activity of Vyatka peasantry is shown in Russian context together with the regional specific.

Ключевые слова: крестьянство, сельское хозяйство, Вятский регион, политика «военного коммунизма», продразверстка, продналог, колхозы, коммуны, артели.

Keywords: peasantry, agriculture, Vyatka region, politics of “war communism”, provision assessment, provision tax, collective farms, communes, cooperatives.

Вопросы, связанные с жизнью и хозяйственной деятельностью российского крестьянства в условиях перехода страны от состояния полномасштабной Гражданской войны к послевоенному восстановлению при серьезной корректировке

большевистским руководством экономического курса, являются весьма перспективными для исследования. Изучение истории российского крестьянства в региональном разрезе позволяет выявить новые грани проблемы, более детально исследовать малоизвестные аспекты. В данной статье состояние аграрного сектора при переходе от политики «военного коммунизма» к НЭПу рассматривается в масштабе Вятской губернии. Документы региональных архивов в комплексе с материалами историко-бытовых экспедиций позволяют скорректировать и уточнить прежние оценки социально-экономического положения вятского крестьянства и по-новому взглянуть на ряд ключевых явлений в вятской деревне начала 1920-х гг.

Две войны (Первая мировая и Гражданская) поставили сельское хозяйство всей страны и Вятского региона в крайне тяжелое положение. В период Гражданской войны южные и восточные уезды Вятской губернии дважды подвергались нашествию белогвардейцев. И хотя, в связи с удалением Восточного фронта за Урал, губерния из прифронтовой становилась тыловой, наступавший 1920-й год сулил вятскому крестьянству новые испытания. В стране продолжалась полномасштабная Гражданская война. Поэтому основной задачей руководства губернии оставалось проведение продразверстки, значение которой усиливалось растущим голодом во многих районах разоренноговойной Советского государства. Но и в самой Вятской губернии ситуация вырисовывалась более чем сложная. Лето 1920 г. выдалось на Вятке жарким и засушливым. В деревнях пожары стали почти обыденным явлением. Выгорали хлеба. Тысячи горожан были отправлены на спасение урожая. Однако силы вятской деревни были на исходе и, несмотря на все предпринятые усилия, государственные заготовки хлеба составили на конец ноября только 7,7 млн пудов. В 1920 г. начался голод, который охватил в основном население северной части губернии [1]. Однако, несмотря на это, с 1 июля 1920 г. по 1 января 1921 г. в дореволюционных границах Вятской губернии в счет разверстки было собрано 9 250 496 пудов хлеба [2]. Всего за годы Гражданской войны вятчане дали стране около 40 млн пудов хлеба [3].

Многочисленные мобилизации, отвлекая наиболее трудоспособную часть сельского насе-

ния, пагубно сказывались на состоянии аграрного сектора. С августа 1918 по август 1920 г. Вятский губвоенкомат провел 60 призывов, под которые попало 29 возрастов. В основном это были крестьяне. Какое-то количество вятских крестьян было призвано служить в войска белых (точные данные на этот счет отсутствуют) [4]. Партийно-государственное руководство пытались хотя бы частично решить проблему посредством организации всевозможных кампаний, направленных на мобилизацию временно свободных трудовых ресурсов города на работу в деревню в наиболее «горячее время» (посевная, сенокос, уборочная). 1–7 мая 1920 г. в губернии прошла Неделя сельского хозяйства: для оказания помощи малоимущим и красноармейским семьям в засеве полей губпродкомом было выделено 2 млн пудов зерна, 69 тыс. пудов железа, изготовлено и отправлено в села и деревни 18 820 кос и 2014 плугов. Наркомзем отпустил 500 тыс. руб. для выдачи сельскохозяйственным коллективам губернии.

С 21 ноября 1920 г. во всех уездах и волостях была проведена Неделя помощи красноармейцам тыловику. В 1920 г. в деревнях Вятской губернии насчитывалось почти 214 тыс. красноармейских хозяйств; для оказания помощи им Советское правительство отпустило 150 млн руб. На эти средства были обеспечены семенами почти 32 тыс. красноармейских хозяйств; 1188 хозяйств получили рабочий скот, 845 хозяйств – коров, около 45 тыс. хозяйств были снабжены инвентарем и материалами; более 98 тыс. хозяйств получили помощь в сельскохозяйственных и строительных работах [5].

В августе-сентябре 1920 г. в Вятской губернии была проведена Неделя крестьянин. В инструкции ЦК РКП(б) данная кампания определялась как «непосредственная радикальная помощь крестьянам», которая включала проведение следующих работ: уборка урожая, сенокос, починка сельскохозяйственных машин и инвентаря, ремонт дорог, мостов, расчистка зарослей и т. д. Предполагались также мероприятия, направленные на осуществление широкой агитации и пропаганды «коммунистических идей и основ советского строя», ликвидацию безграмотности и проведение другой культурно-просветительной работы. В рамках Недели крестьянин в деревню направлялись рабочие остановившихся предприятий, а также служащие учреждений, которые без ущерба для своей основной деятельности имели возможность «выделить свободных работников для деревни», кустари и прочие лица из числа «не занимающихся сельским хозяйством и общественно полезным трудом». Оплата труда работников, задействованных в кампании, производилась за счет командирующих предприятий и учреждений, а привлеченных из других губер-

ний и уездов – за счет соответствующих губернских и уездных исполкомов [6].

Губернский комитет РКП(б) мобилизовал на уборку урожая более 100 коммунистов. Из Вятки и уездных городов выехали для участия в сельскохозяйственных работах отряды, насчитывающие в общей сложности около 2800 рабочих и служащих. В тех волостях, куда рабочие посланы не были, по инициативе местных партичеек формировались отряды из крестьян и советских служащих. Так, в Куменской волости (Вятский уезд) в оказании помощи семьям красноармейцев принимало участие до двух тысяч крестьян. Их помощью были охвачены 122 семьи, обработано 219 дес. В 9 волостях Северо-Вятского горного округа было организовано 7 сельскохозяйственных дружин, в которых было 127 чел. квалифицированных специалистов и 131 чел. чернорабочих. Среди мобилизованных преобладали рабочие заводов, члены партии и комсомольцы. За время Недели крестьянин ими было отработано 44 959 часов, наложено 765 сельскохозяйственных орудий, исправлено и изготовлено 1036 предметов домашнего обихода, подковано 154 лошади, отремонтировано 84 жилища и строения, сжато и обмолочено 11 003 снопа ржи и овса, поправлено 1255 сажен изгородей и проделано много другой работы. На помощь крестьянам было израсходовано 186 232 руб., 109 пудов стали, 500 пудов железа и 60 коробов угля. Читались лекции и доклады (главным образом, по сельскому хозяйству), проведено более 20 бесплатных спектаклей [7].

Разумеется, чисто экономические результаты подобного рода кампаний были более чем скромными. Помощь, оказываемая городом, составляла лишь ничтожно малую долю того, в чем нуждалась разоренная Первой мировой и Гражданской войнами российская (и вятская) деревня. Однако не стоит недооценивать морально-психологическое и политico-воспитательное значение этих кампаний. Как известно, Советская власть с самого начала четко позиционировала себя как власть рабочих и крестьян, призванная защищать интересы трудящихся. Однако именно на этой почве между ней и крестьянством часто и возникали трения. Уже в первые годы Советской власти в сознании крестьянства получает широкое распространение феномен «ревности» по отношению к жителям города, в первую очередь – к рабочим, которые в глазах значительной части сельского населения воспринимались как люди, занимающие привилегированное положение, пользующиеся особой заботой Советской власти и потому живущие намного лучше крестьян, хотя работали они, по крестьянским меркам, значительно меньше. Неделя крестьянина и другие аналогичные мероприятия как раз и

призваны были изжить подобного рода настроения, наглядно демонстрируя крестьянской массе, что Советская власть и рабочий класс знают о страданиях крестьян, пытаются в меру своих скромных возможностей помочь им, а если не дают большего – то лишь по причине сложного внутреннего и международного положения Советской республики. Важно было укрепить доверие крестьян к Советской власти, показать, что союз рабочего класса и трудового крестьянства – это не только пропагандистский лозунг, что «рабочий от работы не отлынивает и всегда готов помочь крестьянину, чем может» [8].

Значительная (с учетом имевшихся возможностей) культурно-просветительская работа проводилась отделом по делам национальностей при Вятском губисполкоме среди нерусского крестьянства губернии. Всего действовало три секции: марийская, татарская и вотская. Марийская секция организовала собственное издательство, которое выпускало газету «Мари коммунист», а с 1920 г. начало выпуск газеты «Мари ильш». Вышло 24 номера (по 3000 экземпляров каждый), а также несколько брошюр. Татарская и вотская секции также участвовали в выпуске газет на родном языке. Марийский, татарский и вотский культурно-просветительские кружки регулярно ставили спектакли, организовывали митинги и концерты на национальных языках [9]. В с. Сернур (Уржумский уезд) в ноябре 1920 г. курсантами Сернурских педагогических курсов марий спектакли на русском и марийском языках ставились почти еженедельно [10].

Первые месяцы Советской власти стали временем возникновения в Российской деревне социалистических форм землепользования – колхозов и совхозов. В Вятской губернии реализация Декрета о земле завершилась к осени 1918 г. Беднота и середняки получили дополнительно около 172 тыс. дес. земли за счет конфискованных частновладельческих, казенных, монастырских земель. Кроме того, были перераспределены излишки кулацких земель. Для организации совхозов и коллективных хозяйств предназначалось около 3 тыс. дес. земли [11].

Сельскохозяйственные коммуны появились в Вятской губернии весной 1918 г., сначала в Глазовском, Вятском и Слободском, а затем – и в других уездах. Поначалу организация коммун осуществлялась при отсутствии руководящих указаний со стороны центра и соответствующей правовой базы. Стихийный рост коллективных хозяйств первоначально был настолько велик, что местные земельные органы не успевали инструктировать их и отводить им землю. Обеспечение молодых колхозов землей было объективно затруднено ввиду отсутствия в губернии сколько-нибудь значительных ресурсов государственных

и помещичьих земель. Землеустройство затягивалось из-за бюрократической волокиты. 21 июля 1918 г. был издан «Примерный устав земледельческой трудовой коммуны», в ноябре организуется губернское бюро коммун.

Получили развитие и другие формы общественного хозяйства – сельхозартели и товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). Заметим, однако, что само понятие «ТОЗ» входит в обиход вятского крестьянства сравнительно поздно (лишь со второй половины 1920-х гг.). Поэтому многие колхозы с неполным обобществлением средств производства с легкой руки именовались «картелями», хотя по организационной структуре их скорее следовало бы отнести к ТОЗам.

В апреле 1920 г. создается Вятский губернский союз сельскохозяйственных коллективов, а 26–29 мая на съезде сельскохозяйственных коллективов Вятской губернии принято решение организовать и уездные отделения Союза, которые позднее были образованы во всех уездах, за исключением Сарапульского и Котельничского [12].

Организаторами первых колхозов Вятской губернии были Ф. П. Конышев (коммуна «Цивилия» Глазовского уезда), А. И. Кассин (Тумановская коммуна Вятского уезда), М. М. Жаворонков (артель «Земледелец» Орловского уезда), Т. А. Пирогов (коммуна «Образцовая» Малмыжского уезда). На I Всероссийском съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей (декабрь 1919 г.) они представляли 182 коммуны и артели, в которых состояло 9 740 чел. В декабре 1920 г. в губернии насчитывалось 38 совхозов и 236 колхозов (сельхозкоммун, артелей и товариществ), насчитывавших 11 956 чел. [13]

Инициаторами разного рода новаций в деревне, в том числе и создания колхозов, часто выступали фронтовики (бывшие солдаты царской армии, а позднее – демобилизованные красноармейцы), которых отличал богатый жизненный опыт, более высокий уровень грамотности и сознательности. Те из них, которым довелось воевать в районах развитого помещичьего землевладения, имели возможность воочию убедиться в преимуществах крупного хозяйства перед мелким. Это наводило их на мысль «объединить свой изношенный за время войны инвентарь, как живой, так и мертвый, и общими силами обрабатывать тот или иной кусок земли». Дополнительным стимулом для создания колхозов являлось получение от государства различных льгот (удобной земли, техники, кредитов, агрономической помощи и пр.). Создавая сельхозартель на своих надельных землях, крестьяне просили «соединить их надельные полосы в один участок, ибо видели, что на крупных

участках урожай всегда лучше, чем у них, зачастую на саженных полосах» [14].

Однако при организации колхозов вятским крестьянам приходилось рассчитывать в основном на собственные силы. Показательна в этом отношении судьба уже упоминавшейся сельхозартели «Земледелец», организованной в мае 1919 г. В ней числилось 40 едоков при 18 трудоспособных, из них 6 человек было мобилизовано в Красную армию. В первое лето члены артели работали дружно, не покладая рук. Однако положение усугублялось тем, что артель создавалась на надельной земле, и поэтому ее пахотные и сенокосные угодья располагались чересполосно. Кроме того, в артели состояло два безлошадных хозяйства, и, поскольку это были семьи красноармейцев, наделы их обрабатывались бесплатно. Колхоз помогал беднякам выживать. В следующем году артели так и не удалось устраниТЬ чересполосицу. Стало еще хуже: весной под яровой посев ей выделили самую плохую землю, так как большая часть общиньбы выступала против создания колхоза [15].

Как видим, отношение основной массы крестьянства к мероприятиям по социалистическому переустройству аграрного сектора было весьма неоднозначным. С одной стороны, образование советских хозяйств (совхозов) в целом приветствовалось. На базе их организовывались племенные рассадники скота, обслуживающие нужды сельского населения. Терпимым было отношение и к тем коммунам, которые организовывались на вненадельных землях (казенных, частновладельческих, монастырских), так как возникновение подобного рода хозяйств, как правило, не ущемляло интересов крестьян-единоличников. А вот создание колхозов на крестьянских надельных землях (как, впрочем, в недалеком прошлом насаждение столыпинских отрубов и хуто-

ров) нередко встречало недовольство со стороны крестьянства.

Втягивание страны в состояние полномасштабной Гражданской войны негативно сказывалось и на темпах колхозного строительства. В связи с приближением фронта мобилизации подлежали лучшие политico-административные и производственные кадры, в том числе и организаторы коллективных хозяйств. Вместо них во главе колхозов становились люди, которые, ввиду низкого профессионального (а нередко – и морального) уровня, не пользовались авторитетом среди местного населения и, соответственно, не могли убедить крестьянство в преимуществах коллективного землепользования перед единоличным. Активизировавшиеся антибольшевистские силы распространяли о колхозах всевозможные порочащие слухи. Так, например, крестьянам внушали, что «тех, кто запишется в коммуну, заставят жить в казармах». В районах, занятых белыми, колхозы и совхозы ликвидировались, а члены их подвергались репрессиям.

Крупномасштабное наступление Деникина (лето-осень 1919 г.) потребовало от советского руководства максимального сосредоточения имеющихся сил и ресурсов на нужды обороны. Материальная поддержка колхозного строительства была урезана до минимума, что привело к значительному сокращению числа колхозов. Если к июлю 1919 г. в губернии насчитывалось 165 коммун и артелей, то к началу 1920 г. – лишь 141, т. е. количество их сократилось на 14,5%. Привозгласив курс на союз с середняком, партийно-государственное руководство вынуждено было отказаться от ускоренного насаждения коммун. Теперь приоритет отдавался более приемлемой для основной массы крестьянства форме колхозов – сельхозартели. Поэтому к концу Гражданской войны мы наблюдаем как относительное,

Таблица 1
Количество и состав колхозов в Вятской губернии на 1 июля 1920 г.

Наименование уездов	Коммуны		Артели	
	Кол-во	Общее число едоков	Кол-во	Общее число едоков
Вятский	4	141	2	78
Глазовский	7	238	10	415
Слободской	8	182	11	404
Котельничский	2	65	6	458
Орловский	3	80	4	132
Нолинский	3	102	4	157
Советский	3	112	3	134
Сарапульский	–	–	–	–
Яранский	1	30	1	40
Уржумский	10	456	3	149
Малмыжский	9	335	10	524
Елабужский	Нет сведений			
Всего	50	1741	54	2491

так и абсолютное сокращение числа сельхозкоммун. К 1 июля 1920 г. в вятской деревне насчитывалось 50 коммун и 54 артели (см. табл. 1) [16].

Вятские колхозы были невелики. Если в целом по стране в среднем на колхоз приходилось около 60 чел., то по губернии в среднем на коммуну приходилось 35 чел., а на артель – 46 чел. К началу 1920-х гг. колхозы и совхозы Вятской губернии поистине «представляли собой островки в океане индивидуальных крестьянских хозяйств» [17].

Страшный голод 1921–1922 гг., охвативший значительную часть страны, прошелся и по южным уездам Вятской губернии. Необходимо напомнить, что в Вятском регионе голод начался еще в 1920 г., а его последствия сказывались вплоть до 1924 г. В этом отношении 1921/22 хозяйственный год следует рассматривать не как начало, а как пик голода [18]. Это бедствие было в определенном смысле закономерным, ибо оно явилось следствием не только засухи, но и, прежде всего, предельного перенапряжения и истощения производительных сил деревни. Далеко не все земледельцы дожили до мирного времени, другие вернулись с фронтов калеками, инвалидами. Правда, радикальное сокращение численности Красной армии (с 5,3 млн чел. в конце Гражданской войны до 1,6 млн к концу 1921 г. и до 600 тыс. к февралю 1923-го) несколько смягчило эту проблему, но не могло решить ее полностью.

Посевная площадь, составлявшая в 1913 г. 100% пашни (с перелогами), а до революции – 57%, к 1921 г. охватывала лишь 39%, а в 1922 г. – 29% пашни. По сравнению с 1916 г. посевы зерновых к 1921 г. сократились на 47,5%, льна – на 66,8%, картофеля – на 62,4%, а валовые сборы зерна и других сельскохозяйственных культур уменьшились в два-три раза [19]. Катастрофически упала урожайность основных зерновых культур. Об этом свидетельствуют данные табл. 2 [20].

В южных и восточных уездах, дважды подвергавшихся нашествию белогвардейцев, у населения было отобрано более 1,5 млн пудов хлеба, уничтожено хлебов на корню более 3 тыс. дес. [21]

В годы Гражданской войны сильно пострадало и животноводство. Поголовье лошадей уменьшилось против 1916 г. на 24,8%, крупного рогатого скота – на 45,8%, овец – на 73,2%, свиней –

на 80,2% [22]. Общая численность лошадей по губернии в расчете на одно крестьянское хозяйство к весне 1922 г. уменьшилась на 27% против 1916 г., почти третья половина дворов были безлошадными. В 1922 г. в среднем на хозяйство приходилась всего одна корова, на 21 хозяйство – одна свинья. На рабочую лошадь приходилось свыше 11 дес. пашни (для сравнения: в 1912 г. – 8,8 дес.), тогда как максимальная нагрузка могла составлять не более 10 дес. [23] Налицо был явный недостаток тяговой силы.

Сокращение поголовья скота в начале 1920-х гг. было связано и с особенностями налоговой политики. Дело в том, что до 1923 г. сельхозналог взимался в натуральной форме, и вятские крестьяне предпочитали выплачивать его продуктами животноводства. Сдавать скот было выгоднее, чем хлеб. При уплате налога один пуд ржи можно было заменить 8 фунтами говядины, баранины или 6 фунтами свинины. В результате к 1 января 1923 г. население губернии сдало в счет налога 186 529 пудов мяса. Кроме того, по восьми уездам (Вятский, Нолинский, Омутнинский, Орловский, Слободской, Советский, Уржумский и Яранский) было сдано 15 337 голов крупного рогатого скота, 8495 овец и 7315 свиней. Из этого количества большая часть сданного скота приходилась на животноводческие уезды – Орловский, Слободской и Вятский [24].

Крайне изношенным оказался сельскохозяйственный инвентарь, причем в начале 1920-х гг. ситуация продолжала ухудшаться. И хотя с окончанием военных действий и началом стабилизации хозяйственной жизни в деревню возобновились поставки сельскохозяйственного инвентаря, они были слишком малы, чтобы компенсировать изношенность технической базы. За 1922 г. в вятской деревне количество плугов сократилось на 0,1%, сох-косуль и железных борон – на 1,4%, обычных сох – на 6,1% и лишь число борон деревянных выросло на 2,3%.

В марте 1921 г. X съезд РКП(б) положил начало новой экономической политике, приняв решение о замене продразверстки продналогом. Положительно восприняв идею продналога, крестьянство в то же время болезненно реагировало на требования погасить долги по разверстке. Между тем продовольственная ситуация в губернии оставалась тяжелой, особенно острый недо-

Таблица 2

Годы обследования	Урожайность зерновых (пуд. с дес.)	
	Рожь	Овес
1912–1917	47	43
1920	31	35
1921	10	13

статок продовольствия ощущался в Котельническом, Малмыжском, Уржумском и Яранском уездах. Весной 1921 г. в ряде районов на этой почве имели место конфликты между населением и представителями властей. Так, в Яранском уезде крестьяне самовольно захватили транспортируемые в г. Котельнич продовольственные грузы. В губернии действовали вооруженные банды, которых на март 1921 г. насчитывалось около полусотни.

Летом 1921 г. продовольственная ситуация в губернии продолжала ухудшаться. Попытки наладить товарообмен между городом и деревней оказались малорезультативными: ослабленная и частично разрушенная городская промышленность немногое могла предложить остро нуждающейся в ее изделиях деревне. Первые результаты сбора нового урожая оказались удручающими. В южных уездах не хватало семян для посева озимых. В 1922 г. валовая продукция вятской деревни опустилась до показателя 35% от уровня 1913 г. Если в начале века потребление крестьянами хлеба составляло 17,82 пуда на душу населения в год, то в 1922 г. – лишь 10,78 пуда, причем 50% потребляемого хлеба составляли суррогаты (картофель, мякина и даже жирная глина) [25]. Усилилась распродажа крестьянами скота и инвентаря. По сообщениям спецслужб, крестьянское население губернии, «променяв на хлеб весь свой скарб и скот, вынуждено было значительную часть года питаться различными видами суррогатов (например, кора липы и других деревьев, древесные опилки, желуди дуба, дикий клевер и проч.)» [26].

Переход от политики «военного коммунизма» к НЭПу, от продразверстки к продналогу, призванный облегчить положение крестьянства, стимулировать его производственную деятельность, разрядить социальную напряженность, первоначально не оказал в регионе должного эффекта. Дело в том, что земледельческие губернии, многие из которых пострадали больше Вятской (Среднее Поволжье, Южная Украина и др.), оказать ей помочь, естественно, не могли. Внутри губерний в 1921 г. основные сельскохозяйственные уезды (Малмыжский, Советский, Уржумский и Яранский) как наиболее пострадавшие от засухи были освобождены от уплаты налога, его вносили лишь северные уезды, которые вынуждены были выступать в качестве доноров по отношению к южным, а налоговая система играла роль механизма перераспределения продуктов питания от более благополучных регионов и местностей к тем, которые переживали катастрофу. В целом же продналог 1921 г. в Вятской губернии оказался не меньше задания по продразверстке предыдущего года, а больше его в полтора раза [27].

Таким образом, Первая мировая и Гражданская войны, революционные потрясения, иностранная военная интервенция и введенная Антантою экономическая блокада Советской России – все это имело для сельского хозяйства и крестьянства Вятской губернии поистине катастрофические последствия. До предела сократилась посевная площадь, сильно уменьшилось поголовье скота, практически прекратилось обновление сельскохозяйственного инвентаря, в деревне ощущалась острые нехватка рабочих рук и квалифицированных управленческих кадров. В 1920 г. в Вятской губернии разразился голод, пик которого пришелся на 1921–1922 гг.

Первые годы НЭПа не стали переломными в восстановлении сельского хозяйства Вятской губернии. Относительно суровые, по сравнению с другими регионами, природные условия края, послевоенная разруха, недостаток семян, инвентаря, рабочего и продуктивного скота не позволяли вятскому крестьянству быстро достичь не только довоенного, но и дореволюционного уровня. В целом вятские крестьяне, по сравнению с крестьянством других губерний, в значительно меньшей степени испытывали на себе позитивные стороны НЭПа (сокращение налогового бремени, возможность свободного распоряжения излишками произведенной ими продукции) и вынуждены были восстанавливать хозяйство при минимальной поддержке государства, опираясь, в основном, на собственные силы. Реальное улучшение ситуации в аграрном секторе будет заметным лишь с середины 1920-х гг.

Примечания

1. Загвоздкин Г. Г. Гражданская война // Памяти Геннадия Григорьевича Загвоздкина – ученого, историка, человека... СПб.: Нестор, 2008. С. 89–97.
2. Леконцев О. Н. Государство и крестьянство в условиях голода 1921 года. Ижевск, 2010. С. 29.
3. Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 291.
4. История и культура Вятского края / под ред. И. Ю. Трушковой. М.; Киров, 2005. С. 246.
5. Очерки истории Кировской организации КПСС: в 2 ч. Ч. 2: 1918–1968. Горький, 1969. С. 77–85.
6. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 329. Л. 119.
7. Очерки истории Кировской организации КПСС ... С. 86; ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 329. Л. 180, 246.
8. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 329. Л. 61.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 14. Д. 4. Л. 280б.
10. Там же. Д. 2. Л. 14.
11. Очерки истории Кировской организации КПСС ... С. 41.
12. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 407. Л. 8.
13. Очерки истории Кировской области ... С. 294–295.
14. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 407. Л. 8.
15. Там же. Д. 345. Л. 56.
16. Там же. Д. 407. Л. 9.

17. Кирюхина Е. И. Под знаменем Октября. Кировская область за 60 лет Советской власти. Киров, 1977. С. 67.
18. Леконцев О. Н. Указ. соч. С. 7.
19. Кокурин Т. П. Социалистические преобразования сельского хозяйства // Пятьдесят советских лет, 1917–1967: Кировская область. Киров, 1967. С. 140.
20. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 250. А. 170–172.
21. Очерки истории Кировской организации КПСС ... С. 72.
22. Кокурин Т. П. Доля крестьянская... вряд ли труднее сыскать // Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом? Т. 3. Кн. 2. Крестьянство. XX век. Киров, 2005. С. 9.
23. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 250. А. 173; Оп. 3. Д. 183. А. 12.
24. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-1062. Оп. 1. Д. 806. А. 416об.
25. Перфильев Б. Питание сельского населения Вятской губернии в 1921, 1922 и 1923 году // Вятская жизнь. 1923. № 5–6. С. 26.
26. ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 250. А. 172–173.
27. Бакулин В. И. Радость со слезами на глазах: Вятская губерния при переходе от 7-летней войны к нэпу // Самобытная Вятка: история и культура: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Поляков. Киров, 2008. С. 9–12.

УДК 947.06 (470.1)

А. К. Гагиева

КОМИ КРЕСТЬЯНКА В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ XVIII в.

В статье обсуждаются вопросы, связанные с местом и ролью коми крестьянки в XVIII в. Впервые в исторической науке показана роль коми женщины в повседневной крестьянской жизни.

In article are discussed issues related to the place and the role of the Komi peasant in the XVIII century. For the first time in historical science the role of the Komi women in everyday peasant life was shown.

Ключевые слова: община, уезд, крестьянка, региональный социум, надельная земля, мирской сход.

Keywords: community, district, peasant, regional society, allotment land, village gathering.

Постановка проблемы о роли женщины в региональном социуме, в нашем случае на территории Вологодской губернии, заселенной коми-зырянами, относится к досоветской историографии. Советские историки, обращаясь к данной теме в контексте изучения традиционной культуры народа коми (Д. Л. Балуева, Л. Н. Жеребцов), неоднократно подчеркивали особую роль женщин в трудовой жизни коми деревни Европейского Севера. Она состояла в более высоком

правовом и социальном статусе женщины, по сравнению с женщинами европейской части страны, где существовали жесткие формы крепостничества. Но и тем и другим были свойственны тяготы женской доли, полная подчиненность семье, мужу и так далее [1].

Современные историки достигли определенных успехов в изучении роли женщин в XVIII–XX вв. В работах Н. А. Миненко, В. В. Рабцевич, Е. Ю. Апкаримовой и других не только содержится уникальный материал по изучаемому вопросу, но и приводятся новые источники, не введенные до настоящего времени в научный оборот [2]. Вместе с тем следует отметить, что для региональных социумов вопрос о роли женщины в обществе до настоящего времени остается открытым.

Цель нашей статьи – рассмотреть место и роль коми крестьянки в XVIII в. Основными источниками для подготовки данной работы стали архивные документы, сосредоточенные в фондах Яренской воеводской канцелярии Российского государственного архива древних актов. Неопубликованные документы были представлены как краткими погодными записями о рассмотренных делах, так и конкретными делами [3].

Коми край – термин условный. Он получил свое название по имени народа, населявшего бассейны различных рек: Вычегды, Печоры, Двины и их притоков на северо-востоке страны. В административном отношении эта территория не оставалась неизменной. К началу изучаемого периода она входила, по реформам Петра I, в Архангелогородскую и Сибирскую губернии, которые делились на уезды. Губернатору подчинялись уездные власти. Однако, в силу обширности территорий, руководить ими из губернского центра было сложно, поэтому в 1719 г. губернии были разделены на провинции. Архангельская губерния стала состоять из четырех провинций: Двинской (или Холмогорской), Вологодской, Великоустюжской и Галицкой. Уезды упразднялись, вместо них вводились дикреты. Однако на изучаемой территории дело свелось к переименованию уездов в дикреты. Пустозерский дикрет вошел в Двинскую губернию, Сольвычегодский и Яренский дикреты – в Великоустюжскую провинцию. Хлыновский дикрет находился в составе Вятской провинции Сибирской губернии [4].

В 1726 г. отменяется искусственное деление провинций на дистрикты и восстанавливается историческая административная единица – уезд. В 1727 г. городовые магистраты полностью подчиняются губернаторам и воеводам, а их компетенция значительно сокращается. Система местного управления была закреплена специальной инструкцией от 12 сентября 1728 г. Она устранила неразбериху в местном управлении и мини-

стративно-территориальном делении, порожденную реформой 1719–1720 гг. Органами управления и суда в губерниях стали губернаторы, а в провинциях и уездах – соответственно провинциальные и уездные воеводы. Свои полномочия они осуществляли через канцелярии: губернские, провинциальные, уездные. Инструкция устанавливала строгую субординацию местных властей: уездный воевода подчинялся провинциальному, провинциальный воевода – губернатору, губернатор – монарху и Сенату. Однако кардинального улучшения работы местного государственного аппарата не произошло. Отсутствие в период дворцовых переворотов стабильности в высшем эшелоне власти и сохранение административных и судебных функций в губерниях, провинциях и уездах в руках губернаторов и воевод превращали местный аппарат в неподконтрольный центру политический институт, что провоцировало произвол и взяточничество местных властей. Эта система местного управления просуществовала до середины 70-х гг. XVIII в.

7 ноября 1775 г. по «Учреждению о губерниях» произошла реорганизация административно-территориального деления страны. Она включала создание новых органов управления и судебную реформу.

Административно-территориальными единицами отныне становились губернии и уезды. В основу их формирования был положен фискальный принцип. В губернии должно было проживать от 300 до 400 тыс. ревизских душ, а в уезде – 20–30 тыс. Новое административно-территориальное деление полностью игнорировало экономические связи отдельных земель и национальный состав их населения. Предполагалось создать около 50 губерний и 300 уездов [5].

Во главе губернии стоял губернатор, назначаемый и смешаемый монархом. В своей деятельности он опирался на губернское правление в составе губернского прокурора и двух советников. Губернатору принадлежала вся полнота исполнительной власти, контроль деятельности губернских учреждений и должностных лиц. Ему были подчинены все воинские части и команды, находившиеся на территории губернии.

Всеми финансовыми вопросами ведала Казенная палата, возглавляемая помощником губернатора – вице-губернатором.

Две-три губернии обычно объединялись в наместничество во главе с наместником или генерал-губернатором – должностным лицом, назначавшимся Екатериной II и надзиравшим за всеми губернскими учреждениями.

Уездная администрация возглавлялась капитаном-исправником, избиравшимся дворянством. При нем функционировал административный орган – Нижний земский суд. Финансовым

учреждением в уезде являлось уездное казначейство. Города выделялись в особые административные единицы. Административно-полицейские функции в городах осуществляли городничие, назначавшиеся центральной властью. В апреле 1782 г. был утвержден «Устав благочиния», определивший устройство полицейского аппарата города. Городскую управу благочиния возглавлял подчинявшийся городничему (в губернском городе – губернатору) полицеймейстер (в Петербурге и Москве обер-полицеймейстер). Сфера полицейского управления была обширна: обеспечение «тишины и спокойствия», руководство пожарными командами, исполнение судебных решений, организация народных развлечений и празднеств, контроль за соблюдением порядка торговли и санитарным состоянием города. В 1790 г. на городские управы благочиния было возложено осуществление цензурных функций. Яренский уезд был разделен на четыре части: Пысская волость отошла к Мезенскому уезду Архангельской области, четыре нижневычегодских волости к Сольвычегодскому уезду Великоустюжской области, а на остальной территории были образованы Устьсыольский и Яренский уезды, относившиеся к Великоустюжской области. Территорию бывшего Пустозерского уезда включили в Мезенский уезд [6].

Лузская четверть Сольвычегодского уезда была в 1780 г. передана в новый Лальский уезд Великоустюжской губернии. Слудка, Прокопьевка, Гурьевка и другие коми селения на средней Летке составляли Слудскую волость Орловского уезда вновь образованной Вятской губернии. В 1796 г. Лальский уезд был упразднен. Верхняя Луза, начиная с Лоемской волости, и верхняя Летка вошли в Устьсыольский уезд [7].

В 1784 г. Архангельская область была преобразована в наместничество. В 1796 г. Архангельское и Вологодское наместничества преобразовали в губернию, Великоустюжская область была ликвидирована. В 1797 г. по указу Павла I проведена очередная реформа, в результате которой произошло укрупнение волостей: в Яренском уезде осталось пять волостей, а в Устьсыольском – восемь [8]. В последующее время основная часть территории Коми края оставалась в составе Архангельской и Вологодской губерний, и, как указывал исследователь И. Л. Жеребцов, к концу исследуемого периода «сложилась трехступенчатая система административно-территориального деления: волость–уезд и губерния. При этом волости являлись не столько территориальными подразделениями уезда, сколько единицами крестьянского самоуправления и суда» [9]. Это же подтверждается и исследованиями, посвященными истории крестьянской общины XVIII в. на территории Коми края [10].

Во главе уезда стоял капитан-исправник, подчинявшийся губернатору. «Главным административным органом был нижний земской суд, возглавлявшийся капитан-исправником и состоящий из заседателей, избранных от дворян. Финансовые и хозяйственные дела сосредотачивались в уездном казначействе. Судебными органами был городовой магистрат для жителей уездного центра и нижняя расправа, судившая государственных крестьян» [11].

Представленная выше административно-территориальная система не учитывала этнических и социальных особенностей жизни коренного населения, но следует признать, что она, частично реформируясь, показала свою жизнеспособность до 1917 г., на что совершенно справедливо указывал И. Л. Жеребцов [12]. Сложившаяся система имела ряд своеобразных черт по сравнению с центральной частью России. Известно, что население, проживающее на изучаемой территории, не знало «ярма крепостничества». Оно относилось к государственным крестьянам и составляло большинство населения губернии [13]. Всего, по данным Д. В. Вишняковой, к концу изучаемого времени в Яренском, Устьысьольском и Мезенском уездах проживало 23 418, 34 031 и 21 871 человек соответственно [14]. Из них женщин насчитывалось в Яренском – 12 977, в Устьысьольском – 17 545, а в Мезенском – 11 579 человек [15].

Крестьянское сословие издавна было объединено в крестьянские союзы, границы которых соответствовали границам волостей. Каждая волость включала в свой состав несколько деревень, которые также являлись крестьянскими организациями. Государство возложило сбор податей и выполнение натуральных повинностей на выборное крестьянское управление, как волостное, так и деревенское. Оно посредством «мирского» схода и выбираемого из среды крестьян управления и решало вышеназванные задачи. Участниками сходов были в основном мужчины, женщины приглашались лишь в качестве свидетелей. Так, в 1741 г. на «мирском» сходе Важгорской волости рассматривалось дело о «самовольном» захвате участка земли крестьянином Михаилом Подоровым у крестьянина Оверина. Свидетелем по делу выступила Аксинья дочь Морозова» [16].

Следует отметить, что на изучаемой территории исторически сложившийся обычай передавал женщину под власть мужчины: сначала отца, потом – мужа. Это отражалось на ее имени. В каждом документе канцелярии имя женщины сопровождалось пометкой «такого-то дочь» и «крестьянская такого-то жена» [17]. Главными добродетелями при этом были доброта, трудолюбие, покорность, молчаливость [18]. Это

объяснялось полной зависимостью женщины от мужчины, когда мужчина распоряжался всем домашним имуществом. Если на Урале и в Сибири в это время дочери, выходя замуж, не получали «законной», то есть равной с братьями, доли имущества, а при вдовстве, покидая дом мужа, могли взять только свое приданое и то, что было приобретено в замужестве, то на изучаемой территории дело обстояло несколько иначе.

Как показывают исторические источники, на территории Яренского уезда коми крестьянка имела равные права, как и другие наследники, распоряжаться имуществом после смерти мужа. Она была законной наследницей всего движимого и недвижимого имущества. В нашем распоряжении имеется комплекс документов, показывающих поземельные отношения внутри одной крестьянской семьи. Это документы семьи Петруневых из Корткеросской волости, датированные 1696–1765 гг. [19]. Здесь представлены история пополнения земельного фонда одной семьи, а также получение доли при выходе девушки замуж и так далее.

Если в доме не имелось наследника-мужчины, а была лишь дочь-наследница, то коми крестьянки «могли взять в дом зятя», то есть молодые жили в доме матери невесты, платили налоги и отбывали повинности в пользу государства за земельный надел, принадлежащий матери жены. Крестьянское общество с пониманием относилось к таким зятям, которых называли, как и на Севере, «зятья-приемыши» [20].

В Кomi крае, как и на всей территории России, роли мужчины и женщины в повседневной жизни различались. Женщине отводилась роль хранительницы очага, а мужчине – роль добытчика и коммуникатора. Он должен был материально обеспечивать семью и осуществлять связь между малой общностью – семьей и большой – обществом. Однако в силу того, что коми мужчины большую часть времени проводили вне дома (уходили на заработки, на длительную охоту и так далее), женщины в отдельных волостях занимались «мужской» работой, например рыбной ловлей.

В целом же, несмотря на особую роль коми крестьянки в хозяйственных вопросах, гендерная асимметрия в определении жизненного пространства полов существовала. За женщиной признавался дом, за мужчиной – внедомашняя жизнь.

Примечания

1. Балуева Д. Д. Из истории земельных отношений в Кomi крае в XVIII веке // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 58–73; Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 35–45; История Кomi АССР. Сыктывкар, 1978.

2. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX в.).

Новосибирск, 1979. Миненко Н. А., Рабцевич В. В. Право и обычай в крестьянской семье (Урал и Сибирь в XVIII–XIX вв.). Челябинск, 1988; Апкафимова Е. А. Русская женщина в общественной жизни уральского и сибирского города в XVIII – начале XX в.: достижения современной историографии // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2007. С. 3–13.

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 609. Оп. 1, 2, 3.

4. Жеребцов И. Л. У истоков национальной государственности // Республика Коми – 80 лет. Очерки, посвященные 80-летию государственности Республики Коми в составе Российской Федерации. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. С. 7–33.

5. Там же. С. 26.

6. Там же.

7. Там же.

8. Мальцева А. К. Общинная организация и правосознание крестьян Коми края во второй половине XVIII века // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 24.

9. Жеребцов И. А. Указ. соч. С. 26.

10. Мальцева А. К. Указ. соч.

11. История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.

12. Жеребцов И. А. Указ. соч. С. 27.

13. Овчинникова Д. М. Частная жизнь крестьянки Далматовского монастыря в XVIII в. // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2007. С. 32–33.

14. Там же. С. 25.

15. Там же.

16. РГАДА. Оп. 3. Д. 43. Л. 123–134об.

17. РГАДА. Оп. 2. Д. 167–368.

18. Овчинникова Д. М. Указ. соч.

19. РГАДА. Оп. 3. Д. 167.

20. Соколовский А. П. Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877.

УДК 94(470.47).08:39

A. B. Очиров

ВОЙЛОЧНАЯ ЮРТА КАЛМЫКОВ (XIX в.)

В данной статье дается обзорная характеристика калмыцкой юрты. Говорится о деталях юрты, их изготовлении и применении, порядке сборки и установки калмыцкой юрты.

In this article the survey characteristic of the Kalmyk yurta briefly is given. Yurta details, their production and application. Assembly order and installations of the Kalmyk yurta.

Ключевые слова: юрта, калмыки, изготовление, сборка юрты.

Keywords: yurta, Kalmyks, production, yurta assembly.

© Очиров А. В., 2014

Особенности природно-климатических условий кочевой степи продиктовали ее обитателям и различные формы приспособления к ним. Каждый народ имел свои традиции ведения хозяйства и в соответствии с природными условиями создавал жилища. Занятие скотоводством привело к созданию новых форм быта и предметов материальной культуры у кочевников.

За многие века использования кочевой юрты были выработаны ее правила сборки и разборки, ее пропорции, ее обстановка и украшение. Внутренняя планировка юрты учитывала интересы и вкусы ее обитателей, все было подчинено кочевому образу жизни. Некоторые детали юрты были изготовлены из того, что давало скотоводство (шерсть, шкуры, кожа). Из шерсти овец были изготовлены войлок и ковры, которые затем использовались в качестве теплых стен юрты. Шкурами животных покрывали пол. Большая часть посуды и необходимой утвари, одежды и обуви была сделана из кожи. Способы и приемы ремесленного производства, например изготовление юрты и разнообразных предметов убранства, передавались из поколения в поколение.

Потребность постоянного передвижения, перекочевки обусловила создание мобильного жилья. Им и стала войлочная юрта, или кибитка, как называют ее европейцы.

До начала XIX в. основным видом жилья у калмыков была покрытая войлоком решетчатая юрта. Изобретение и многовековое использование войлочных жилищ объяснялось следующими причинами. Юрта являлась наиболее приспособленной к условиям кочевого скотоводства как сборно-разборное жилище, прочное, легкое и простое по устройству. Это жилище и его войлочное покрытие хорошо выдерживали климатические изменения: зимой кибитка защищала ее обитателей от ветра, мороза и снега, летом – от зноного солнца.

Войлочная юрта калмыков («ишкя гер» – дословный перевод «войлочный дом») состояла из деревянной основы, включающей в себя 5–10 деревянных решеток («терме»), двусторчатой двери («уден»), круглых или квадратных в разрезе и заостренных на верхнем конце жердей в количестве от 75 до 150 штук («унин»), а также верхнего круга («хаачи»), служившего своего рода дымоходным отверстием. Деревянный остов накрывался войлоком, обшитым по краям крученными шерстяными веревками. Такой обработкой кошем достигалась прежде всего красота, изящность, но главным образом прочность.

Остов стен юрты собирался из связанных между собой складных деревянных решеток («терме»), которые определяли размер и вместимость кибитки. Нижние концы решеток устанавливались на земле, а верхние служили поддержкой

свода. Сама решетка состояла из плоских, слегка выгнутых наружу, выструганных 30–40 закругленных или четырехгранных в сечении реек. Изготавливались в основном из мягких пород дерева (липа). Они накладывались друг на друга косой клеткой и скреплялись между собой при помощи кожаных ремешков в каждом перекрестке реек так, чтобы можно было увеличивать или уменьшать решетку до нужной высоты при установке кибитки или складывать при перекочевках. Верхняя часть решетки носила название головок решетки, к которым прикреплялись жерди («унины») с помощью шерстяных петель.

Верхний конец жерди имел форму тупого клина, а нижний был круглым. В нижней части жерди имелось специальное отверстие, через него продевался шерстяной шнурок и фиксировался с решеткой кибитки. Также крепились жерди и к двери (в количестве 6 штук). Отметим здесь, что калмыцкая юрта отличалась от строений тюркоязычных народов Средней Азии. У тюрок строения имели слабо изогнутые жерди, тогда как у калмыцкой юрты жерди были прямые, что обуславливало конусную форму ее кровли, а не круглую, характерную для жилищ тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана.

Крыша юрты состояла из выструганных жердей («унин»), которые вdevались в круг («харачи») с двумя, четырьмя или шестью прибитыми к кругу полуобручами («цагрык»), перекрещивающимися взаимно и возвышающимися над плоскостью круга. Цагрык и унины, поставленные на место и на головки решеток, образовывали свод. В ободе верхнего круга были проделаны отверстия снизу вверх и несколько изнутри наружу – по количеству жердей. Верхний круг изготавливали из дерева целиком, или же он состоял из отдельных фрагментов, для чего использовали твердые породы деревьев – березу, дуб, вяз [1].

Дверь в калмыцкой юрте была двустворчатой и открывалась вовнутрь. Обе ее половинки с одной стороны были наглухо прикреплены к боковым косякам и поэтому всегда перевозились не раздельно с дверной рамой. Она никогда не разбиралась и перевозилась всегда в цельном, неразобранном виде. Вокруг косяка двери имелись специальные отверстия для крепления решеток, для крепления войлока (кошем), для крепления жердей крыши. Соединения дверного косяка с перечисленными конструкциями кибитки производились посредством тесьмы и веревок. В верхнем косяке рамы сверху, с внутренней стороны находилось 6 выемок, в которых закреплялись жерди крыши. Также в верхнем и нижнем косяках находились вертикальные сквозные широкие отверстия, в которые вставлялись особые деревянные колышки, предназначенные для закрытия жилища. Крепились колышки к верхнему и

нижнему краю двери с помощью узеньких ремешков или шерстяных шнурков. При закрытии дверей юрты эти колышки продевались в отверстия, при этом снизу кибитка запиралась только изнутри, а сверху – как изнутри, так и снаружи [2].

Снаружи юрта покрывалась войлоком (кошмами). В среднем требовалось от двенадцати и более отдельных кошм не одинаковой величины и покрова. Сообразно с местом своего назначения войлоки имели и соответствующую форму, название и последовательность прикрепления [3].

Четыре нижние кошмы («иргевче») имели размер от семидесяти сантиметров и более, в расчете от размера кибитки. А длина могла быть разной в зависимости от размера решеток юрты. Этими кошмами укутывали решетки снизу. Летом для пропуска воздуха та или другая часть откидывалась с учетом направления ветра и положения солнца.

У четырех средних кошем («турго») низ был шире, чем верх. К краям кошмы пришивались шерстяные шнурки для крепления. К верхним углам кошмы прикреплялись длинные широкие тесьмы. Для покрытия этого сектора кибитки хватало 4 кошмы, начиная с большей части жердей крыши и вниз так, что нижним концом закрывала верхние части нижней кошмы. Также вверху каждая средняя кошма прикреплялась отдельно тесьмами, которые перебрасывались через полукруг из жердей и привязывались на противоположной стороне к решетке.

Две верхние кошмы («девер») по форме были похожи со средними, только верхние были гораздо длиннее и шире. Эти кошмы закрывали верхнюю часть кибитки, от верхнего круга и вниз, до решетки кибитки. Укреплялись эти кошмы с помощью шести веревок, которые привязывались не к решеткам конструкции, а по внешней ее стороне к наружному поясу кибитки, охватывающему кибитку и придавливающему нижнюю часть средней кошмы.

Дверная кошма («ишке уден») была по форме четырехугольная, продолговатая. Крепилась над дверью кибитки и служила наружным пологом двери. По краям и вверху по углам эта кошма имела по две тесемочки для прикрепления к раме дверей.

Верхняя кошма («орка») закрывала верх кибитки и регулировала пропуск света и воздуха, поступающих в кибитку. По форме представляла четырехугольную кошму с четырьмя длинными шерстяными веревками. По желанию с помощью этих веревок углы кошмы загибали в ту или иную сторону, учитывая направление ветра и положение солнца.

Решетки между собой и косяками дверей связывались шерстяными веревками. Для поддержа-

ния устойчивости конструкции применялся особый решеточный пояс шириной в десять сантиметров. Пояс крепился вверху правого косяка дверей. Далее направление шло по часовой стрелке вокруг кибитки на высоте верхнего уровня решетки до левого косяка дверей, где и завязывался. После того как остов кибитки был полностью прикрыт кошмами, повязывался наружный кибиточный пояс. Он охватывал сразу всю конструкцию, придавливая тем самым одновременно несколько кошем кибитки.

На случай сильных ветров калмыки привязывали с внутренней стороны к верхнему кругу кибитки веревку и крепили к колышку, вбивающему в землю. Но кроме этого кибитка во время бури еще укреплялась и с наружной стороны. С этой целью поверх конуса кибитки набрасывалась широкая тесьма, крепившаяся снаружи колышками, вбитыми в землю [4].

Внешний вид кибитки отражал имущественное положение владельца. Кибитки, покрытые добротной белой кошмой, принадлежали богатым калмыкам, духовенству и новобрачным. В поселении калмыков кибитка богача ставилась на южной стороне, которая считалась почетной, там же обычно стояли и кибитки старших в роду.

Но многие бедные семьи были вынуждены жить в шалашообразных полукибитках – «джолум» и «дегля гер», представляющих собой одну купольную часть кибитки (без стенных решеток), которая устанавливалась прямо на землю. «Дегля гер» отличался тем, что в нем не было дымового отверстия, а унины просто связывались сверху в пучок. Бедняки заменяли кошмы циновками из чакана. И. А. Житецкий отмечал, что в приморских улусах у большинства кибиток кошмовые иргевче были заменены чаканами, впрочем, он видел кибитки, в которых не только иргевче, но и другие кошмовые части («турго», «девер») были также заменены циновками. В таких кибитках зимой было очень холодно. Поэтому их на зиму обкладывали толстым слоем камыша или чакана, а в приморских улусах – высокой болотной травой [5].

Исследователи калмыцкой степи отмечали, что калмыки в основном живут группами, по несколько семей [6]. Исстари у монголов существовал куреной способ кочевания, представлявший собой стан из юрт, поставленных по кругу, в середине которого ставилась юрта предводителя. Впоследствии кочевание куренями прекратилось, кочевать стали отдельными родовыми семьями (у калмыков – хотонами).

Со временем образовалось два вида ставок: кочевые временные ставки, возникавшие во время летних перекочевок, и полуоседлые ставки, служившие своего рода торговыми поселениями, образованными в результате сосредоточения ре-

месленников, торговцев. По принципу куреня располагались и кочевые поселения калмыков – кибитки сыновей расставлялись по кругу около отцовского.

По своему функциональному назначению калмыцкие юрты подразделялись на три вида: жилая, дворцовая (ханская), культовая (храмовая) [7]. Убранство кибитки, одежда и предметы быта отмечались своей компактностью и строгой функциональностью. Мобильный образ жизни определял минимальное количество вещей. При относительно малой площади жилья каждая вещь по материалу и по своей форме должна была быть удобной в перевозке и в использовании. Народным обычаем был выработан строгий порядок размещения всех домашних вещей, жестких и мягких предметов.

Прямо напротив входа центральное место занимали поставленные уступами сундуки, в которых хранились ценности семьи. Это место являлось как бы «красным углом» дома. На крышках, покрытых коврами или материей, расставлялись религиозные предметы и скульптуры божеств. Таган с котлом занимал середину юрты. С левой стороны, при входе, размещались предметы хозяйства – уздечки, седла, топор, плетки и др. Это мужская половина дома. С правой стороны располагались предметы, необходимые в домашнем хозяйстве (домашняя утварь), и отводилось место для работы по хозяйству – это женская половина. Здесь же находилась и кровать, которая располагалась между сундуками и предметами утвари [8]. В юртах размещали все домашнее имущество, исполняли религиозные обряды, в ней принимали гостей, зимой спасали от холода новорожденных ягнят.

Все внутренние стены юрты у состоятельных калмыков занавешивались сплошной ситцевой или коленкоровой занавеской, а земляной пол застипался кошмами или коврами. В бедных семьях отрезы кошем подстилали как сиденье для почетных гостей, зимой земляной пол утеплялся барабаными, козьими, телячьими, сайгачими шкурами и изношенной кошмой.

Практическая необходимость и художественная целесообразность заставили кочевников делать юрты примерно одного размера, с одинаковыми деталями. Калмыцкая юрта среднего размера весила примерно 300 кг – груз, посильный одному верблюду. Деревянные части занимали треть общего веса, около 100 кг. Диаметр варьировал от 6 до 8 метров (в зависимости от растяжения решеток), высота решетки (в собранном виде) от 1,7 до 2 метров.

Наиболее близкое сходство калмыцкой юрты обнаруживается с войлочными юртами монголов, бурят, южных алтайцев, хакасов, тувинцев как по строительным и конструктивным особенностям.

там, так и по внутреннему убранству. В значительной степени это объясняется общностью исторических судеб и ближайшим соседством в прошлом.

Изобретение и многолетнее использование войлочных кибиток как у калмыков, так и у других кочевых народов вовсе не было показателем отсталости или консерватизма кочевников и полукочевников. Войлочная юрта калмыков представляла собой образец кочевого сборно-разборного жилища, строго подчиненного особенностям быта и хозяйства и выработанного на протяжении длительного периода исторического развития. Образ кочевого быта диктовал такую структуру жилища, которая обеспечивала бы его мобильность.

По наблюдениям ряда исследователей быта народов Востока, юрта является наивысшим типом, до которого развилось жилище кочевника [9].

Примечания

1. Семенов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Серия «Наше наследие». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. С. 5.

2. Бентковский И. В. Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1868. Вып. I. С. 84.

3. Эрдниев У. Э. Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. С. 179.

4. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М., 1893. С. 2–4.

5. Там же. С. 3–4, 7.

6. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках собранные на месте. СПб., 1834; Бентковский И. В. Указ. соч. Житецкий И. А. Указ. соч.

7. Пюргеев Д. Б. Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. С. 14.

8. Там же. С. 15.

9. Хафизин Ш. История развития жилищ у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896. С. 58; Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2003. Кн. 1. С. 175.

ПРАВО

УДК 342.846.4

И. Г. Верзилина

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ УЧАСТКОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Избирательное законодательство в Российской Федерации постоянно совершенствуется, следуя за демократизацией общества. Для реализации принципов законности и открытости при проведении выборов всех уровней необходим профессионализм в работе избирательных комиссий. В статье анализируются новеллы избирательного законодательства о статусе участковых избирательных комиссий как комиссий, действующих на постоянной основе.

Electoral legislation in the Russian Federation is constantly being improved, following the democratization of the society. To implement the principles of legality and universality in elections at all levels it is necessary being professional in the work of election commissions. The article analyzes the novelties of the electoral legislation on the status of the district election commissions as commissions acting on a permanent basis.

Ключевые слова: выборы, территориальные избирательные комиссии, участковые избирательные комиссии, профессионализм, избирательная кампания, резерв.

Keywords: elections, the territorial election commissions, district election commissions, the professionalism, election campaign, the reserve.

В 2013 г. исполнилось 20 лет Конституции России и избирательной системе Российской Федерации – срок для новейшей истории небольшой, но достаточный для становления избирательной системы страны. За этот промежуток времени в федеральные законы о выборах было внесено достаточно большое количество поправок, вызванное совершенствованием избирательного законодательства в условиях дальнейшей демократизации общества. Только в последние два года было принято более десятка федеральных законов, вносящих поправки в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 № 67-ФЗ (ред. от 02.07.2013) (далее – Федеральный закон) [1].

© Верзилина И. Г., 2014

Соответствующие дополнения и изменения в законодательстве коснулись и деятельности избирательных комиссий, которым принадлежит ведущая роль в организации и проведении различных видов выборов и референдумов и от профессионализма работы которых зависит определенный уровень легитимности избранной власти. От степени профессионализма работы избирательных комиссий зависит и уровень доверия к институту выборов в целом.

В 2011–2012 гг. во время избирательных кампаний в адрес избирательных комиссий всех уровней в средствах массовой информации прозвучало немало критики. А в 2012 г. на выборах Президента России предоставленная возможность всему миру наблюдать за работой участковых избирательных комиссий в день голосования в Интернете в режиме реального времени показала исключительную важность высокого профессионализма в работе участковых избирательных комиссий.

Актуальность вопроса о профессионализации деятельности участковых избирательных комиссий заключается еще и в том, что он мало изучен и представляет практический интерес для избирательных комиссий.

Впервые в новейшей истории страны в октябре 2012 г. законодатель причислил к комиссиям, действующим постоянно на срок полномочий пять лет, участковые избирательные комиссии и ввел понятие резерва составов участковых избирательных комиссий. В частности, новеллами в деятельности избирательных комиссий, введенными Федеральным законом от 2 октября 2012 г. № 157-ФЗ [2], являются:

- пятилетний срок полномочий образованных участковых избирательных комиссий,
- порядок формирования участковых избирательных комиссий,
- порядок формирования резерва составов участковых избирательных комиссий.

Полагаем, что названные изменения направлены, прежде всего, на дальнейшее развитие и профессионализацию участковых избирательных комиссий. Е. И. Колюшин отмечает, что «имеется тенденция к увеличению числа постоянных избирательных комиссий» [3]. И действительно, из исчерпывающего перечня избирательных комиссий, действующих в Российской Федерации, которые перечислены в п. 1 ст. 20 Федерального

закона, в настоящее время действует на постоянной основе подавляющее большинство: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, избирательные комиссии муниципальных образований, территориальные (районные, городские и другие) избирательные комиссии (далее – ТИК), участковые избирательные комиссии (далее – УИК). Только окружные избирательные комиссии в соответствии со ст. 25 Федерального закона «формируются в случаях, предусмотренных законом, при проведении выборов по одномандатным и(или) многомандатным округам» и действуют на время соответствующих выборов. Таким образом, практически все избирательные комиссии (за исключением окружных) в настоящее время являются постоянно действующими со сроком полномочий пять лет, что, безусловно, создает благоприятные условия для дальнейшей профессионализации комиссий.

Полагаем, что применительно к участковым избирательным комиссиям их деятельность на постоянной основе в течение пятилетнего срока полномочий и наличие действующего резерва составов комиссий гарантируют стабильность, системность и качество в работе.

Об этом же свидетельствует и анализ работы избирательных комиссий, действующих на постоянной основе (на примере избирательных комиссий в Кировской области), который показывает, что приобретаемые практика и опыт членов этих комиссий в организации и проведении избирательных кампаний способствуют профессионализации деятельности этих комиссий и, как следствие, ведут к уменьшению жалоб на работу комиссий со стороны иных участников избирательного процесса. Это относится ко всем без исключения избирательным комиссиям, действующим на постоянной основе, а деятельность участковых избирательных комиссий на постоянной основе создает благоприятные условия не только для приобретения практического опыта, но и теоретических основ знания избирательного законодательства.

Но для того, чтобы достичь высокой степени профессионализма, необходимо постоянно повышать квалификацию, в том числе и участвуя в обучающих мероприятиях, которые обязаны в соответствии с законодательством организовывать территориальные избирательные комиссии (п. 9 ст. 26 Федерального закона).

Поскольку повышение квалификации членов УИК должно проходить систематически, а не только во время избирательных кампаний и организовывать эту работу должны территориальные избирательные комиссии, то полагаем, что значимость роли ТИК в профессионализации членов участковых комиссий можно считать бесспорной.

Считаем необходимым также отметить, что, несмотря на то, что внесенные поправки в Федеральный закон теоретически деятельности территориальных комиссий прямо не коснулись, но фактически отразились на повышении нагрузки в реализации полномочий ТИК. Это стало актуальной проблемой в тех субъектах Российской Федерации, где территориальные избирательные комиссии не являются юридическими лицами и работают во вневыборное время на общественных началах.

В целях раскрытия обозначенной проблемы к вневыборному времени работы избирательных комиссий мы отнесли время работы членов избирательных комиссий, связанных с исполнением своих полномочий, за рамками избирательных кампаний. К примеру, в соответствии со ст. 26 Федерального закона в обязанности территориальных избирательных комиссий входит наряду с другими обязанностями правовое обучение избирателей, а также профессиональная подготовка членов комиссий и других организаторов выборов и референдумов. Как правило, организовываются и проводятся эти мероприятия в течение календарного года, вне зависимости от наличия избирательных кампаний, в том числе и в сроки, рекомендуемые ЦИК России (День молодого избирателя – третье воскресенье февраля; обучение членов УИК и др.).

В большинстве субъектов РФ территориальные избирательные комиссии с пятилетним сроком полномочий не являются юридическими лицами, т. е. осуществляют свою деятельность фактически на общественных началах, так как законодательно регламентация и механизм компенсации их работы в ТИКах во вневыборное время не урегулированы. Урегулированы лишь взаимоотношения членов избиркомов с работодателями во время избирательных кампаний, где компенсация либо дополнительная оплата труда выплачивается «за счет и в пределах бюджетных средств, выделенных на проведение выборов и референдумов» (п. 17 ст. 29 Федерального закона). Следовательно, при обучении многомиллионной армии членов УИК страны и их резерва во вневыборное время, в том числе по очной форме обучения, у членов ТИК могут возникнуть собственные проблемы с работодателями из-за фактического отсутствия в это время на своем рабочем месте по основному месту работы.

Представляется, что в данном случае одного энтузиазма со стороны председателей ТИК – общественников в деле систематического и системного обучения участковых комиссий мало, нужны законодательно урегулированные механизмы освобождения их на время обучения от основной работы.

Для понимания степени увеличившегося объема нагрузки на ТИК (не имеющего в своей структуре освобожденного работника) и несоразмерности этого труда с общественным характером выполняемых работ приведем пример организации работы по реализации норм – новелл федерального законодательства в одном из субъектов Российской Федерации – Кировской области.

Анализ работы соответствующих избирательных комиссий по формированию участковых избирательных комиссий и их резерва показал, что весной 2013 г. в установленные законом сроки все составы участковых комиссий на территории России были сформированы и начали свою работу на постоянной основе [4]. Был сформирован и резерв составов УИК. Получив соответствующие удостоверения, все члены участковых избирательных комиссий с целью повышения квалификации должны были пройти курс обучения по типовой учебной программе «Правовые основы избирательного процесса и организации работы участковой избирательной комиссии» [5], разработанной Российским центром обучения избирательным технологиям (РЦОИТ) при ЦИК России. В соответствии с этой программой целью обучения является ознакомление слушателей с правовыми основами избирательного права и процесса, приобретение навыков работы участковых избирательных комиссий в период подготовки выборов, в день голосования, при подсчете голосов избирателей и установлении итогов голосования. Предполагалось обучить практически весь состав участковых комиссий и их резерв, что в общей сложности представляет более десяти миллионов человек в стране, в том числе в Кировской области более 19 тысяч человек. Общий объем обучения предполагает разную учебную нагрузку: 14 часов для руководителей, 12 – для иных членов УИК и 6 часов для резервистов. Предложены разные формы обучения, в том числе очная и заочная, а также дифференцированный подход к различным категориям обучаемых.

Как видим, Центральной избирательной комиссией России задан курс на серьезный подход к процессу обучения.

Аналогичные учебные программы, адаптированные под местные условия, рекомендовано было утвердить избирательным комиссиям субъектов Российской Федерации, которые в установленные сроки выполнили эти рекомендации [6] и, соответственно, поддержали на своем уровне заданный ЦИК России курс на профессионализацию УИК.

Непосредственными исполнителями на местах вышеназванных обучающих программ в силу своих полномочий и территориальной принадлежности стали территориальные избирательные комиссии как вышестоящие по отношению к УИК. Однако при организации соответствующих обучающих мероприятий для УИК территориальные

избирательные комиссии столкнулись с неизбежными в ряде случаев проблемами, обусловленными пробелами в законодательстве. Так, в частности, члены УИК работают по основному месту работы в самых разных учреждениях и организациях. Поэтому для посещения обучающих мероприятий им приходится частным образом договариваться со своими работодателями об обучении, так как этот вопрос не урегулирован законодательно и даже соответствующие письма избирательных комиссий на имя работодателей не порождают правовых последствий.

Это же в полной мере относится и к членам ТИК – организаторам данных учебных мероприятий. И каждый раз при возникновении аналогичной ситуации для решения проблемы приходится вмешиваться избирательной комиссии области. А таких ситуаций было немало. Но это допустимо только на начальных этапах работы. И если этот вопрос в дальнейшем не будет урегулирован законодательно, то можно предположить, что процесс обучения УИК будет проходить формально и уровень профессионализма членов УИК может не соответствовать вызовам времени и требованиям законодательства.

В связи с изложенным и в целях дальнейшей профессионализации образованных постоянных участковых избирательных комиссий и оптимизации их деятельности считаем необходимым законодательно:

1) урегулировать взаимоотношения членов УИК, ТИК, исполняющих полномочия на общественных началах (работников разных сфер деятельности), с их работодателями во время обучения членов комиссий. При этом предлагается использовать механизм урегулирования взаимоотношений с работодателями членов контрольно-ревизионных служб при избирательных комиссиях, закрепленный в ст. 60 Федерального закона. Другими словами, на срок обучения в соответствующих избирательных комиссиях при наличии подтверждающих документов члены избирательных комиссий, кандидаты в члены УИК, состоящие в резерве составов УИК, освобождаются от основной работы, за ними сохраняются место работы, установленные должностные оклады и иные выплаты по основному месту работы;

2) унифицировать закрепление на профессиональной основе работу не менее чем 1 человека во всех территориальных избирательных комиссиях Российской Федерации. Для этого предлагаем в ст. 26 Федерального закона первое предложение пункта 4 изложить в императивной форме: «Законом субъекта Российской Федерации территориальной комиссии придается статус юридического лица». Это крайне необходимо для дальнейшей профессионализации всей системы избирательных комиссий.

Полагаем, что внесение вышенназванных поправок в Федеральный закон будет способствовать системности в работе по повышению качества знаний и навыков членов участковых избирательных комиссий и их резерва и, следовательно, дальнейшему росту их профессионализма. Считаем, что только профессионально подготовленные члены избирательных комиссий, осуществляющие организацию и подсчет голосов избирателей в день голосования, досконально знающие выборное законодательство и умеющие применять его на практике, могут обеспечить высшую степень легитимности избираемой власти. От этого зависит доверие к власти в целом и к институту выборов в частности. «Люди ждут большей открытости, честности и конкурентности. Важно, чтобы этот общественный запрос был в полной мере реализован. Чтобы доверие к выборам и их итогам возрастило. В этом – залог устойчивого развития государства, достижения гражданского согласия и стабильности» [7].

Примечания

1. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 № 67-ФЗ (в ред. от 07.05.2013) // Российская газета. 2002. 15 июня.

2. Федеральный закон от 2 октября 2012 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 5 окт.

3. Коляшин Е. И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФА-М, 2012. С. 118.

4. Сведения о ходе формирования участковых избирательных комиссий по данным ГАС «Выборы» (по состоянию на 01.06.2013). URL: http://www.cikrf.ru/banners/form_uik/ (дата обращения: 21.07.13).

5. Типовая учебная программа «Правовые основы избирательного процесса и организация работы участковой избирательной комиссии» (для обучения членов участковых избирательных комиссий и резерва составов участковых комиссий). Утверждена 4 декабря 2012 года. URL: <http://rcoit.ru/upload/docs/rcoit/Progamm.pdf> (дата обращения: 28.08.2013).

6. Постановление Избирательной комиссии Кировской области от 29 января 2013 г. «Об утверждении Методических рекомендаций "О порядке формирования участковых избирательных комиссий и резерва составов участковых избирательных комиссий"». URL: <http://www.kirov.izbirkom.ru/obrazovanie-uik.html> (дата обращения 28.08.2013).

7. Из приветствия Президента России Владимира Путина участникам и гостям Всероссийского совещания с председателями избирательных комиссий субъектов Российской Федерации «Выборы и общество. 20 лет современной избирательной системы Российской Федерации» (от 24.10.2013 № Пр-2467). URL: http://cikrf.ru/cik_info/privet.html (дата обращения 28.10.2013)

УДК 343.9.01:16

П. Н. Фещенко

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ

В статье автором предлагается установление уголовной ответственности за существенный рост социальной напряженности в обществе как нового криминогенного фактора, требующего отслеживания и системного управляющего воздействия, по аналогии с воздействием на алкоголизм, наркоманию, проституцию и другие криминогенные фоновые явления.

In the article the author proposes the establishment of criminal liability for substantial growth of social tension in society as a new criminogenic factor that requires tracking and system control action, by analogy with the impact on alcoholism, drug addiction, prostitution and other criminal background phenomenon.

Ключевые слова: социальная напряженность, причины преступности, механизм преступного поведения, предупреждение преступности, уголовноправовые меры.

Keywords: social tension, crime reasons, the mechanism of criminal behavior, crime prevention, criminal law measures.

Рассматривая причины преступности, криминологи сегодня выделяют собственно причины, формирующие преступную мотивацию и негативные качества личности, благоприятствующие условия для реализации преступных мотивов и криминогенные фоновые явления – алкоголизм, наркомания, проституция и т. д., могущие в определенных условиях способствовать совершению преступлений [1].

Все эти негативные явления вызывают недовольство в обществе, в силу чего принимаются различные меры противодействия, включая уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в употребление алкоголя, занятие проституцией, содержание наркопритонов и т. д. и т. п.

Девиантологи к негативным явлениям наряду с вышеуказанными также относят и коррупцию [2], вызывающую существенное недовольство граждан злоупотреблениями властью и непринятием мер по улучшению ситуации [3], ведущими к росту социальной напряженности.

Как автор уже указывал ранее [4], исследователи в сфере социологии, конфликтологии, философии и теории управления в последние десятилетия активно взялись за изучение данного явления, в целом нового для современного рос-

сийского общества, введя в привычный научный оборот понятия *протестных настроений* [5] как предпосылок открытых выступлений, *протестной активности* [6], выражющейся в действиях конституционного и противоправного характера, а также *социальной напряженности* [7], понимаемой как состояние недовольства населения действиями властей и проявляющейся, по мнению разных ученых, или только в качестве умонастроений и конституционных акций, или также и в действиях преступного характера [8].

Естественно, чтобы не выйти за рамки предмета исследования в своих сферах, данные учёные не затрагивали вопросы из сферы криминологии, касающиеся места данных феноменов в причинном комплексе преступности, их классификации на объективные и субъективные, внешние и внутренние и т. д., влияния на процессы социализации и формирования конкретных качеств «личности преступника» и места в механизме индивидуального преступного поведения, преступности в целом и отдельных ее видов, прежде всего коррупционной и организованной и другие (латентность и ее виды, общее и специально-криминологическое предупреждение, в том числе виктимологическая профилактика).

Однако проведенные исследования сложившейся ситуации показали, что этот пробел не нашел должного анализа и со стороны криминологов, по сути оставивших до сегодняшнего дня без научной разработки этот важный криминогенный фактор, негативно влияющий на социализацию личности и могущий, в частности, привести к формированию мотивации «террориста-смертника», «революционера-бомбиста» и т. п. или массовым преступным акциям типа «цветных революций». Как следствие, указанное явление в итоге не учитывается в важнейших нормативных актах в сфере применения специально-криминологических мер противодействия преступности, нарушая принцип системности в предупредительной деятельности и снижая эффективность принимаемых мер.

Коль скоро, по нашему мнению, социальная напряженность как массовое недовольство населения действиями или бездействием властей является криминогенным фактором, его следует в установленном порядке криминализировать, предусматривая ответственность должностных лиц за ее рост и наступившие последствия, ориентируясь на устоявшиеся подходы в данном вопросе.

Здесь уместно вспомнить одного из основоположников криминологии Чезаре Беккариа (1738–1794), который отмечал, что «единственный и истинный мерилом преступлений является вред, который они причиняют нации» [9].

По данным проблемам В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов еще почти десять лет назад говорили, что «криминологам надлежит изучать не толь-

ко преступность, но и значительный массив опасных для общества явлений, деяний для своевременной и обоснованной их систематизации, анализа и отбора для возможной криминализации. Изучая эти явления и деяния, нельзя не считать их преступными, ибо они законом не запрещены. Иначе легко можно размыть правовые грани, строгое соблюдение которых является основой уголовно-правовой регламентации со всеми вытекающими последствиями. Другими словами, в рамках криминологии последовательное и своевременное исследование криминальных «фоновых» явлений следует рассматривать как органическую, но вспомогательную часть криминологической науки, призванную в то же время ориентировать законодателя в процессе разработки и(или) изменения уголовного закона» [10].

Сегодня, к сожалению, всё чаще и чаще бытовые конфликты и недовольство бездействием властей разного уровня в итоге ведут к применению насилия – от «дорожных войн» до Кондопоги, Пикалёва, Пугачева [11], Бирюлёва [12] и т. д.

Как отмечает А. В. Вожжов, «насилие становится самым распространенным способом совершения преступлений, а также традиционным методом разрешения всех межличностных, межнациональных, межрелигиозных, политических, экономических и социальных конфликтов» [13].

По нашему мнению, в научном и практическом плане в связи с этим стоит проблема изучения настроений широких масс и значительных социальных групп для оценки состояния недовольства действиями или бездействием властей по улучшению их жизни – «социальной напряженности», могущих привести к использованию методов террора как инструмента воздействия.

Как показывает практика и как нам постоянно транслируют СМИ, недовольные граждане могут перекрывать дороги, захватывать здания, уничтожать имущество и т. д. Например, как сообщил «Интерфакс», в субботу, 23 июня 2013 г., возмущенные длительной бездеятельностью властей жители Воронежской области после многотысячного санкционированного митинга в итоге сожгли постройки и оборудование нарушавшей экологические нормы горнодобывающей компании [14].

Как показали ведущие телеканалы, 29 октября 2013 г. на Украине «вдруг» отменили школьные каникулы, и массы недовольных школьников перекрыли дороги и т. п. А что мешало это сделать, например, за неделю до окончания занятий, обстоятельно разъяснив, что это необходимо для экономии топлива для школ во время каникул?

Как справедливо указывает Ю. В. Сапронов, «экстремизм формирует атмосферу социальной напряженности в обществе и является мощным криминогенным фактором» [15].

По нашему мнению, сегодня остается вне поля зрения предшествующий совершению преступлений период «существенного роста социальной напряженности (т. е. недовольства властями) выше среднего уровня», которое может создаваться умышленно, по неосторожности или в силу непрофессионализма.

Достижению успеха, как справедливо указывают авторы, здесь могут способствовать наличие системы мониторинга динамики угроз, позволяющей достоверно прогнозировать развитие ситуации в интересах безопасности... а также создание благоприятных условий жизнедеятельности людей, исключающих обострение конфликтов [16].

Для снижения недовольства масс, как известно, могут применяться меры по повышению зарплаты и строительству детских садов, закрытию рынков с незаконными мигрантами и даваться предвыборные обещания. Но криминологи в системе мер выделяют также и специальные меры, включающие уголовно-правовое воздействие, что в рассматриваемом аспекте пока законом не урегулировано.

Сегодня, когда на самом высоком уровне привлечено внимание к ответственности руководителей муниципального уровня, которые, как сказал президент В. В. Путин, «не слышат своего народа» [17], предусмотрена уголовная ответственность за целый ряд деяний: ст. 144 «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста», ст. 149 «Воспрепятствование проведению собрания, митинга...», ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 285.1 «Нечелевое расходование бюджетных средств», ст. 290 «Получение взятки» и другие [18].

При этом, на наш взгляд, не оцениваются наступившие в результате деяний, в том числе и уголовно наказуемых, последствия: падение авторитета власти, самосуд, массовые беспорядки, рост преступности и т. д.

К настоящему времени достаточно подробно рассмотрены общие вопросы ответственности должностных лиц [19], особенно за коррупционные деяния, а совсем недавно установлена и ответственность за допущение конфликтов на межнациональной основе, грозящая отстранением от должности главам местных органов власти [20].

По аналогии, по нашему мнению, если чиновник принял решение (или, наоборот, упорно его не принимает), которое вызвало массовое недовольство населения (не только межнациональными проблемами), в результате чего правящая партия потерпела поражение на очередных выборах, его, скорее всего, тоже уволят по причине «утраты доверия».

А вот если в итоге произошли массовые беспорядки, погромы, захват мэрии и т. д., то здесь, как представляется, целесообразно ввести уголовную ответственность, по аналогии со ст. 110 УК РФ «До-

ведение до самоубийства», по статье «Доведение до массовых беспорядков», где часть вторая – «в случае смерти участников ...» и т. д. Пока же сегодня отвечает лишь тот, кто, например, был представителем полиции, разгонявших протестующих [21].

Если же итогом затянувшихся конфликтов по вине властей будет посягательство на конкретных лиц, статья может называться «Доведение до самосуда» [22].

В то же время, по нашему мнению, если бы удалось узаконить понятие «социальная напряженность», ввести показатели ее состояния и обязать должностных лиц проводить ее постоянное отслеживание по единообразным установленным методикам, а также предпринимать меры по ее снижению, тогда чиновников можно было бы привлекать к ответственности по ст. 293 УК РФ «за халатность». При этом для предотвращения неконтролируемого развития событий одинаково пригодны оба варианта правовой регламентации ответственности должностных лиц за существенный рост социальной напряженности.

Анализируя принятый в декабре 2010 г. новый Федеральный Закон «О безопасности» [23], можно сделать вывод, что он в ст. 2 в числе основных принципов определяет «приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности», в ст. 3 при регламентации деятельности по обеспечению безопасности на первое место ставит «прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности» (ч. 1), а в ч. 8 – «организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности», на что и направлены изложенные в данной статье предложения.

В целом, как представляется, всё сказанное вписывается в положения утвержденной в ноябре 2013 г. президентом страны «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации», прежде всего в части необходимости решения поставленной задачи «оценки состояния общественной безопасности, прогнозирования её развития, информирования руководства страны, государственных органов, общественности и населения о положении дел в данной области» (п. 26 «б»), а также «формирования государственной системы мониторинга состояния общественной безопасности, предусматривающей установление критериев оценки угроз общественной безопасности, показателей и индикаторов её состояния; получение, обработку, анализ данных об угрозах общественной безопасности, а также о деятельности сил обеспечения общественной безопасности...» [24].

Примечания

1. Эминов В. Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.

2. Зинуров Ф. К. Педагогическая профилактика и коррекция девиантного поведения подростков в ус-

ловиях социокультурной среды: монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2013.

3. Фещенко П. Н. Место и роль коррупции в генезисе социальной напряженности: монография. Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2011.

4. Фещенко П. Н. Социальная напряженность как показатель болезни общества: проблемы криминологического и правового реагирования // Здоровье нации и национальная безопасность / под ред. проф. А. И. Долговой. М.: Российской криминологической ассоциации, 2013.

5. Бурнос В. А. Протестные настроения в молодежной среде СССР (1965–1985): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

6. Челпанова Д. Д. Характер и динамика протестной активности на юге России: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2011.

7. Журавлев И. Н. Снижение социальной напряженности как фактор эффективного управления персоналом организаций: дис. ... канд. социол. наук. М., 2010.

8. Козырев Г. И. Политическая конфликтология: учеб. пособие. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008.

9. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2010.

10. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. М.: Норма. 2004. № 12. С. 48.

11. URL: http://ria.ru/trend/Pugachev_meeting_08072013/#13803529455074&message=resize&relto=log in&action=removeClass&value=registration#ixzz2gAatJv4b

12. URL: http://rusplt.ru/news/mvd-chislo-protestnyih-aktsiy-v-moskve-s-nachala-goda-vyirosl-vdvoe.html?utm_source=mt_russia&utm_medium=cpc&utm_campaign=russia

13. Вожжов А. В. Особенности личности рецидивистов, совершивших насилистенные преступления // Российский следователь. 2012. № 18.

14. URL: <http://news.mail.ru/politics/15368822/?frommail=1>

15. Сапронов Ю. В. К вопросу о социально-криминологической характеристики ксенофобии и экстремизма как взаимосвязанных явлений // Российский следователь. 2012. № 21.

16. Пилюгин Д. С., Пилюгина Т. В. Национальная безопасность на уровне региона как фактор снижения напряженности в обществе и формирования толерантности // Российский следователь. 2012. № 21.

17. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=63281>

18. Заболотских Е. М. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2011. С. 23.

19. Заболотских Е. М. Указ. соч. и др.

20. URL: <http://ria.ru/incidents/20131022/971745956.html#13828553447063&message=resize&relto=register&action=a ddClass&value=registration#ixzz2itwiBvt>

21. URL: <http://mt.finam.info/blog/43262604482/Arestovan-chetyertyiy-uchastnik-«birylevskogo-pogroma»/?pad=1>

22. Отчаявшись одолеть бюрократов, бизнесмен их просто застрелил // Комсомольская правда. 2009. 14 апр.

23. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390 ФЗ «О безопасности». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс», 2013.

24. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>

УДК 342.951

A. P. Нобель

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье рассмотрено понятие виновности как одного из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу об административном правонарушении, освещены вопросы формулировки различных форм вины в диспозициях статей гл. 8 КоАП РФ. На примерах судебных решений по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды автором обосновывается положение о том, что вина лица в совершении правонарушения не может считаться установленной без определения ее конкретной формы для физического лица и всех обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ для юридического лица.

The paper deals with the notion of guilt as one of the circumstances included in the subject of proving in administrative cases, discusses the questions related to formulating various forms of guilt in the dispositions of articles of Chapter 8 of the Code of Administrative Offences. Using examples of court decisions in administrative cases on environmental protection violations the author proves the position that the guilt of a person in the administrative offense can't be disposed without defining its specific form for the individual and the circumstances under Part 2 of Article 2.1. of the Code of Administrative Offences for the legal entity.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях; предмет доказывания; вина в совершении административного правонарушения; формы вины; доказывание по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды.

Keywords: proceedings on the cases of administrative offences; the subject of proving; guilt in the administrative offense; forms of guilt; the proof process in administrative cases on environmental protection violations.

В научной литературе «предмет доказывания» понимается исследователями как «своеобразная программа доказательственной деятельности субъекта доказывания» [1], «обобщенная характеристика (общий план) подлежащих доказыванию обстоятельств» [2], «система доказательств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства» [3], «совокупность доказываемых по делу обстоятельств» [4].

Ст. 26.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [5] (далее – КоАП РФ) закрепляет следующие обстоятельства, подлежащие выяснению по делу об административном правонару-

шении: событие административного правонарушения; лицо, совершившее противоправные действия (бездействие), за которые КоАП РФ или законами субъектов РФ предусмотрена административная ответственность; виновность лица в совершении административного правонарушения; смягчающие и отягчающие административную ответственность обстоятельства; характер и размер ущерба, причиненного административным правонарушением; обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении; иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела; причины и условия совершения административного правонарушения.

В ст. 26.1 КоАП РФ не упоминается категория «предмет доказывания», однако она присутствует в названии гл. 26 КоАП РФ, регламентирующей общие положения о доказывании и доказательствах в административно-юрисдикционном процессе, что, на наш взгляд, позволяет сделать вывод об идентичности содержания понятий «предмет доказывания» и «обстоятельства, подлежащие выяснению».

После установления лица, совершившего противоправное действие, и полных данных о нем актуальным является определение его вины, ее характера, то есть субъективной стороны правонарушения. Буквальное толкование положений ст. 26.1 КоАП РФ позволяет сделать вывод о формальном закреплении такой последовательности при выяснении обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам об административных правонарушениях.

В соответствии со ст. 1.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина, при этом оно не обязано доказывать свою невиновность. Вместе с тем некоторыми положениями КоАП РФ (примечание к ст. 1.5, ст. 2.6.1–2.6.2) предусмотрены исключения из данного правила.

Ст. 2.2 КоАП РФ определяет формы вины физического лица, отличающиеся его различным психическим отношением к совершенному деянию и наступившим последствиям. Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало их наступления (прямой умысел) или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично (косвенный умысел). Совершение административного правонарушения по неосторожности характеризуется тем, что лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение (небрежность) либо не предвидело возможности их наступления, хотя должно было и могло их предвидеть (легкомыслie).

КоАП РФ в ч. 2 ст. 2.1 впервые ввел понятие вины юридического лица, характеризующейся отсутствием субъективной стороны правонарушения в классическом ее понимании. В ходе производства по делу об административном правонарушении для констатации вины юридического лица необходимо установить наличие у органов его управления возможности для соблюдения правил и норм, с нарушением которых КоАП РФ или законами субъектов РФ связывают наступление административной ответственности и непринятие ими всех зависящих мер по их соблюдению.

В положениях ст. 1.5, ст. 2.1, ст. 2.2 КоАП РФ законодателем используются понятия «вина» и «виновность» («невиновность»).

Толковым словарем русского языка С. И. Ожегова вина определена как «проступок, преступление; причина, источник чего-нибудь (неблагоприятного)» [6]. В большинстве толковых словарей [7] под виновностью понимается «наличие вины, участие в преступлении, проступке».

Иными словами, в соответствии с п. 3 ст. 26.1 обстоятельством, подлежащим выяснению по делу об административном правонарушении, является определение наличия вины лица, в совершении конкретного деяния (действия или бездействия), предусмотренного Особенной частью КоАП РФ или законами субъектов РФ об административной ответственности.

«Доказывание вины является наиболее сложным в силу не наблюдаемости объекта познания» [8]. Анализ предусмотренных КоАП РФ форм вины позволяет сделать вывод о справедливости приведенного утверждения в отношении установления виновности физического лица, по сравнению с которой определение вины юридического лица является более простой процедурой. Ни о каком психическом отношении юридического лица к совершенному деянию, его последствиям не может идти речи, поэтому установление вины сводится, по сути, к внешней характеристике правонарушения, то есть его объективной стороне, где на передний план выдвигается правовая оценка действий (бездействия) органов управления юридического лица в соответствии с процессуальной формулой, закрепленной в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ.

Однако следует признать, что установление виновности физического лица, определение конкретной формы его вины также сопряжено с оценкой судьей, должностным лицом, органом, в производстве которых находится дело, обстоятельств, входящих в предмет доказывания и характеризующих объективную сторону административного правонарушения, по результатам которой можно сделать вывод о психическом отношении лица к правонарушению и наступившим в его результате последствиям.

Рассматривая составы правонарушений в области охраны окружающей среды, предусмотренные

ных гл. 8 КоАП РФ, можно заметить, что большинство из них может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, поскольку диспозиции соответствующих статей не содержат прямого указания на форму вины. Например, невнесение в установленные сроки платы за негативное воздействие на окружающую среду (ст. 8.41 КоАП РФ); несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления или иными опасными веществами (ст. 8.2 КоАП РФ); нарушение требований по охране недр и гидроминеральных ресурсов (ст. 8.9 КоАП РФ); нарушение правил охраны водных объектов (ч. 1 ст. 8.13 КоАП РФ); нарушение правил охраны атмосферного воздуха (ст. 8.21 КоАП РФ) и другие.

Следует согласиться с мнением Н. Г. Салищевой [9], что о совершении правонарушения умышленно свидетельствуют определенные формулировки диспозиций статей Особенной части КоАП РФ. В отношении составов правонарушений в области охраны окружающей среды к таковым можно отнести: незаконный отказ в государственной регистрации заявлений о проведении общественной экологической экспертизы (ч. 3 ст. 8.4 КоАП РФ); сокрытие, умышленное искажение или несвоевременное сообщение экологической информации (ст. 8.5 КоАП РФ); незаконная добыча песка, гравия, глины и иных общераспространенных полезных ископаемых, торфа, сапропеля на водных объектах, осуществление молового сплава древесины либо нарушение установленного порядка очистки водных объектов от затонувшей древесины и наносов (ч. 3 ст. 8.13 КоАП РФ); незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан (ст. 8.28 КоАП РФ).

Проведенный анализ показал, что, как правило, в диспозиции статей Особенной части КоАП РФ при описании составов правонарушений, совершаемых как умышленно, так и по неосторожности, используются такие формулировки, как «нарушение», «несоблюдение». При конструировании составов деликтов, совершение которых возможно только при наличии умысла, законодатель обращает внимание и подчеркивает незаконность совершающего деяния (действия или бездействия) либо прямо указывает на его умышленный характер.

По мнению А. Б. Дудаева, «если описанное в законе противоправное деяние совершено виновно, то форма вины на квалификацию не влияет, то есть не является конструктивным признаком состава. Безусловно, включение в состав такого конструктивного признака, как форма вины, весьма затруднило бы юрисдикционную деятельность правоприменяющих лиц и неоправданно усложнило процесс доказывания по делу» [10].

С такой позицией нельзя согласиться. Системное толкование положений ст. 1.5, 2.1, 2.2,

26.1 КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что вина в совершении правонарушения не может считаться установленной без определения ее конкретной формы у физического лица (ст. 2.2 КоАП РФ) и всех обстоятельств, предусмотренных законодателем для юридического лица (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ).

Изучение правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды свидетельствует о том, что неустановление в ходе производства по делу об административном правонарушении формы вины физического лица и всех обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ в отношении юридического лица, в ряде случаев влекло за собой вынесение постановлений о прекращении производства по делу либо отмену вынесенных решений о назначении административного наказания [11].

Таким образом, учитывая обязательность установления формы вины физического лица и фактических обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 2.1, свидетельствующих о вине юридического лица, предлагаем изложить п. 3 ст. 26.1 КоАП РФ в следующей редакции: «3) виновность лица в совершении административного правонарушения, форма вины физического лица, обстоятельства, свидетельствующие о вине юридического лица».

Примечания

1. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 75.

2. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 115.

3. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под. ред. проф. Н. В. Жогина. М., 1973. С. 139.

4. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. М.: Норма, 2005.

5. Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/words/3370.shtml> (дата обращения 02.05.2013).

7. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт. С. А. Кузнецов, 1998; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.. Толковый словарь 1949, 1992; Толковый словарь Ушакова. 1935–1940. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/758910> (дата обращения 02.05.2013).

8. Лазарева В. А. Указ. соч. С. 133.

9. Комментарий к КоАП РФ / под общ. ред. Н. Г. Салищевой. Изд. 7-е. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

10. Дудаев А. Б. Доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 44.

11. Решение Арбитражного суда Кировской области от 15.12.2011 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 8.2 КоАП РФ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.112.2'276

О. В. Байкова, А. В. Байкова

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК ПУТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

В данной статье проводится анализ заимствований в речи российских немцев Кировской области как формы реализации языкового взаимодействия. На протяжении долгого времени немецкие островные диалекты подвергались сильному интерферирующему воздействию со стороны русского языка. В островных диалектах одним из способов поддержания и пополнения лексического корпуса являются заимствования, преимущественно из русского языка, которые выполняют различные семантические и стилистические функции.

The given article analyses lexical borrowings in the speech of the Russian Germans of the Kirov region as a form of language interaction. The German island dialects have been exposed to a strong interference effect of the Russian language for a long time. Lexical borrowings, mainly from Russian, are one of the ways to maintain and update the lexicon of the island dialects. Such borrowings have various semantic and stylistic functions.

Ключевые слова: языковые контакты, речевое поведение, российские немцы, билингвизм, заимствования.

Keywords: language contacts, speech behaviour, Russian Germans, bilingualism, lexical borrowings.

Изучение языковых контактов имеет давнюю традицию. Так, первоначально проблематика контакта языков изучалась в рамках сравнительно-исторического подхода преимущественно на материале индоевропейских языков [1]. Необходимо отметить, что большой интерес к проблеме языкового взаимодействия во многом объясним постоянным расширением сферы практического применения результатов исследований этого плана.

По мнению А. В. Щербы, изучение проблемы взаимодействия языков предполагает обращение к вопросам билингвизма (или двуязычия) [2]. Определение двуязычия как практики попеременного пользования двумя языками [3] является на сегодняшний день общепризнанным. Одной из центральных проблем считается связь между ре-

чевым поведением двуязычных людей и социальными ситуациями двуязычия [4]. В круг проблем исследования двуязычных ситуаций входят вопросы переключения кодов, то есть перехода говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта) на другой в зависимости от условий коммуникации [5] и заимствования, как результат переключения кодов.

Следует отметить, что освещение проблематики языкового взаимодействия осуществляется в современной лингвистике с учетом ряда характеристик культурно-исторического, социально-ситуативного, психологического и коммуникативного плана. Однако при этом изучение вопросов двуязычного переключения кодов и так называемой лексической интерференции (или заимствований) осуществляется в большинстве случаев изолированно друг от друга. Между тем при изучении этих явлений следует учитывать динамичный характер интерференции: она может либо ослабевать, либо прогрессировать, приводя к полному ослаблению означаемых [6]. Вышеизложенное обусловлено актуальность данного научного исследования, в котором заимствование и переключение кода рассматриваются как формы реализации языкового взаимодействия – разноплановые по своей сути, однако неизбежно существующие в речи билингвов.

Результатом переключения кодов являются процессы интенсивных заимствований и интерференция. На протяжении двухсот лет немецкие островные диалекты подвергались сильному интерферирующему воздействию со стороны русского языка, и данный механизм изменений под влиянием межъязыковых контактов охватывает почти все языковые уровни. Как отмечают многие исследователи островных немецких диалектов, в их развитии наблюдаются две тенденции: с одной стороны, консервация архаичных черт различного уровня и с другой – тенденция к инновациям [7]. В островных диалектах, существующих длительное время изолированно от диалекта-основы и от всего немецкоязычного пространства, одним из способов поддержания и пополнения лексического корпуса являются заимствования, преимущественно из русского языка, которые выполняют в диалекте (говоре) различные семантические и стилистические функции. Г. Дингес, посвятивший свои исследования изучению заимствований из русского языка в островных

немецких говорах, выделяет следующие причины их появления [8]:

1. Слово из чужого языка заимствуется, чтобы выразить более ярко эмоциональную составляющую, так как слово родного языка кажется недостаточно экспрессивным: *Durak!*

2. Заимствования имеют стилистические причины, например, если говорящий хочет адекватно передать факты иноязычной действительности: *Spasiv sed dr Rus* (Danke, sagt der Russe – от русского «спасибо»).

3. Слово чужого языка может использоваться в речи иронично: *Balvan!*

4. Заимствованное слово используется в тех случаях, когда оно по каким-то причинам кажется более предпочтительным, поскольку более адекватно отражает мысль говорящего по сравнению с родным словом: *vot (вот) ds ha:v ek jøzax, ds es røktøk, eto pravilno* (это правильно).

В научной литературе существуют различные трактовки данного термина. Традиционно в понятие заимствования вкладываются два смысла: с одной стороны, это элементы чужого языка, перенесенные в родной в результате языковых контактов, а с другой – это сам процесс перехода элементов одного языка в другой [9]. Для языковой ситуации в диалектных (языковых) островах особое значение имеют описанные Л. Блумфилдом такие типы заимствований, как внутренние заимствования, происходящие в результате непосредственных языковых контактов, обусловленных территориальной или политической близостью, и диалектные заимствования, проникающие в литературный язык из диалектов [10].

В языкоznании XIX–XX вв. шли споры о невозможности заимствования на уровне грамматических единиц и структур [11], об отсутствии вероятности «смешения языков», признаком которого считалось заимствование не лексического, а прежде всего грамматического материала, о наличии грамматического заимствования лишь в условиях заимствования целой языковой системы [12], либо на поверхностном морфологическом уровне, а не на более глубоком грамматическом [13]. Однако, как справедливо отмечал У. Вайнрайх, в условиях тесных языковых контактов, их продолжительности и интенсивности заимствоваться может любой лингвистический материал [14].

Важным при этом становится вопрос о разграничении явлений заимствования и переключения кода. Критерием в этом вопросе становятся разного рода ассимиляции: фонетическая, т. е. замена русских фонем и/или их сочетаний фонемами или их сочетаниями, характерными для немецких диалектов Кировской области, морфологическая, или замена русских флексий соответствующими диалектными флексиями, морфо-

синтаксическая – заимствованные из русского языка слова употребляются по правилам синтаксиса немецких диалектов.

В качестве материала исследования нами были выбраны 515 лексических единиц – заимствований из русского языка, которые в определенной степени дают возможность установить отдельные явления – результаты языкового контакта – и сделать соответствующие выводы. Заимствования распределились следующим образом: 1) существительные – 328; 2) глаголы – 109; 3) прилагательные – 20; 4) наречия – 22; 5) местоимения – 2; 6) союзы – 7; 7) междометия – 8; 8) модальные слова – 15.

Поскольку первый контакт с русским языком у немцев Кировской области произошел до их переселения в Кировскую область, то и словарные заимствования из русского языка относятся часто ко времени довоенных немецких поселений на Волге, Украине и в Закавказье. В речи этнических немцев укоренились некоторые русские, украинские слова, связанные с обозначением плодов, овощей, кушаний, домашней утвари и т. д.

Например, названия плодов, овощей, злаков, разведением которых занимались жители немецких поселений на Украине и на Волге: *pømádo:røj* *bømado:røj* – помидоры, *hørfu:søj’arbu:zøj* – арбузы, *brøtska:j* – гречка, *pørlø:vakøj* – перловая, *køkøru:zøj* – кукуруза.

Названия кушаний, широко распространенных в России и на Украине и заимствованных немцами вместе с их названиями: *porst* – борщ, *stji* – щи, *vare:nikø* – вареники, *gøloptsøj* – голубцы, *køsel* – кисель, *ka:saj* – каша, *pørøskøj* – пирожки, *pørø:nikøj* – пряники, *blinøj* – блины, *pølmø:pøj* – пельмени.

Названия посуды и утвари: *køstro:l* – кастрюля, *pu:tl/butøl* – бутыль, *pø:køj* – банка, *søtønøj* – самовар.

Обозначения понятий, связанных с жизнью в довоенных колониях: *kølxø:s* – колхоз, *kølkøti:f* – коллектив, *selsøve:t* – сельсовет, *klop* – клуб, *røion/røionøj* – район, районы, *pretsedatøl* – председатель, *kartøt/køj* – карточки, *køsølkøj* – косилка, *bøza:r* – базар.

Обозначения некоторых понятий и реалий, связанных с жизнью в областях депортации: *trudarme:j* – трудармия, *vysof* – вызов, *pøvestkøj* – повестка, *kømøndøturøj* – комендатура, *drudarme:tsøj* – трудармейцы, *spøtspøsjo:løk* – специпоселок, *zømøfkøj* – зимовка.

Перечисленные группы слов обозначают понятия и реалии повседневной жизни, которые прочно вошли в лексикон этнических немцев и претерпели известную фонетическую и грамматическую адаптацию. Так, заимствованные из

русского языка слова могут использоваться в качестве компонентов немецких сложных слов, а также части слов, образованных по немецкой словообразовательной модели: *flestməʃi:n* (мясорубка), *vorsort* (сорт колбасы), *bəməðə:rnzopəj* (помидорный суп) или *trudarmey* (трудармия). Заемствованные слова, приспособленные в большей или меньшей степени к немецкому произношению, в ряде случаев подчинены также нормам немецкой морфологии: *ən dij trudarmijəy* (в трудармии), *in dij banja:j* (в бане), *fon i:rət kəməndətu:rəy* (из их комендатуры), *ən dəy zəmotfəkəy* (на зимовке), *fon dm zavo:t* (с завода), *ən dəy əfʃeʃitəy* (в общежитии).

Заемствования, встречающиеся в речи российских немцев Кировской области, можно разделить по следующим тематическим группам:

1) заимствования, связанные с особенностями быта и жизнью в довоенных колониях (*kəlxo:s* – колхоз, *kələkti:f* – коллектив, *selsəve:t* – сельсовет, *klop* – клуб, *rəion/rəionəy* – район, районы, *prəka:tə* – бригада, *məʃi:n* – машина и др.);

2) заимствования, вошедшие в лексикон немцев Кировской области во время депортации (*trudarmey* – трудармия, *vysof* – вызов, *þwestkəy* – повестка, *kəməndətirəy* – комендатура, *ukas* – указ, *parakəy* – бараки и др.);

3) заимствования, относящиеся к семейному положению немцев-билингвов (*mainþarfkəy* – мой папа, *dɔskəy* – дочка, *vniʃkəy* – внучка; *dəy mama vo:r kstourba:y* – мама умерла, *tən vniʃka:y vo:nt dort* – моя внучка живет там);

4) заимствования по теме «жилище» (*zərqəy* – сарай, *dəvə:tʃək* – диванчик, *pəla:s* – палас, *jəra:f* – гараж, *əmba:* – амбар, *təbrətəy* – табуретка);

5) заимствования по теме «еда» (*brətʃkəy* – гречка, *porʃt* – борщ, *ʃtʃi* – щи, *varç:nikəy* – вареники, *gəloptsəy* – голубцы, *kəsel* – кисель, *ka:səy* – каша);

6) заимствования, связанные с названиями современных приборов и с повседневной жизнью этнических немцев (*tələfo:n* – телефон, *xələdəlnək* – холодильник, *dəvə:* – диван, *və:nəy* – ванна, *þəlu:tʃkəy* – получка, *ækla:t* – оклад; данные заимствования представляют собой уже прямой перенос слова из русского языка, *zbərkə:s* – сберкасса);

7) заимствования, связанные с обозначением рода занятий или профессии (*kəznəts* – кузнец, *dəjarkəy* – доярка, *þrətsəta:təl* – председатель).

Вышеперечисленные тематические группы включают в себя заимствования, являющиеся результатом прямого переноса из русского языка. В речи российских немцев наблюдаются также так называемые «кальки» и гибридные компози-

ты. Тенденция к образованию сложных существительных согласуется с тезисом о стремлении к номинализации, который неоднократно обсуждался многими учеными в лингвистической литературе [15]. Анализ лексического материала, собранного в Кировской области, показывает, что в речи немцев-билингвов словообразовательные кальки встречаются достаточно редко по сравнению с непосредственными заимствованиями. Большинство таких калек – это существительные, сложные слова, состоящие из двух компонентов, первый из которых представляет собой основу существительного, глагола, прилагательного или наречия: *soulo:vət* – школьный вечер, *khə:gartəy* – детский сад, *postkoʃtəy* – почтовый ящик, *o:þəyfrost* – Дед Мороз, *esʃtouf* – столовая, *slo:fʃtouf* – спальня комната, *flə:jəʃoul* – летняя школа, *bənʃtouf* – задняя комната, *mɪʃzouf* – молочный суп.

Как показали исследования, заимствованные слова, попадая в новую лингвистическую ситуацию, претерпевают изменения в соответствии с фонетическим, морфологическим и грамматическим строем языка-реципиента. По степени адаптации заимствования делятся на полностью и частично адаптированные. Необходимо подчеркнуть, что степень адаптации во многом зависит от уровня двуязычия. Так, адаптация заимствований происходит на фонетическом, морфологическом уровнях и приближает, таким образом, заимствования к норме диалекта.

В настоящее время в языке этнических немцев присутствуют как фонетически адаптированные заимствования, так и фонетически частично адаптированные заимствованные единицы. По данным проведенного исследования, степень адаптации заимствованной лексики прямо пропорционально зависит от стадии билингвизма данной этнической группы. Чем больше распространяется двуязычие, тем меньше адаптируется заимствованное слово, т. е. фонетически адаптированные заимствования вошли в лексикон билингвов в период преимущественного монолингвизма и индивидуального билингвизма (характерного для того времени, когда российские немцы проживали на Волге и на Украине): *ru:bl/ru:vəl* “Rubel” (рубль), *kəpikə/kəpi:k* “Kopeke” (копейка), *kəlxos* “Kolchos” (колхоз), *þrətsəda:tl* “Vorsitzender” (председатель), *bə:njəy* “Badhaus”, *lafkəy* “Laden”, *məlits* “Miliz”.

В период преимущественного монолингвизма и индивидуального билингвизма немецкие переселенцы использовали в своей речи говоры, частично литературный немецкий язык, не понимая русской речи и не владея ею. Заимствования, проникавшие в данный период в немецкие говоры, подвергались полной фонетической адаптации, что являлось логичным процессом освоения.

ния русизмов в языковой ситуации того времени. Все чуждые говорам элементы заменялись своими, близкими по звучанию, т. е. характерной особенностью заимствований было их появление на лексическом уровне, которое сопровождалось замещением на фонетическом и морфологическом уровнях. Заимствованные лексические единицы настолько адаптировались к немецким нормам, что немцы-билингвы уже не считают их иноязычными словами.

Фонетически частично адаптированные единицы были заимствованы, как правило, в период развития субординативного билингвизма и перехода к координативному билингвизму (во время депортации российских немцев в Кировскую область и их проживания на ее территории в 1941–1956 гг.), когда носители немецких диалектов в большой степени овладели фонетической системой русского языка, в результате чего заимствованные лексемы уже не подвергались полной фонетической адаптации. На этом этапе развития билингвизма из русского языка стали вместе с лексемами перениматься новые фонемы и звуковые типы, которые раньше заменялись немецкими, например, русский звукотип [ы] заменялся немецкими [ɪ], [i:]: *pozilgəj* «посылка», *tɪ:* «мы», *vɪzila:t* «высыпать», *lɪ:ʃəj* «лыжи». В этот период любой гласный в неударном положении подвергается по аналогии с формами диалектов редукции, т. е. появляется редуцированный [ə]: *kəlxos* «колхоз», *prətseda:tl* «председатель», *bʒ:njəj* «баня», *nərmalnəj* «нормально», *kəto:ləj* «католический», *markəj* «марка», *zəçstaratsəj* «старателясь», *zəmofkəj* «зимовка». Подобные звуковые явления отмечены в работах по исследованиям островных немецких диалектов в разных регионах бывшего СССР [16].

В период массового координативного билингвизма фонетическая адаптация заимствований, как правило, еще более ограничена или совсем не наблюдается: *do: kā:m pōvestka* (*новелла*) *nax trudarme:. elektrit'festvo* (*электричество*) *va:r dort niç. ęç ha:v kēnəj peredatʃaj* (*передача*) *k'praxt. Ea hat gzksa:j bs məarts tō:net n dəj tjurta* (*торьма*).

В настоящее время в речи немцев Кировской области можно выделить на фонетическом уровне следующие основные виды адаптации заимствований из русского языка:

1) полная редукция гласного на конце слова: *kontor* «контора», *kvart:i:r* «квартира»;

2) качественная редукция гласного в конце слова: *brigadə* «бригада», *mašinkə* «машинка», *kombəinəj* «комбайны», *buranəj* «бураны», *sberkasəj* «сберкасса»;

3) ленинское произнесение (оглушение) звонких согласных в заимствованных русских сло-

вах: *torokəj* «дорога», *porʃ* «борщ», *tuma* «Дума», *savot* « завод»;

4) ленизация (озвончение) согласного [s] в середине слова: *kəzblka* «косилка», *pənzi:a* «пенсия», *pəzblka* «посылка»;

5) замена аффрикаты /tʃ/ в начале слова на /ʃ/: *ʃətmədoum* «чеснок», *ʃənək* «чайник»;

6) сужение ударного /o/ в /jo/: *ʃp̥ijone* сп. рус. «шпионы»;

7) замена палатализованного /l'/ на непалатализованный: *tolkəj* «только», *polnitsa:j* «больница», *bolʃəj* «больше».

Опираясь на результаты проведенного исследования, можно утверждать, что адаптация заимствованной лексики на морфологическом уровне проявляется в использовании заимствованных существительных с артиклем в соответствии с родом заимствованного существительного, в оформлении множественного и единственного числа имен существительных, склонении имен существительных, образовании инфинитива и причастия второго.

Так, важной особенностью речи немцев-билингвов на морфологическом уровне является употребление заимствованного слова с немецким артиклем в соответствии с родом заимствованного существительного: *dr prədsəta:təl*, *təybā:nja*, *dr savo:t*, *ds əpfəsʃtəj*, *təy trudarmiəj*, *təy tʃurmaj*, *dəy kəməndətu:rəj*, *dəy zəmofkəj*.

В соответствии с нормой диалектов происходит оформление числа существительных: *tr kolxos - ti kolxozə* “der Kolchos – die Kolchose”, *dr pəmidor - di: pəmidorə* “die Tomate – die Tomaten”, *təyʃpartiəj - təyʃpartiən* “die Partei – die Parteien”, *dr rəion - dəy rəionəj* “der Rayon – die Rayone”.

Характерной чертой в речи российских немцев является склонение заимствованных существительных по нормам немецких диалектов: *von dəm savot* – “*von dem Betrieb*”, *von dəm front* – “*von der Front*”, *os dr banjəj* – “*aus dem Dampfbad*”, *of dm dəvə:sək* – “*auf dem Sofa*”, *ən dm posjolək* “*in der Siedlung*”.

В соответствии с нормой диалектов происходит оформление неопределенной формы глаголов, заимствованных из русского языка: *gəla:iəj* – “*spazieren*”, *oufərj:rəj* – “*operieren*”, *rabo:təj* – “*arbeiten*”, *mutʃa:j* – “*ermorden*”; оформление причастия второго: *rəməntb:rt* – “*renoviert*”, *gəmtutʃət* – “*ermordet*”; оформление возвратных глаголов: *zęç p̥rəlsəj* – “*sich rasieren*”, *zkz kətatsər* – “*Auto fahren*”, *zęç p̥rktətsəj* – “*sich verstecken*”, *zęç mərktsəj* – “*sich versuῆnen*”.

Г. Классен, анализируя заимствования из русского языка в нижненемецких диалектах, обращает внимание в своей работе “*Russische Einflüsse auf die deutschen Mundarten im Ural (Sowjetunion)*” на то, что большое количество заимствований,

которые употребляются лишь окказионально, имеют соответствия в немецком языке и не являются ассимилированными [17]. В исследуемом материале можно наблюдать отдельные окказиональные заимствования: *stolik* (*das Tischchen*), *dəvā:sək* (*das Söfchen*).

Многие заимствованные слова, как уже отмечалось, обозначали новые для основной массы немецких переселенцев понятия русской действительности. В первую очередь, это предметы крестьянского быта: *mainəʊ̯ mudr hat oft kpa:kəʊ̯ kolobuʃkəʊ̯* (*колобушки «булочки»*). Однако не все случаи заимствования из русского языка можно объяснить отсутствием тех или иных реалий в культуре немецких переселенцев и потребностью в соответствующих лексических единицах. В ряде случаев в основе лежат более глубокие семантические процессы. В частности, речь идет о заимствованных колонистами русских словах, имеющих в немецком языке лексические эквиваленты с близким значением: *da:kā:m dr prətsəta:təl...* Несмотря на наличие в немецком языке таких слов, как *der Chef*, *der Vorsitzende*, *der Leiter*, используется заимствованное из русского языка слово *Predsedatel*, так как оно способствует созданию колорита российской действительности и означает председателя колхоза.

Причины заимствования в подобных случаях могут быть различны. В семантическом плане можно провести параллель между заимствованными словами и синонимами родного языка, обозначающими в языке одно и то же понятие. По сравнению с собственными лексическими единицами заимствования, как и синонимы, имеют различные семантические оттенки. Русские заимствования зачастую более ярко обозначают то или иное понятие, точнее отражают российские реалии.

В рассказах об истории депортации и депортации в Кировскую область в годы Великой Отечественной войны часто встречается словосочетание *teljatʃəʊ̯ vagoni* (*телячи вагоны*). Данное заимствование связано с той тяжелой действительностью, с которой пришлось столкнуться этническим немцам в 1941 г., когда их везли в Кировскую область в товарных вагонах, в которых до этого перевозили скот. Поэтому в данной ситуации используется именно это слово из русского языка, которое более точно описывает события, связанные с депортацией российских немцев: *Потом мы оттуда, ну, что, гənə:m... gnomatj bā:m, vas mā: drənkā:təʊ̯, ən dā:bā:m vər pīs станция ənkfa:raj. ən dort ha:t mā: us ənkla:dāy də:zəʊ̯ вагоне, vo: набито, набито было. Ну, э... по-русски, телячи вагона. Поняла?* (РМКЖ).

Очень часто русские слова используются в речи этнических немцев без какой-либо морфологической «обработки». К ним относятся не только слова, обозначающие так называемые «русские»:

prkničkəʊ̯ – пряники (ГОДЖ: *gkstər ha:mu:jū prkničkəʊ̯ gbakəʊ̯* – вчера мы пекли пряники), но и лексемы, обозначающие понятия и реалии современного повседневного быта. Лексемы эти не могут быть почертнуты из немецкого литературного языка, поскольку подавляющее большинство информантов им не владеют и немецкоязычная литература (отечественная и зарубежная) им практически недоступна. Отсюда – постоянные, характерные для речи этнических немцев изучаемого района русские «вкрапления», примером которых могут служить следующие: СЭАЖ: *dr fa:tr ha:t ɸəvestkəʊ̯ g(ə)kri:k* (отец получил повестку), КАХЖ: *deyr vysof fon māi svestr* (вызов от моей сестры), ГОДЖ: *iç zej kāi televi:zor* (я не смотрю телевизор), РМКЖ: *jestr hap ek tjuł jəkoft* (вчера я купила тюль), МЕИЖ: *əndəʊ̯ soulha:p* (в школе я училась отлично), КМАЖ: *imr vo:r... m:s oləs nox vrutʃiŋi* (всегда было... нужно еще все вручную), ИКРМ: *zo: zətszəʊ̯ of dn dəvr:nəjək* (так она сидит на диванчике).

Нередки случаи включения в немецкую фразу русского слова в grammatical formе, соответствующей контексту эквивалентного по смыслу и по структуре русского предложения. Это особенно заметно в тех случаях, когда русское слово стоит в форме косвенного падежа: МЭГМ: *eç ha:bəj fiəy malʃəkəʊ̯ ont svəi dəvo:kəʊ̯* (у меня четыре мальчика и две девочки), ЮЗКЖ: *viəy hā:m għəirət ən sozəmском* (мы поженились в Созимском), МЕИЖ: *iç ha:bəj g(ə)arbəit ən bətri:b krənofʃəkom* (я работала на заводе крановщиком), ЮТАМ: *dəjū tatajha:v jəarvkt dəjarkoj* (мама работала дояркой), ИИРЖ: *hē:r ən də:z ɸəsjolkəʊ̯ hē:m vər oləs, oləs kséan* (здесь в этом поселке мы всего, всего навидались), МИБЖ: *dan hat gəarbəit ən dr me:xoxoja fəbrək* (затем работала на меховой фабрике).

Функцию соединения отрезков речи, будь то отдельные предложения или словосочетания, осуществляют служебные слова. В речи немцев эта функция часто осуществляется с помощью русских союзов, наречий, вводных слов: *ну, ну вот, ну что, это, конечно, или, но, раз* и др.: ЮЗКЖ: *rəs mis tən, dən mis tən* (раз нужно, так нужно), РЭГЖ: *nuj vot, iç ha:bəj lajəy g(ə)arbəit* (ну вот, я долго работал), ГОДЖ: *iç ha:v vɔpʃəʊ̯ niç jəvost* (я вообще не знала), РМКЖ: *piajstoja, gənā:m... gnomatj bā:m, vas mā: drən kā:təj* (ну что, нас выслали, что поделаешь), ВГАЖ: *vot, in volt ha:b iç niç g(ə)arbəit, vəil tīz hatəy zəy niç gnomatj* (вот, в лесу я не работала, потому что меня они не взяли).

Причины заимствования могут быть как языкового, так и внеязыкового характера. К языковым причинам заимствований относятся:

1) заимствование слова для обозначения нового понятия, явления (*trukas* – указ, *dəjərəvəstkəʊ̯* – повестка, *dəjə zəmofkəʊ̯* – зимовка);

2) заимствование слова для обозначения уже известного понятия по причине того, что говорящий не настолько компетентен в своем родном языке или диалекте, чтобы подобрать нужное слово (*dr pəsjo:lək* – поселок, *ladnəj* – ладно, *zəka:zəvəjəj* – заказывать);

3) необходимость обозначить некоторый специальный вид предметов или понятий, уточнить, разграничить смысловые различия (*dr prətsəta:təl* – председатель);

4) тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота, т. е. стремление к краткости, действие закона экономии (*kəfətə:k* – kochendes Wasser, *vəkza:l* – Warteraum im Bahnhof, *la:fkəj* – kleiner Kaufladen).

К внеязыковым причинам можно отнести:

1) влияние культуры одного народа на культуру другого (*paskəj* – Osternkuchen, *jo:lgəj* – Tannenbaum);

2) выражение бурных эмоций, так как в момент речи говорящему представляется слово родного языка недостаточно эмоционально окрашенным (*ox, ex, oj, ej, ni* – на, was du nicht sagst, *mələdəts* – Prachtkerl, *dura:k* – Dummkopf, *kəro:s*, *hva:tit* – das genügt);

3) желание метко воспроизвести факты из жизни чужого окружения (*əs vo:r vojnaj* (война), *tən khē:t... vīr lə:bəя zoj*...).

Анализ речевого поведения немцев-билингвов Кировской области показал, что заимствования из русского языка прочно вошли в лексикон информантов: это слова, связанные с их бытом и индивидуальным хозяйством; лексика, относящаяся к общественно-политической и технической терминологии. Основную часть заимствованной лексики составляют существительные, незначительную долю – прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, союзы, междометия, модальные слова. Непроницаемыми для иноязычного влияния остаются такие лексико-грамматические разряды, как частицы и предлоги.

Таким образом, в результате исследования было установлено, что рассматриваемые немецкие диалекты, развиваясь в иноязычном окружении, обнаружили интенсивное воздействие со стороны русского языка, что проявилось в целом ряде интерференционных явлений, возникших в результате языкового контакта, причем все рассматриваемые идиолекты демонстрируют одинаково значительную степень подверженности интерферирующему воздействию. В настоящее время, в связи с массовым заимствованием лексем из русского языка, в исследуемых диалектах преобладает тенденция к инновациям, что приводит к заметным сдвигам на всех уровнях их структуры. Заимствованные слова используются для выражения эмоций, а также в связи с желаниями

метко воспроизвести факты из жизни чужого окружения.

В целом результаты исследования доказывают необходимость комплексного подхода к изучению заимствований как следствию языкового взаимодействия, что объясняется потребностью в формировании ясного представления о различных вариантах «соприкосновения» языков и механизмах их взаимодействия.

Примечания

1. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Прогресс, 1975. С. 5.
2. Щерба Л. В. Избранные работы по языкоизнанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 48.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования; [пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко]; вступ. ст. В. Н. Ярцевой. Благовещенск: Благовещен. гуманитар. колледж, 2000. С. 22.
4. Щерба Л. В. Указ. соч. С. 48, 53.
5. Байкова О. В. Функционирование немецких диалектов в условиях меж- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров: Изд-во ВятГУ, 2012; Москалюк Л. И. Современное состояние островных немецких диалектов: монография. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002; Poplack S. Variation theory and language contact: concepts, methods and data Network on Code-switching and Language Contact // Papers for the Workshop on Concepts, Methodology and Data. Strasbourg, 1990. P. 33–66.
6. Розенцвейг В. Ю. Указ. соч. С. 14.
7. Куксина Ю. В. Русские заимствования в лексике немецкого «островного» диалекта // Лингвистические исследования 1999 года: сб. науч. тр. СПб., 1999. С. 77–90; Москалюк Л. И. Указ. соч.
8. Дингес Г. О русских словах, заимствованных поволжскими немцами до 1876 года // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. VII. Вып. 3. Саратов: Изд-во СГУ, 1929. С. 197.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 158.
10. Блумфильд Л. Язык / пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат; comment. Е. С. Кубряковой; под ред. и с предисл. М. М. Гухман. М.: УРСС, 2002. С. 487–543.
11. Whitney W. Language and the study of language. N. Y., 1868.
12. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкоизнании. М.: Изд-во иностр. лит., 1954.
13. Сенир Э. Избранные труды по языкоизнанию и культурологии. М.: Универс, 1993.
14. Вайнрайх У. Указ. соч. С. 25–60.
15. Admoni V. G. Entwicklungstendenzen des deutschen Satzbau von heute. München: Hueber, 1973; Polenz P. Deutsche Satzsemantik. Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. Berlin: de Gruyter, 1985.
16. Москалюк Л. И. Указ. соч.
17. Абдеев И. Я. Фонологические оппозиции согласных фонем в нижненемецком говоре Алтайского края // Германские языки. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1967а. С. 69–83; Абдеев И. Я. Фонетическая система нижненемецкого говора Алтайского края в ее историческом развитии // Германские языки. Но-

восибирск: Изд-во НГПИ, 1967б. С. 84–118; *Klassen H. Russische Einflüsse auf die deutschen Mundarten im Ural (Sowjetunion) // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Rostock, 1969. № 6/7. S. 589–594; Триниц Д. Н. Динамика изменения фонологической системы одного языка под влиянием другого при их контактировании (на материале нижненемецкого диалекта на территории СССР): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГПИИЯ, 1972; Донгаузер В. П. Развитие звукового строя говора в условиях иноязычного окружения (на материале франкского говора жителей немецкой национальности города Березовский Свердловской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Изд-во АГУ, 1980; Korn R. Der Einfluss soziolinguistischer Faktoren auf den Lautwandel in den schwäbischen Mundarten der ehemaligen Sowjetunion // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1993. № 60. S. 39–46; Сержанова Ж. А. Детерминирующие факторы речевого поведения этнических немцев в ситуации иноязычного окружения: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2007.*

17. *Klassen H.* Op. cit. С. 589–594.

УДК 81'1

Е. Б. Богатова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДОКУМЕНТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ

В статье предпринята попытка оценить, чем является документная лингвистика в современном состоянии, и приблизиться к пониманию того, чем она должна являться. Установлено, что дисциплина не обрела ясные концептуальные очертания, не заняла свою нишу в системе научных знаний. Однако автор, эксплицировав специфику и проблематику дисциплины, вскрыл потенциал её развития, указал курс «перезагрузки».

In the paper the author tries to describe and to understand what linguistics should be in the modern science. It was revealed that the discipline hasn't found clear conceptual outlines and taken its place in the system of scientific knowledge. The author explicates the specifics and problems of the discipline, describes its potential development and points out the direction of the «reset.»

Ключевые слова: документная лингвистика; проблематика и направления развития дисциплины.

Keywords: documentary linguistics, problems and development directions of discipline.

Время рождения документной лингвистики может датироваться серединой 60-х гг. прошлого столетия, когда она получила название по предложению профессора Московского государственного историко-архивного института К. Г. Митяева [1]. Отмечаемый в наши дни полу-

вековой юбилей даёт повод к тому, чтобы обозреть критическим взглядом достижения и неудачи в становлении дисциплины и наметить пути развития.

Науку (научное направление, научную дисциплину) конституируют следующие максимы. Она онтологически определяется объектом, предметом изучения и задачами исследования, кроме того, «всякая наука должна иметь некоторую общую теорию, единый метод, проблематику или, по меньшей мере, некоторый набор общих методов и проблем» [2], в этом суть её теоретической и методологической автономии и внутренние резервы развития.

Само название «документная лингвистика» указывает на то, что объектом изучения являются документы, а предметом изучения – языковое оформление их содержания. В документах фиксируются факты практической жизни и деятельности общества, в качестве средств выражения смысла используется письменная форма государственного языка. Документы осуществляют информационную функцию регулятивного и ориентирующего действия в официальных институциональных внутри-, и междисциплинарных, межпрофессиональных, межотраслевых, межгосударственных коммуникациях. Объективные основания для возникновения дисциплины проистекали из социального заказа: документная индустрия приобрела в современном мире необъятные размеры и безграничный рост, возникла необходимость улучшить лингвоэкологию документной среды. Обозначенные позиции постулируют следующее. Документная лингвистика – это прикладная дисциплина, которая решает проблемы официального делового общения, опосредованного символной фиксацией. Задачи документной лингвистики имеют государственную и социальную значимость и состоят в выявлении дефектов языкового оформления, затрудняющих общение, и факторов, повышающих его эффективность.

При важности, масштабности, острой актуальности задач и, казалось бы, априорной отчётливости дисциплинарных основ документная лингвистика не заявила о себе в полный голос, в обыденном сознании всё связанное с документами до сих пор относится только к делопроизводству. Дисциплина не стала признанной отраслью научного знания, занимает периферийное положение в системе лингвистических наук, в ней много белых пятен, открытых вопросов. К таким выводам склоняют ниже приведённые факты.

Что касается общей теории науки, то её построение требует адекватного категориального аппарата из хорошо сформированного арсенала ключевых понятий, он создаёт когитативную (мыслительную) базу и позволяет избежать терминологических расхождений и конфликтов. Этот этап

документной лингвистикой не пройден. Не выработаны понятийные стандарты в отношении объекта изучения. Понятийная сетка опутана ненужными смыслами. Так, не разведена семантика определений активного обихода *документный, документированный, документационный, документальный*, встречается ещё *документарный*, и изображаются новые члены паронимического ряда, например *документивный* [3]. Понятия *документ* и *текст документа* употребляются не в разных контекстах (как *роман* и *текст романа, статья* и *текст статьи*), а усматривается в них принципиальная разница, более того, предлагается отличать их от понятия *документный текст* [4]. Не замечаема тавтология в сочетании *официальный документ* (можно сказать *официальный текст*, но документов неофициальных не бывает). Стиль документов называют *официально-деловой*, а не просто *документный* (как *художественный стиль* художественных текстов, *научный стиль* (а не *научно-деловой*) научных текстов, *публицистический* – публицистических).

Место дисциплины в системе знаний обозначается установлением того, что она имеет много общего со смежными дисциплинами и что её отличает от них, так как современные дисциплины возникают чаще всего на стыке сопредельных научных областей. Документная лингвистика в этом смысле не исключение, она неизбежно имеет междисциплинарные пересечения с делопроизводством (документоведением, документалистикой), имея с ними общий объект изучения, и она включает лингвистику текста, функциональную лингвистику как лингвистическая наука. Позиционировав себя в качестве самостоятельной дисциплины, документная лингвистика в первую очередь должна была профилировать сферу своей компетенции, чтобы утвердить автономность, избежать дублирования функций смежных дисциплин и сосуществовать с ними на принципах конструктивного диалога, взаимодополнительности и взаимообогащения. Однако данный принципиальный вопрос не стал предметом осмысления, обсуждения и дискуссий.

Из-за того что дисциплинарные контуры не обозначены, документная лингвистика является собой конгломерат сведений из других областей знаний. Например, в описание стиля включается информация о составе и позиционных параметрах реквизитов – сведения, не связанные со стилевыми аспектами. В перспективную информацию вводятся вопросы подготовки докладов, презентаций, приветственной речи, проведения совещаний, ведения переговоров (в том числе телефонных), рассматриваются акцентологические и орфоэпические нормы – знания, которые имеют отношение к устной речи, но иррелевантны для документов, являющихся зафиксированными текстами.

Так что междисциплинарность обернулась недифференцированностью функций. В результате пособия по документной лингвистике идентичны по содержанию пособиям по культуре речи и по делопроизводству (документационному обеспечению управления). Не обладая собственным содержанием, дисциплина не обрела и собственной сферы приложения: пособия и курс по документной лингвистике [5] предназначены для студентов специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления», как и документоведческие дисциплины. Причём содержание пособий нельзя назвать оптимальным не только потому, что оно наполнено лишними сведениями, но и вследствие одностороннего или поверхностного освещения фундаментальной проблематики. В частности, дескриптивный план редуцирован к вопросам языка и стиля, в анализе эмпирического материала превалируют позиции *ad hoc* (комментирование отдельных документов, конкретных случаев), разбираются преимущественно ошибки первого уровня речевой грамотности и второстепенные явления.

Не выработав ясно исходные теоретические и методологические положения, документная лингвистика опирается на принципы, методы, утверждения других наук.

Так, ограничивается область изысканий вслед за делопроизводством и документоведением, которые, как справедливо отметил документовед Н. С. Ларьков [6], будучи изначально призваны решать прикладные задачи управления, избирательно направляют свою нормализаторскую деятельность на управленческую документацию (организационные, распорядительные, административные, статистические, финансовые, кадровые документы, деловую корреспонденцию). Тот же сектор документов находится в фокусе интересов документной лингвистики, многоликая природа изучаемого феномена также игнорируется, и из поля зрения исключаются документы, действующие в профессиональных сферах (планы, программы, отчёты, заключения, экспертные оценки, технологические нормы/регламенты/режимы/карты и др.). Данные документы, фиксируя разнородные специфические ситуации, не являются прототипическими, между тем их удельный вес в документной массе значителен.

Акцептируя принятые в документоведении взгляды, индивидуализируют документы на основании наличия реквизитов, хотя ими снабжаются любые зафиксированные тексты (речевые, графические, музыкальные), в документах же реквизиты лишь обладают обусловленными спецификой коммуникации особенностями и значимостью – объёмностью состава, официальностью, определённостью местоположения.

Приспосабливают к документам трактовку текста с позиции филологии, называя их *речевыми произведениями с невербальными компонентами*, что парадоксально в приложении к документам, в которых смысл представлен, например, сплошь цифровыми данными. Документы – тексты поликодовые, в них информация кодируется посредством естественных и искусственных языков и систем условного кодирования. Эти средства «неравнозначны» в отдельных документах и в разных их видах, но гетерогенную форму выражения смысла следует признать спецификой документов, которая вынуждает пересмотреть понимание текста и интерпретировать его обобщённо, привлекая современные семиотические представления.

Оставаясь в традициях филологии, которая изучает художественные тексты, предназначенные для сплошного чтения и оформляемые монотонной линейной композицией, не расширяют ракурс рассмотрения и не удостаивают адекватного внимания такую важную специфику документов, как структурно-композиционный полиморфизм. Его характеризуют интенсивность фрагментации, внутритекстовые выделения, структурная неоднородность, визуальное ранжирование, вариативность и комбинаторика графики. Этот совокупный инструментарий, организуя зрительное восприятие смысловой логики в широком диапазоне наглядности, обеспечивает многоальтернативное восприятие содержания (изучающее, углубленное, просмотровое, выборочное, ознакомительное). В новейшее время компьютерные технологии значительно обогатили графические ресурсы, внешний облик документов ощущимо улучшился, стал весомой компонентой качества. Интеллектуализировались вместе с тем средства фиксации, компьютерная грамотность вошла в структуру документной грамотности. Однако темпы компьютеризации опережают полноценное применение на практике её достижений, ещё больше отстаёт методологическое обеспечение, поэтому составители при композиционном оформлении полагаются на свой вкус, а не на принципы графического дизайна, объединяющие функциональные и эстетические аспекты.

Критическим анализом мы вскрыли нерешённые проблемы, в основном эпистемологические. Они порождены не в последнюю очередь отсутствием соотнесённости клишированных подходов с универсалиями документов, поэтому становится бесспорной необходимость в исследованиях на метауровне, в оснащении дисциплины абстрактно-теоретическими идеями.

Приоритетная исследовательская задача состоит, безусловно, в формировании матрицы понимания изучаемого феномена, это краеуголь-

ный камень науки. Сейчас в представлении о документе царит изрядная путаница и разноголосица, и его необходимо вывести в горизонт универсальности интерпретации. Шаг в этом направлении предпринят философским осмыслением, позволившим выдвинуть дефиницию, которая переносит традиционно делопроизводственный термин *документ* в ряд понятий, имеющих лингвистический смысл, и определяет место документов в текстовом пространстве как автономного объекта делового дискурса [7].

Важно также установить границы компетенции дисциплины. Представим создание документа как процесс из конечного числа этапов, опираясь на теорию систем и телеологические принципы, по которым детерминируются части и их функционирование в системе. Связи этапов строят структуру процесса: вначале инициируется информация – генерируется содержание документа в идеальной форме; затем она реифицируется – трансформируется в зафиксированный текст, и, наконец, наложением реквизитов текст получает способность функционировать в качестве документа. Целевые характеристики этапов определяют сферы знаний. Формирование содержания принадлежит той практической области, в которой создаётся документ. Продуцирование текста является прерогативой документной лингвистики. Определение состава, статуса, диспозиции реквизитов входит в полномочия делопроизводства, в его ведении остаётся также разработка шаблонов, классификаторов, номенклатур документов; регламентация их учёта, хранения, регистрации.

Мы провели для документной лингвистики демаркационные линии с обеих сторон, очертили её компетенцию зоной продуцирования текста. Продуцирование интегрирует следующие операции: 1) кодирование – переход от идеальной формы информации к символической форме; 2) структурирование – логическую организацию информации; 3) композиционирование – визуальную организацию информации в плоскостной среде; 4) фиксацию – закрепление информации на физическом носителе. При продуцировании кооперативным взаимодействием языковых, логических, графических и технических средств создаётся диалектически системное целое, которое, расчленяясь на множественные разнородные элементы, реализует в то же время их со пряжённость, взаимообусловленность, взаимоадаптированность.

Конвергенция средств означает, что изыскания документной лингвистики должны охватить весь арсенал средств и учитывать модальность их структуры (связь необходимого и излишнего, пользы и вреда), поскольку каждая операция располагает спектром конкурирующих способов

и приёмов. Например, разнообразие средств кодирования позволяет препрезентировать смысл разной формой (речью, числами, формулами, схемами, графиками, диаграммами, шифрами), при этом каждое средство обладает своими потенциями к аллолексии, своими достоинствами и недостатками. Развёртывание логики содержания имеет степени свободы в членении на структурные элементы (разделы, пункты, абзацы, предложения), а также в средствах когезии, в глубине рубрикации. Композиционные средства представлены набором форм (линейные, списочные, параллельные, табличные), линейкой уровней абзацных отступов и ритмов межстрочных интервалов, палитрой начертаний и размеров шрифтов и маркеров рубрикации.

Плюральность и мультивариантность средств, ставя перед выбором эффективного средства и оптимального сочетания разных, вносит креатив и одновременно существенно осложняет процесс продуцирования, который и без того достаточно сложен, поскольку обременен необходимостью удовлетворять целому комплексу нормативных предписаний и институциональных императивов. А именно: pragматичность целей коммуникации устанавливает требования к содержанию (достоверность, объективность, полнота, конкретность) и к форме его представления (ясность, точность, краткость, наглядность), официальность коммуникации определяет форму изложения содержания (грамотность, корректность, деловитость). Многомерные атрибуты процесса продуцирования действуют кумулятивно и синергетически, что требует от составителей владения документной грамотностью, в которой сплавляются умение работать с информацией, знания используемых языков (кодов), коммуникативная грамотность, владение компьютером.

Недостаточная документная грамотность становится источником разного рода ошибок – грамматических, логических, стилистических, структурных, композиционных, этических. Как показывает практика, коммуникативные барьеры воздвигают в большей степени семантические дефекты. Они проявляются как неясность смысла, риски амбивалентных или экзегетических толкований, непрозрачность синтаксических связей, повторы смысла вплоть до изосемии фрагментов, разномастность, неорганизованность композиции.

Из вышеизложенного вытекает, что генеральную цель документной лингвистики – оптимизацию – нужно сконцентрировать на выработке знаний, которые ведут при продуцировании документных текстов к рациональному практическому действию, а во главу угла следует поставить семантический критерий (целесообразно то, что способствует пониманию смысла, и неправильно то, что ему мешает). Проблема рациона-

лизации имеет неодинаковую степень остроты для документов разной степени формализованности [8]. Для документов с регламентированными формами наличие стандартизованных алгоритмов (в виде шаблонов, текстов-эталонов, типовых вариантов, идиоматических оборотов) упрощает составление или сводит его к рутинному заполнению готовых бланков. Правда, инвариантность форм при вариативности содержания, при масштабности составителей и разном уровне их компетентности не может гарантировать отсутствия недостатков. Тем более нет таких гарантий в случаях, когда составление документов опирается на опыт и интуицию составителей, на эвристическую, метод проб и ошибок. Совершенно очевидно, что исследовательское внимание, максимально сосредоточившись на слабо формализованных и неформализованных документах, должно распространяться на документную совокупность в целом во всём её видово-жанровом и содержательном разнообразии.

То обстоятельство, что тексты любого информационного наполнения в отношении способов кодирования, структуризации, композиционирования и фиксации являются методологически эквивалентными, открывает возможность для поиска гибких универсальных принципов и способов, которые в состоянии преодолеть границы предметной специфики и допускают применение с минимумом профессиональной экстраполяции. При этом важно выработать не только позитивные знания нормативной рациональности, но и определить устойчивые тенденции негативов, то есть интегрировать ортологический и эрратологический аспекты. Для этого нужно провести фронтальную аналитическую систематизацию наблюдений обобщающего характера, отобрать из документной массы разных практических областей типичные и актуальные ошибки и найти научно-методическое разрешение их устранения. Таким образом определятся конфигурация учебного курса с проблемно ориентированным каталогом тем. Передача знаний логико-понятийным способом сделает ошибки видимыми интроспекцией (кто знает и понимает, как получается неправильное, тот сумеет его избежать). Целевой аудиторией курса станут не документоведы (как это практикуется сейчас), а специалисты разного профиля, ведь гораздо результативнее, как, впрочем, и этичнее обучать умению эффективно составлять документы, а не эффективно их править, редактировать и инспектировать.

Итак, мы локализовали для документной лингвистики собственное специфическое исследовательское поле, наметили стратегию исследований. В новом качестве дисциплина сможет удовлетворить потребность в регуляции документной практики на основе научно обоснованных принципов

и методов. Эта потребность назрела уже давно и в последнее время актуализировалась в связи с массовизацией документных коммуникаций. Более того, по-новому определяется сфера приложения документной лингвистики как учебной дисциплины, она сможет транслировать знания, которые комплементарны для профессионального, дополнительного и поствысшего образования и которые востребованы в макросоциальном пространстве самым широким контингентом, так как составление документов включается в систему любой социальной деятельности как необходимый и обязательный компонент.

Обозначенные некоторые направления «перезагрузки» документной лингвистики рождают стимулы к прогрессивному движению, показывают перспективы в теоретических исследований и практических приложениях. Можно надеяться, что дисциплина сможет занять положение, принадлежащее ей по значимости задач, ибо в современном, ориентированном на новации обществе лишь та наука может вписаться в систему знаний, которая обладает креативной способностью создавать новые идеи и знания, находящие широкую область плодотворных применений.

Примечания

1. Янковая В. Ф. Документная лингвистика: учебник. М.: Академия, 2011. С. 5.
2. Франк Ф. Философия науки. М.: Иностранная литература, 1960. С. 56.
3. Столяров Ю. Н. О закономерностях функционирования документокоммуникационной системы // Вестник Челябинской академии культуры и искусств. 2009. № 2(18). С. 21.
4. Косова М. В. Системность как свойство документного текста // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 1(15). С. 8.
5. Кушнерук С. П. Документная лингвистика: русский деловой текст: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999; Роготнева Е. Н. Документная лингвистика: учеб. пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2011; Чулкова С. Б. Документная лингвистика: учеб. программа. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2010; Янковая В. Ф. Указ. соч.; Лар'ков Н. С. Актуальные проблемы документоведения на современном этапе // Материалы I Всерос. науч.-практ. конф. «Документ в меняющемся мире». Томск, 2004. С. 4.
6. Богатова Е. Б. Философское осмысление феномена «документ» // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 7 (13). С. 32–36.
7. Богатова Е. Б. Анализ актуальных проблем современного общества в проекции на документную сферу // European Social Science Journal. M., 2013. № 3. С. 245–253.

УДК 82

М. Г. Матлин

СВАДЕБНАЯ ИГРА В «ПОКОЙНИКА» В ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО СЕЛА

Статья посвящена исследованию свадебной игры в «покойника». На богатом и уникальном фольклорном материале, собранном в результате многолетних экспедиционных исследований на территории Ульяновской области, показывается, что данная игра есть часть большого и уникального пласта народной смеховой культуры. Календарные и похоронные обряды, молодежные игры и развлечения, детские забавы – вот тот круг, в который входит данная свадебная игра.

The article investigates the wedding game element in the “dead man”. The rich and unique folklore material collected as a result of many years of field research in the Ulyanovsk region, we show that this game is part of a large and unique culture of folk humor formation. Calendar and funeral rites, youth games, children’s games – here is the circle, which includes this wedding game.

Ключевые слова: игра, народный театр, свадьба, обряд, праздник.

Keywords: game, folk theater, wedding, ritual, celebration.

Послесвадебный этап русской традиционной свадьбы XIX–XX вв. характеризуется многообразием таких смеховых форм [1], в которых можно увидеть процесс, определенный В. Е. Гусевым как движение от обряда к народному театру [2]. В одних случаях это смеховое театрально-игровое начало присутствует только локально, появляясь лишь в определенной фазе обряда, как, например, в обряде посещения молодой/молодыми водного источника [3]. В других, как, например, в обрядовом действии «Ярку искать» [4], оно полностью охватывает его, определяя облик участников, их действия, исполняемые ими словесные и словесно-музыкальные тексты, что позволяет квалифицировать это действие как явление народного театра.

Происхождение и развитие этих и других смеховых форм в послесвадебной обрядности, взаимодействие в них ритуально-мифологической семантики и театрально-игровой стихии – сложная и пока еще далекая от решения научная проблема. Особый интерес в этом отношении представляет обрядовое действие, для номинации

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда – проект № 13-04-00254

© Матлин М. Г., 2014

которого исследователями, а иногда и носителями традиции используется лексема *игра*, в частности игра в «покойника».

Игра в «покойника» представляет собой небольшую сценку, разыгрываемую на второй день свадьбы. Она может входить в качестве своеобразной интермеди в состав действия «Поиски обрядового животного», но может разыгрываться как самостоятельное и отдельное представление. Учитывая особую значимость «пространственной структуры обряда» (М- и F-локусы) [5], можно выделить три основные версии игры в зависимости от места разыгрывания сценки.

I. Дом жениха

«А примерно, от невесты идут к жениху, видь спирьва, ищут молодку-ту, а тут покойник. “Какая у нас молодка? Какие нам пиры? У нас покойник, а вы молодку искать сюды идёти!” Вот так чудили» [01.2005; с. Потьма, Карсунский район, Ул.; Замошникова М. Д., 1929 г. р.; зап. Слепцова И. С.].

II. Дом невесты

«На второй день жениха и невесту прятали. Их искали ряженые: цыганка, врач, прокурор, пастух. В доме невесты имитируют покойника. “Покойник” ложится на лавку, а врач пытается его оживить. “Покойник” не должен говорить, двигаться, и только после того, как ему нальют рюмочку, он оживает. Как “оживают покойника”, идут искать ярку» [5.07.1993; с. Садовое, Новоспасский район, Ул.; Белова К. И., 1912 г. р.; зап. Плют И.].

III. На улице во время перехода от дома жениха к дому невесты

«У нас один был старик, он все время “умирал” на свадьбе. Вот сделают доски, привяжут носилки, понесут покойника. Кто вопит, кто чёво...<...> Ну, ляжет и всё. Ташат по всему селу с полотенцами, доску широкую найдут, доску положат на полотенец и нянут. Кто-нибудь сзади, озорник, какая-нибудь баба-шутница идёт вопит. Вино будут лить в рот – он вскочит. Свадьба есть свадьба. Принесут туды с покойником. “Умер вот на свадьбе”» [10.07.2001; с. Новиковка, Старомайнский район, Ул.; Аристова В. Я., 1937 г. р.].

Внутри каждой версии, в свою очередь, существуют варианты игры в зависимости от завершения сценки. Во-первых, она может завершаться «воскресением» покойника в результате целенаправленных действий одного из персонажей, во-вторых, покойник может «оживать» сам, и, в-третьих, ни «воскресения», ни «оживания» не происходит.

А. «“Покойник” ляжет на лавку. Врач ему укол делает. Когда входит беседа (гости, которые идут в дом невесты), родители невесты говорят: “Беда на нас. Упокойник”. Ему “укол делают”, натира-

ют, лечат. Он вскакивает и начинает плясать» [13.07.1979 г.; с. Пятино, Инзенский район, Ул.; Гнедова Л. М., род. в с. Валгуссы Инзенского района, 1913 г. р.; зап. Чередникова М. П.].

В. «[Разыгрывали ли сценку с покойником?]. Ложился кто-нибудь на лавку, как мёртвый. Все вупят, вупят. А потом встаёт – ожил. И все чудить начинают, веселиться» [4.07.2008; р. п. Чердаклы, Чердаклинский район, Ул.; Епишина А. Н., 1933 г. р.; зап. Екачева Е. П.].

С. «И иногда в доме невесты устраивали игру в “покойника”. После того как отгуляют у жениха, все родственники идут в дом невесты. А в это время в доме невесты, где уже накрыты столы к свадебному пиру, какого-нибудь человека кладут на стол как “покойника”. Закрывают его ватолой, а всем тем, кто идет к ним в дом на свадьбу, говорят родственники невесты, что у них траур – покойник, что нужно идти потише. В дом не впускают. В доме дым, так как один из родственников как поп ходит с кадилой вокруг “покойника”. Плачут. В дом входят двое или несколько мужчин со стороны жениха, берут “покойника”, выносят его из дома. Только теперь свадьба снова продолжается» [20.02.1978 г.; с. Потьма, Карсунский район, Ул.; Козлова З. И.; зап. Туганова В.].

В некоторых записях информант не указывает, в каком доме разыгрывается сценка, потому что и для него, и для собирателя это ясно из контекста разговора. «Играли в покойника. Идёт беседа, а какой-нибудь мужчина ляжет на передней лавке, накроют его холстом, а около него плачущие сидят. Или врач придет, разденет больного, укол ему делает» [12.07.1979; с. Аксай, Инзенский район, Ул.; Томилина Е. В., 1909 г. р.; зап. Чередникова М. П.]. В данном случае лексема «беседа», обозначающая в этом селе гостей со стороны жениха, делает понятным, что в «покойника» играли в доме невесты.

Вариативна была и центральная часть сценки – она могла включать в себя пародийные отпевание и лечение, только отпевание или только лечение.

Лечение и отпевание. «[Разыгрывали ли сценку с покойником?]. Да! Вот к некоторым в избу заходишь – там лежит “покойник”. Рядом сидят бабы вопят – или же мама, или же папа умер. Ну, кто умеет, – причитывает, а кто не умеет – так плачут. <...> Вот который терпеливый “покойник” – чего хочешь делай! Мы и колем его, и таблетки даем – даже не пошевелится. Ну а кто не может – тот и не ляжет! Там засмеешься – и тут же вскочишь» [2.07.2008; с. Ружеевцино, Сурский район, Ул.; Андреева Р. П., 1938 г. р.; зап. Новикова В. В.].

Только лечение. «Ряженым подносят самогонки. Они сначала отказываются, говорят: “Само-

гонкой не откупитесь, старуха-то вон у нас умирает!” – “А мы и ей лекарства дадим”. Разливают старухе самогонку. Она оживает, начинает плясать» [10.07.1981; с. Барышская Слобода, Сурский район, Ул.; Шмакова Н. Г., 1903 г. р.; зап. Симонова С., Борисова С.].

Только отпевание. «Второй день ходили “репьем” наряженные (репей, кудель вешали на себя). <...> Утром, в обед идут – в избе “покойник” – женщина или мужчина. Ряженые говорят: “У нас упокойник, а вы куда идет?” Начнут женщины плакать нарочно. Лапоть как кадило. Женщины встречают. У них гребень, веретено, донце. Встанут, обольют водой. Все смеются. Потом за стол садятся» [11.07.1980; с. Большая Борисовка, Инзенский район, Ул.; Ладонина Н. Т., 1912 г. р.; зап. Матлин М. Г.].

В некоторых вариантах особо выделяется сочетание плача и смеха, штовского отпевания и разнузданной пляски возле «покойника», которого, в конце концов, тоже включают в это безудержное веселье. «Ряженые заходят в избу жениха, лежит “покойник” – женщина или мужчина. На лавке лежит в своей одежде, в руках платочек. Возьмут кто какой лапоть. Помотают лапоть, перевяжут его, на лавку вешают перед покойником. Вокруг покойника все плачут. “У нас горе, у нас покойник. Зачем поёте да пляшете?” Ряженые поют, пляшут. Подымут покойника, начнут петь да плясать кто во что горазд» [07.1980; с. Малая Борисовка, Инзенский район, Ул.; Юдина А. Г., 1913 г. р.; зап. Симонова С. А.].

Чтобы остановить причитания, преодолеть препятствие, использовали универсальное средство – давали алкоголь. «Ряженым подносят самогонки. Они сначала отказываются, говорят: “Самогонкой не откупитесь, старуха-то вон у нас умирает!” – “А мы и ей лекарства дадим”. Разливают старухе самогонку. Она оживает, начинает плясать» [10.07.1981; с. Барышская Слобода, Сурский район, Ул.; Шмакова Н. Г., 1903 г. р.; зап. Симонова С., Борисова С.].

Различны были способы изображения «покойного», действия над ним, реакция участников сценки и зрителей.

Самый простой способ создания «покойника» – положить на лавку или стол мужчину или женщину и накрыть его/ее каким-либо белым материалом – простыней, ватолой и проч. «“Покойника” просто покрывали покрывалом или простыней» [04.07.2003; с. Ясашная Ташла, Теренгульский район, Ул.; Спирина А. С., 1929 г. р.; зап. Грунявина Ю. П.]; «Какого-нибудь человека кладут на стол, как покойника. Закрывают его ватолой» [20.02.1978; с. Потьма, Карсунский район, Ул.; Козлова З. И.; зап. Туганова В.].

Однако могли и более полно имитировать традиционную одежду, в которую обряжали умер-

шего, – надевали лапти, белую холщовую рубашку, в руки давали свечку. «Ну как, нарядют его, конечно, в чистенькое, чистеньким он там лежит. Ну, кто для шуток лапти наденут на него, кто там, может быть, ну, раньше холщовые рубашки были, у кого, может, сохранились, наденут на него кто-нибудь» [7.07.2001; р. п. Новоспасское, Новоспасский район, Ул.; Новикова К. И., 1929 г. р.; зап. Аминова А. Р.]. «А его наряжали даже в белое, одевали белые тапочки» [13.07.1997; р. п. Николаевка, Николаевский район, Ул.; Жукова А. А., 1922 г. р.; зап. Тимошкина М. А.]. «Идем “ярку” искать, а они сделают – лежит “покойник” на скамейке у них, лежит, еще свечку держит, вот» [7.07.2001; р. п. Новоспасское, Новоспасский район, Ул.; Новикова К. И., 1929 г. р.; зап. Аминова А. Р.].

Среди действий, совершаемых над «покойником», были прежде всего разнообразные способы его «лечения»: «Мы и колем его, и таблетки даем» [2.07.2008; с. Ружеевщино, Сурский район, Ул.; Андреева Р. П., 1938 г. р.; зап. Новикова В. Б.], «только после того, как ему нальют рюмочку, он оживает» [5.07.1993; с. Садовое, Новоспасский район, Ул.; Белова К. И., 1912 г. р.; зап. Плют И.], «Ему “укол делают”, натирают, лечат» [13.07.1979 г.; с. Пятино Инзенского района Ул. обл., Гнедова Л. М., род. в с. Валгуссы Инзенского района, 1913 г. р.; зап. Чередникова М. П.], «Когда заканчивали игру, некоторые его опрыскивали, чтобы он оживился, смотря чем да как» [13.07.1997; р. п. Николаевка, Николаевский район, Ул.; Жукова А. А., 1922 г. р.; зап. Тимошкина М. А.].

Участники сценки, например «доктор», а, иногда и зрители, щекотали «покойника», снимали с него одежду. «Он [“покойник” – М. М. Г.] лежит, гости начинают его раздевать, начинают щекотать, штаны с него снимать» [07.1999; с. Ясашная Ташла, Теренгульский район, Ул.; Винокурова Е. Т., 1941 г. р.; зап. Андреева М. С.]; «Там шутки есть шутки, свадьба есть свадьба. Снимает с него брюки, если это мужчина, если женщина – поднимают, снимают с нее платье» [10.07.1997; с. Вешкайма, Вешкаймский район, Ул.; Кувшинникова Г. С., 1953 г. р.; зап. Матвеева М. А.].

От «покойника» же требовалось одно – не двигаться, не говорить, не смеяться. «“Покойник” не должен говорить, двигаться и только после того, как ему нальют рюмочку, он оживает» [5.07.1993; с. Садовое, Новоспасский район, Ул.; Белова К. И., 1912 г. р.; зап. Плют И.].

Отпевание, пародирующее церковное, совершалось в соответствии с народной смеховой традицией святочной, театральной – кто-либо наряжался попом, вместо кадила брали лапоть, а окропляли, взяв в руки веник. «Начнут женщины

плакать нарочно. Лапоть как кадило» [11.07.1980; с. Большая Борисовка, Инзенский район, Ул.; Ладонина Н. Т., 1912 г. р.; зап. Матлин М. Г.]. «В доме дым, так как один из родственник, как поп, ходит с кадилом вокруг покойника» [20.02.1978; с. Потьма, Карсунский район, Ул.; Козлова З. И.; зап. Туганова В.]. «Ходит женщина (сваха) и брызжет вокруг веником, намоченным в воде, так что гости не могут подойти к столу» [25.01.1995; с. Бекетовка, Сенгилеевский район, Ул.; Иванова З. П., 1930 г. р.; зап. Т. В.].

Причтания, исполняемые над «покойником», представляли собой по преимуществу импровизированные воплении или заплачки. «[Разыгравали ли сценку с покойником?]. Да! Вот к некоторым в избу заходишь – там лежит “покойник”. Рядом сидят бабы волят – или же мама, или же папа умер. Ну, кто умеет, – причитывает, а кто не умеет – так плачут» [2.07.2008; с. Ружеевщино, Сурский район, Ул.: Андреева Р. П., 1938 г. р.; зап. Новикова В. В.]. «И кто-нибудь сидит и причитает: “Милый ты мой. Как я буду жить-то. Да что ты как рано ушел?” С прибаутками там волит над ним там, плачет, жалеет. Второй подойдет, присоединиться. Тоже начинает: “Ты что оставил нас? Что ты нас покинул?” Всякие прибаутки начнут причитать» [7.07.2001; р. п. Новоспасское, Новоспасский район, Ул.; Новикова К. И., 1929 г. р.; зап. Аминова А. Р.].

Приведенные примеры показывают, что даже на ограниченной территории (Ульяновская область) данная традиция, во-первых, имела в XX в. достаточно большое распространение, охватывая северные, центральные и южные районы (всего данная игра зафиксирована в 28 селах 14 районов), а во-вторых, обладала богатой и развитой театрально-игровой выразительностью.

Зафиксирована эта традиция и в других регионах России. В частности, как указывала Н. Н. Гилярова, она весьма распространена в Пензенской области [6]. В сводной таблице, приведенной в статье, отмечено два варианта мест разыгрывания игры – на улице и в доме при абсолютном преобладании дома. Немногочисленны были и плачи – зафиксированы только в двух селах [7]. О длительности существования этой традиции на данной территории говорит публикация описания игры в «покойника» в «Живой старине» (1905 г.) [8].

Записана эта игра и в Нижегородской области [9]. Отмечено ее существование в свадебной традиции Рязанской области [10; 11]. Упоминает об «игре в покойника» на территории Севского района Брянской области О. А. Славянинова [12]. О существовании данной традиции в Тамбовской губернии свидетельствует публикация в «Тамбовских губернских ведомостях» [13]. Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан указывали, что она присут-

ствовала также в Курской, Орловской, Воронежской губерниях [14].

При анализе этой свадебной игры принципиально важно учитывать, что она существовала не как отдельное и уникальное явление, а как один из вариантов игры этого типа в обширном и разнообразном контексте традиционной культуры, входя в похоронно-поминальную и календарную обрядность, в игры и развлечения детей, молодежи, взрослых мужчин и женщин, т. е. в различного рода смеховые действия с покойником, около покойника и собственно игры в покойника.

Особо популярна эта игра была в святочной обрядности. «“Каранили” мы и “винчали”. Ка(г)-да куклу клали, а ка(г)да проста так чылавек лягит вот на скамейку, и вот “каранили” яво. Атпявали. Да, куклу из саломы делали. Ну мала, мы эта, мала, куклу-ти... Вот проста, такая у нас была свая ахотливая дивчонка, и ана, как ей скажиши, ана: “Давайти, я лягу!” Вот и лягит и всё. И вот лижит и надсмишают иё и всё, и анна ни-ка(г)да ни засмиецца, лижит как будта ей... Атпявали. Вот всё: “У пап была каза серая” – эта пели. Да. Я вот, как “поп”. Адияла на сибя вот накину, вот булавкой застягну, а в руки смётак или лапать. И вот хажу, кадю. Эт(а) мая работа была. Я всё гаварю, миня за эта Гасподь наказыва(а)т. Как, биши, иё начынают-та?

У папа была каза серая,
И павадилась к падмарю на проса хадить.
А падмарь-ат иё падкараулил убил
И павесил иё над паповыми варотами.
А поп-ат выходит Богу молицца,
Слава тибе, казляти на распятия,
Куда тибя черти запятили?
У нас благачинный был сирдитай,
Давайте на няво асердимся,
Ни пайдём ни к абедни, ни к заутрини,
Штобы он нам паставил бочку зелена вина,
И павесил кавши-ти медныя,
А мы падайдём да выпим
И пайдём мы ат папа-та пьяныя
И запаём мы:
Паласа ты наша, палосынька,
Ни пахына, ни барновына,
Зарасла ты наша палосынька
Ельничкам да бирезничкам,
Да ишо горьким асинничкам.
Тут и шла, прашла каза Симионавна...» [15]

«Шуточная имитация похорон, – как отмечают исследователи, – была одним из развлечений молодежи в келье. Обычно так развлекались девушки в отсутствии парней. В шутовской форме они разыгрывали оплакивание и отпевание покойника» [16]. Эту игру девушки также могли разыгрывать в кельях и на другие праздники [17].

Помимо святочной традиции игра в «покойника» на территории Ульяновской области, как

и во многих других областях России, совершалась и в иные календарные сроки. Могла исполняться она и в будни. И. С. Слепцова и М. П. Чедреникова в статье «В покойника играть» [18], опираясь на богатый материал, собранный в Ульяновском Присурье, указывают, что ею «развлекались во время перерыва в работе, когда уходили в поля на весь день полоть, косить или жать», ибо эта ситуация, «когда собирались много хорошо знакомых между собой людей, сама провоцировала устройство разнообразных забав и развлечений» [19]. Инициаторами игры «выступали женщины или девушки, которые имели репутацию «чудаков» и которые были зачинщиками и других подобных игровых акций. Часто при этом разыгрывали сценки, имитирующие и пародирующие настоящие похороны с убирианием и оплакиванием покойного, его отпеванием, которое проводилось «попом» и т. п. <...> Формулы отпевания имели, как правило, фарсовый характер» [20]. Как и в святочной игре «в некоторых селах в конце игрового действия «покойник» вскакивал и гонялся за участниками представления, стараясь поймать их» [21]. В с. Кадышево «кроме убириания и отпевания «покойника» его еще и несли на носилках хоронить на берег озера» [22]. Такие «похороны» могли разыгрываться и во время любого колхозного праздника [23].

Подобные формы озорства, подшучивания парней над девушками, взрослых над детьми были широко распространены и в другое время года. В отличие от святочных забав, которые имели более или менее постоянный характер и органично вписывались в обрядовую традицию, озорство и подшучивание часто имели спонтанный характер, порождались отдельными людьми, для которых смеховое поведение есть «особый стиль мышления и способ коммуникации» [24]. ««Покойником» [наряжалась] это лет шеснацать было, пятнадцать. Колоду вытащили, там мы у попа во дворе, я лёгла в эту, в колоду, цветами нарядили. Там сырени, сыренью уладили всё. У матери холсты утащила, вынисли. А женщины сидели напротив: «Да батюшки!» – Со двора-то [побежали]. – «Покойник!» Кинулись! «А ба! Да ты што!» Наряжалась...» [25]

Имитацию похорон с последующим воскрешением «покойника» являли собой также некоторые детские игры, представлявшие собою такое же традиционное игровое освоение похоронной традиции, какой была и игра в свадьбу [26, с. 240].

Все, кто так или иначе обращался к анализу святочной игры в покойника, отмечали ее близость к таким игровым и хороводным песням весеннего цикла, как «Кострома», «Дударь» и другие [27; 28], народной драме «Маврух» [29], сценке похорон в кукольном театре Петрушки [30].

К приведенным примерам можно добавить и несомненную связь одного из персонажей свадебной игры в «покойника» – врача – с традиционным образом лекаря в народном театральном искусстве. Так, в его монологе-выходе в театре «Петрушка» звучат слова, прямо отсылающие к свадебной игре: «Я доктор-лекарь, с-под Каменного моста аптекарь, мертвых вылечаю (выделено мною. – М. М.), здоровых на тот свет отправляю» [31].

В похоронно-поминальной традиции восточных, западных и южных славян также существовали игровые действия, близкие святочной игре в «покойника», на что обратил внимание В. Е. Гусев [32]. На Западной Украине они были живой традицией еще в начале XX в.

Е. Е. Левкиевская в словаре «Славянские древности» в статье «Игры при покойнике» отмечает, что это – «элемент з.-укр. похоронного обряда, приуроченный к первой или второй ночи после кончины, реже – после погребения, когда родственники и соседи устраивают посиделки в доме, где лежит покойник» [33]. Она выделяет четыре типа таких игр: «игры с покойником, основой которых служит символическое «бужение», «оживание»; игры, имитирующие отпевание и похоронный обряд; эротические игры, имитирующие половой акт; «состязательные» игры, соревнования в ловкости, быстроте и смекалке» [34]. Соответствия как со святочными, так и свадебными играми в «покойника» имеют только первые два типа. В играх первого типа «умершего тянут за ноги, приглашая подняться, хватают за волосы и просят догадаться, кто это сделал, щекочут в носу соломинкой или веткой, чтобы заставить рассмеяться» [35]. В играх, которые имитируют похоронный обряд, «роль покойника исполняется кем-нибудь из участников посиделок. Его кладут на лавку, накрывают полотном. Другой парень переодевается в женское платье и начинает причитать, изображая жену «покойного». Третий участник игр наряжается священником – ему надевают на голову красный колпак, из фартука делают облачение, а спину украшают крестом из газеты или картофельных очисток. «Священник» берет в руки башмак, кожаный лапоть или горшок на веревке с тлеющей ветошью и пародирует отпевание. <...> В это время двое парней пытаются сбросить «покойника» на пол. Он увертывается от них и убегает» [36].

Об этой же западно-украинской традиции пишет в своей книге «Заклятие смехом: Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян» С. К. Лашенко, приводя многочисленные примеры различных игр при покойнике, с покойником и давая им свое, весьма оригинальное истолкование [37]. Обращается к этой

традиции и О. А. Седакова в монографии «Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян». В подобных играх в погребальном обряде, распространенных «на территории Западной Украины, в Карпатах», известных также словакам, сербам, она видит «реликт архаического драматического действия», который составляет «отдельную сцену в обряде» и при помощи которого «чисто драматическими средствами выражаются общие для всей обрядовой реальности семантические мотивы, темы содержательного уровня» [38].

Из приведенных примеров видно, что данная свадебная игра в «покойнике» есть часть большой, весьма разнообразной и многообразной традиции, активно существовавшей в XIX–XX вв. В похоронной и календарной обрядности, играх и развлечениях людей разных возрастов присутствовал один и тот же комплекс действий, который может быть определен как игра в «покойника», представлявшая собой смеховое, доходящее до фарса инсценирование одного из этапов похоронного ритуала, включающего в себя элементы церковного обряда (отпевание священником) или ограничивающееся внецерковной похоронной традицией (исполнение притчаний). Развитие ее в рамках русской традиционной свадьбы, возникновение инноваций происходили не только в контексте эволюции традиционной свадьбы в XX в., но и в процессе общего изменения единого празднично-обрядового пространства села, в котором одни и те же жители были то зрителями, то участниками, то организаторами самых различных обрядов, праздников, игр, в которых, как было показано выше, одной из любимых долгое время оставалась игра в «покойника».

Примечания

1. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: «Индрис», 2012. С. 537–543.

2. Гусев В. Е. От обряда к народному театру: (эволюция святочных игр в покойнике) // Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1974. С. 49–59.

3. Матлин М. Г. Структура и семантика обряда послесвадебного цикла – посещения молодой/молодыми водного источника // Научный диалог. Вып. № 6(18). 2013. История. Социология. Этнография. Екатеринбург, 2013. С. 88–110.

4. Матлин М. Г. Ярку искать // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь. Т. 2. М–Я / кол. авт. И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Аппатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Сафонов, М. П. Чередникова и др. М.: «Индрис», 2012. С. 631–645.

5. Байбурин А. К., Левинтон Г. А. К описанию организации пространства в восточно-славянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. Л.: Наука. ЛО, 1978. С. 89–90.

6. Гилярова Н. Н. Особенности свадебных традиций населения Пензенской области // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 41.

7. Там же. С. 46.

8. Астроб Н. Крестьянская свадьба в селе Загоскине Пензенского у.: (Бытовой очерк) // Живая статистика. 1905. Вып. III–IV. С. 455–456.

9. Нижегородская свадьба: Пушкинские места. Нижегородское Поволжье. Ветлужский край. Обряды, притчания, песни, приговоры / изд. подготовили М. А. Лобанов, К. Е. Корепова, А. Ф. Некрылова. СПб.: КультИнформПресс, 1998. С. 183–184.

10. Самоделова Е. Д. Рязанская свадьба: исследование обрядового фольклора. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 1993. С. 297.

11. Русская традиционная культура первой половины XX века: шацкий этнодиалектный словарь / авт.-сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Н. Н. Гилярова, Л. Н. Чижикова. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 2001. С. 127.

12. Старинная севская свадьба / записи и свод О. А. Славяниной; подгот. текстов к печати и ред. Ф. М. Селиванова. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 110.

13. Неч Н. Свадебные обычаи в Хворостянке Усманского уезда // Тамбовские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1889. № 55. 25 мая. С. 2.

14. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: учеб. для высш. учеб. завед. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 95.

15. Чередникова М. П. Наряженными ходить // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь. Т. 2. М–Я. С. 117.

16. Слепцова И. С., Чередникова М. П. В покойника играть // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь. Т. 1. А–Л. С. 238.

17. Чередникова М. П. Указ. соч. С. 118.

18. Слепцова И. С., Чередникова М. П. Указ. соч. С. 235–240.

19. Там же. С. 235.

20. Там же. С. 235–236.

21. Там же. С. 236.

22. Там же. С. 237.

23. Там же. С. 237.

24. Морозов И. А., Слепцова И. С. Игра: образ мышления. Стиль поведения. Конструирование реальности // Личность: игра и реальность / сост. И. А. Морозов, И. С. Кызласова (Слепцова); отв. ред. М. Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 11.

25. Слепцова И. С. Пугать // Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь. Т. 2. М–Я. С. 428.

26. Чередникова М. П., Слепцова И. С. Указ. соч. С. 240.

27. Морозов И. А. Женитьба добра-молодца: происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы»/«женитьбы». М.: Государственный республиканский центр русского фольклора; Лабиринт, 1998. С. 240.

28. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (опыт историко-этнографического исследования). СПб.: Терра Азбука, 1995. С. 98.

29. Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв.: очерки по истории народных верований. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 205.

30. Гусев В. Е. Указ. соч. С. 55, 57–58.
31. Фольклорный театр / сост., вступ. ст., предисл. к текстам и comment. А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной. М.: Современник, 1988. С. 290.
32. Гусев В. Е. Указ. соч. С. 53–56.
33. Левкиевская Е. Е. Игры при покойнике // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д–К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 386.
34. Там же. С. 386.
35. Там же. С. 386.
36. Там же. С. 386–387.
37. Лещенко С. К. Заклятие смехом: опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян. М.: Ладомир, 2006. С. 17–104.
38. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: «Индрик», 2004. С. 98.

УДК 811.111'373

Е. Г. Никулина

УЧАСТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ФОРМИРОВАНИИ АФФЕКТИВНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР

В статье рассматриваются особенности эмоционально-оценочных прилагательных в их способности передавать высокоэмоциональные состояния субъекта диалогической речи.

In the article the characteristics of emotional-evaluative adjectives in their ability to convey highly emotional states of the subject are viewed.

Ключевые слова: субъективная оценка, субъективно-оценочное значение, диалогическая речь, высокоэмоциональные прилагательные, синонимическое поле, интенсифицирующая функция.

Keywords: subjective evaluation, subjectively evaluative meaning, dialogical speech, highly emotional adjectives, synonym field, intensifying function.

При рассмотрении особенностей оценочных характеристик разных частей речи можно проследить, что довольно часто оценка соотносится с именем прилагательным. В ситуациях аффекта прилагательные способны получать субъективно-оценочные значения. Эти значения развиваются у них на фоне последующего упрочнения в них модального оттенка, то есть прилагательное переживает доминирование субъективно-оценочного значения над основным предметно-логическим значением. Семантика слова становится менее определенной. Одним словом, прилагательное становится приложимым к более широкому

кругу понятий. Значительная модальная нагруженность и неопределенные предметно-логические значения приближают высокоэмоциональные прилагательные в их собственных значениях к междометию, что проявляется в группе субъективно-оценочных прилагательных широкой семантики.

Возьмем в качестве примера такие прилагательные, как *wonderful, nice, horrible, terrible, awful, great* и др. Почти все из них уподобляются междометиям с позиции субъективно-эмоционального значения, которое они имеют в разном употреблении. В словарях часто отмечаются особые значения этих слов (кроме предметно-логических) и значения, называемые “*intensives*”, то есть «*усилители*». За этими словами признаются эмоционально-усилительные значения [1].

Значение качества, которым обладают прилагательные, обязательно связано с оценкой, а значит, и с эмоциональностью и экспрессивностью, если рассматриваются примеры высокоэмоциональных диалогических единств. Оценка как семантическое явление редко получает должное внимание со стороны лингвистов, проводится в основном их функциональный анализ. Рассмотрение прилагательных субъективной оценки в ракурсе эмоционального состояния аффекта дает наиболее достоверную и качественную характеристику данных лексем как маркеров стрессовых, психически неустойчивых состояний.

Подобные прилагательные могут включать в себя физиологические, личностные характеристики лица, характеристики действий и поступков действующих лиц. Нами разделяется позиция Е. М. Вольф, известнейшего специалиста в области изучения семантики прилагательного и оценочных свойств имени прилагательного, оценки как функциональной деятельности языка. Выделяя семантические особенности имен прилагательных, она подчеркивает и другую характеристику этой части речи, а именно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций. Таким образом, в самой семантике прилагательных оказываются связанными семантический и прагматический планы высказываний, а у прилагательных взаимодействие этих двух аспектов отражается в их значениях [2].

Оценивающую функцию эмоциональных прилагательных можно проследить на следующих примерах: “*You fucking idiot Lindahl,*” Josef shouted. “*You absolute moron!* They spent it!” (Stock, 76). В данном примере выделенные прилагательные выполняют функцию оценивания, обозначивания умственных качеств собеседника. Джозеф невероятно зол на друга и обвиняет его в бездействии и потере финансов по глупости, поэтому экспрессивно-эмоциональная окраска этих прилагательных субъективной оценки дает воз-

можность читателю проследить психологический настрой говорящего и обоснованную серьезность его беспокойства.

Прилагательные имеют обширное синонимическое поле, то есть основное значение качества обогащается вторичными дифференциальными признаками, а именно качественно-оценочными оттенками субъективной оценки [3]. Именно обширное синонимическое поле и создает возможность варьирования оценочных нюансов значения в непосредственной оценочно-речевой квалификации факта или объекта действительности в устах субъекта оценки [4].

Все субъективно-оценочные прилагательные, встречаемые нами в эмоционально напряженных репликах, приобретают референта в виде существительного и встречаются лишь в сочетании с ним. Примеров можно привести довольно много: *dead hombre, fucking ham, stupid dude, crazy prick* и так далее. При этом стоит отметить, что не все прилагательные несут в себе мощный эмоциональный заряд. Например, такое прилагательное, как *little*, именно в сочетании с вульгарным существительным *son-of-a-bitch* и к тому же будучи произнесенным в состоянии сильного аффекта, принимает на себя некую экспрессивную дополняющую функцию. К подобным значениям можно отнести также следующие случаи: "You're an asshole, a *real asshole!!*" (Pike, 119); "For Chrissake!" Damion snarled, blasting his horn at a cyclist "Will you stop going on about that goddamn bomb like a *stupid old woman!*" (Follett, 177).

Говорящий каждый раз выражает свои чувства, привносит в реплику свое отношение к высказыванию, происходит невольная его оценка. Употребляя несколько прилагательных в речи героев, автор увеличивает эмоциональность, экспрессивность в предложении, что производит сильное эмоциональное воздействие на читателя.

Итак, прилагательные могут быть использованы в роли усилителей при интенсификации высказывания, здесь они функционально тождественны наречиям-интенсификаторам. Актуализация их усилительной функции связана со структурой ядерного компонента словосочетания: прилагательные выступают в качестве интенсификаторов при их сочетаниях с существительными-интенсивами (*crazy fool*).

Прилагательным-интенсификаторам свойственно варьирование диапазона сочетаемости. К тому же у усилительных прилагательных значение интенсивности осложнено качественной характеристикой. Нарушения сочетаемости достаточно редки и используются по большей части как определенные стилистические приемы.

Проведенный анализ лексико-семантических групп прилагательных, используемых в роли интенсификаторов в диалогах персонажей послед-

дних десятилетий, показывает, что значительную активность проявляют прилагательные, выражющие со стороны говорящего эмоциональную оценку людей и их поступков (*crazy, stupid, terrible, greedy, fucking, goddamn, damn, frigging*). Например: "Laura get your *stupid butt* out here now", he screamed (Segal, 106); "What happened to my car, answer me, you *stupid fool!* What happened to my car!!?" (Collins, 14). В обоих случаях прилагательные в сочетании с существительными дают не просто оценку, а эмоциональную оценку собеседникам. Героями движут такие сильнейшие эмоции, как злость и ненависть.

Данное положение чаще распространяется на диалогическую речь, произносимую в состоянии эмоционального аффекта, так как в подобных ситуациях дается именно характеристика действий, поступков или самого индивида. Необходимо напомнить, что интенсификаторы этой группы используются как при характеристике лиц, так и в качестве средств оценки других референтных сфер: событий, явлений, ситуаций, предметов. В процессе речевой деятельности коммуникантов устного спонтанного общения при создании и выражении смысла высказывания происходит превращение ментальной структуры намерения говорящего в языковую вербальную форму, которую слушающий сначала воспринимает, а затем она вызывает у него определенную реакцию.

Прилагательные-интенсификаторы с эмоционально-оценочным значением, обнаруженные нами в ходе работы над диалогическими репликами, произнесенными в состоянии эмоционального аффекта, в основном имеют нелитературное происхождение, то есть относятся к сленгизмам или вульгаризмам. Прилагательные, имеющие эмоциональную нагрузку, предложено поделить на собственно сленгизмы, вульгарные сленгизмы и общелитературные эмоционально-оценочные прилагательные.

В ходе анализа 20 англоязычных художественных произведений в диалогических аффективных структурах нами было обнаружено 149 прилагательных, относящихся к вышеупомянутым группам, в источниках начала XXI в. и 101 случай в художественных источниках последнего десятилетия XX в. Нужно заметить, что современные произведения имеют весомое пре-восходство в плане использования в составе аффективных диалогических реплик эмоционально окрашенных прилагательных. Мы полагаем, что причина этого в том, что речь героев, задействованных в процессе общения, а в особенности в стрессовых ситуациях, в последнее время стала более насыщенной и изобилующей разговорными словами, относящимися к сниженному пласту лексики. Это и результат влияния социума, и

появление языковых новообразований в процессе межличностной коммуникации, и общее снижение речевой культуры.

Следует отметить очень небольшое количество вульгарных сленгизмов в обоих временных промежутках. В литературе XX в. их обнаружено два, на современном этапе всего лишь один случай – в предложении “Dannis said, “They could’ve put him in prison, but you and some *asslicking* shyster got him off!” (Crais, 54). В данном случае прилагательное *asslicking* выполняет функцию определения темному дельцу, с которым, по словам говорящего, его собеседник предотвратил попадание его в тюрьму. Или “*Motherfucking fuck shit!*”, Josef yelled (Crowson, 117).

Из общего количества прилагательных, которые имеют в своем значении эмоциональную оценку и относятся к XXI в., на долю сленгизмов приходится 74 случая. Примерно столько же значений приходится на общелiterатурные эмоционально-оценочные прилагательные, имеющие грубую коннотацию, а именно 75. В следующем примере приведены два прилагательных-сленгизма. В обоих случаях они выполняют роль интенсификаторов, усиливая существительные, следующие за ними, и дают им экспрессивное описание: *Bumpy shook his head in sheer frustration*. “Who in hell am I supposed to ask for the assistant manager? How do you collect from a *goddamn octopus*? That won’t show you his *fuckin’ head*?” (Collins, 147).

Если говорить об общелiterатурных значениях, то примером может послужить следующая ситуация: “You *greedy bitch!* I’ll tell you what? you might not live to see a dime!” (Ellison, 78). Прилагательное *greedy* имеет словарное значение “жадный”, “скупой”, именно в этом значении оно выступает в контексте данного высказывания. В сочетании со сленгизмом *bitch* (негодяй) данное прилагательное выполняет функцию эмоциональной оценки. (Говорящий (Джимми) недоволен жадностью и прижимистостью своего приятеля. Эти качества проявились в ходе недавно сложившейся ситуации, и ее последствия заставили Джимми выразить свое мнение, передать все негативные эмоции, переполняющие его на тот момент.) Прилагательное усиливает последующее существительное и является его интенсификатором.

Сюда же можно отнести пример из произведения Р. С. Cast and Kristin Cast “Marked”: “You *greedy bitch!* I’ll tell you what – you just don’t care a dime!” Молодой человек, с которым встречалась наркоманка Зои, в очередной раз разочаровалась в подруге и обнаружив ее в незнакомой компании с наркотиками, начинает кричать и обвинять ее в бессердечности и неуважении к нему как личности, используя при этом в своей

реплике фразеологизм и прилагательное *greedy*, относящееся к общелiterатурному пласту лексики, но получившему яркое коннотативное значение в структурной паре с именем существительным, являющимся сленгизмом.

Источники конца прошлого века также весьма богаты на прилагательные. Но их количество значительно уступает источникам начала нашего века. По нашим подсчетам, на них приходится 101 случай. Два из них относятся к прилагательным-вульгаризмам, о чем мы упоминали ранее, остальные случаи распределены между прилагательными-сленгизмами и общелiterатурными вариантами.

При этом число сленгизмов больше, чем число литературных прилагательных, то есть признанных в качестве литературной нормы. На первые приходится 59 примеров, на вторые – 40. Рассмотрим примеры: “You want to know what’s goin’ on Laura?! Every *damn* person in this town knows you slept with another man and had this baby!! And I’m the big dummy who married you...” he shouted getting red in face (Hopkins, 204). Муж Лауры, постоянно подозревающий ее в изменах и не воспринимающий своего ребенка как родного, в очередной раз в порыве гнева обвиняет жену в том, что весь город знает о ее непристойном поведении и чувствует себя обманутым и униженным. К тому же он высказывает о том, что жалеет, что в свое время женился на ней. Все эти отрицательные эмоции подкрепляются прилагательным-сленгизмом *damn* – «чертов». В данном примере наблюдается еще одно прилагательное, относящееся к общелiterатурным значениям, – *big* (*dummy*) – «большой (настоящий) глупец, болван». Это прилагательное также выступает в роли усилителя значения.

Или: “You are a *crazy fool!* You killed my wife and I promise you a life of curses!” Franklin screamed jamming the barrel of the rifle into his mouth with such force it broke his front teeth (см. там же). Прилагательное *crazy* относится к языковой норме. Обычно в словаре оно имеет значение «сумасшедший · шаткий · безумный · помешанный · сильно увлечённый · психованный · помешанный». В данном примере ему можно присвоить значение «сумасшедший» или «помешанный». Герой реплики зол на собеседника, он обвиняет его в убийстве жены и обещает ему невыносимую жизнь. Он в отчаянии, а то, как описывает его действия автор, свидетельствует о состоянии эмоционального аффекта, в котором пребывает отчаянный Френклайн. Выделенное прилагательное интенсифицирует значение существительного *fool* – «придурок, глупец» и сигнализирует об агрессивном душевном порыве в сторону реципиента.

Из полученных данных можно сделать вывод о том, что разговорная, нелитературная лек-

сики, выходящая за пределы языковой нормы, все чаще встречается в аффективных диалогических единствах конца XX в. Мы наблюдаем эффект вытеснения «образцов» литературной речи (несущих негативные значения) просторечиями, что четко прослеживается в произведениях отобранных нами авторов. Если сравнивать полученные данные с данными начала ХХI в., то можно отметить, что они заметно им уступают. Если в первом случае прилагательных-сленгизмов и общелитературных прилагательных примерно поровну (74 и 75 соответственно), то в ХХ в. наблюдается преобладание прилагательных-сленгизмов, к тому же в современном периоде можно проследить почти в два раза большее число прилагательных, не относящихся к нелитературному пласту лексики. Разница в количестве разговорных прилагательных, встречающихся в эмоционально напряженных диалогических репликах, довольно весомая. Это объясняется общей тенденцией к опросторечиванию и более частому использованию сниженной лексики на современном этапе. Возможно, речь человека последнего десятилетия стала наиболее образной, яркой, эмоциональной и склонной к появлению в ней все большее числа значений, выходящих за рамки литературного жанра.

Примечания

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. С. 117–118.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Комкнига, 2006. С. 8.
3. Мороховский А. Н. Стилистика английского языка: учеб. Киев, 1991. С. 78.
4. Прохорова О. Н., Чекурай И. В. Словарный и функциональный потенциал оценочных прилагательных в современном английском языке. Белгород: Белгородский государственный университет, 2008. Т. 1. Вып. 1. С. 35–36.

Художественные источники

- Dead Spy Running / John Stock. Great Britain: Blue Door, 2009. 373 р.
- Die softly / Christopher Pike. L.; Sydney; Auckland; Hodder & Stoughton, 1991. 206 р.
- Swift / James Follett. L.: Mandarin, 1991. 287 р.
- The class / Eric Segal. N. Y.; Toronto; L.: Bantam Books, 1991. 531 р.
- American Gangster / Max Allan Collins. N. Y.; A Tom Doherty Associates Book, 2007. 290 р.
- The scheme / James Ellison. N. Y., 1995. 318 р.
- The Real Enemies. Chasing darkness / Robert Crais. N. Y.: A Dell Book, 2004. 487 р.
- The Value of Life / Andy Crowson. Smashwords Edition, 2005. 224 р.
- Marked / P.C. Cast, Kristin Cast . N. Y.: St. Martin's Griffin, 2007. 306 р.
- Broken Promises / Sheila Marie Hopkins. L., 1994. 312 р.

УДК 821.111 ≈ 82-94

А. Д. Савенкова

ОБРАЗ РОССИИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА: К ПРОБЛЕМЕ АНГЛО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В статье рассматривается своеобразие текстового воплощения образа России в документальной прозе Г. Дж. Уэллса на примере произведения «Россия во мгле» в аспекте проблемы англо-русских культурных связей.

The article considers specificity of textual realization of the image of Russia in Herbert George Wells' nonfiction prose according to "Russia in the Shadows" in aspect of a problem of English-Russian cultural contacts.

Ключевые слова: образ России, документальная проза Г. Дж. Уэллса, «Россия во мгле», англо-русские культурные связи.

Keywords: image of Russia, Herbert George Wells' nonfiction prose, "Russia in the Shadows", English-Russian cultural contacts.

Понятийный аппарат теории кросс-культурной коммуникации, зародившейся в 1950-х гг. благодаря работам американского культуролога и антрополога Э. Т. Холла [1], в наше время все активнее используется и в исследованиях по сравнительному литературоведению. Представления о другой стране, сложившиеся в общественном и литературном сознании, меняются, трансформируются в результате более глубокого освоения образа жизни другой страны, в процессе развертывающегося диалога культур, литературных контактов, типологических связей и взаимодействий. Именно поэтому понятие кросс-культурной коммуникации важно для описания процесса погружения писателя в другую культурную среду, а не только сбора информации о стране извне, экспликации набора знаний и стереотипов о ней.

Огромную роль играют писатели, чьи произведения во многом способствуют формированию определенного образа «другого» – другой страны, другой культуры, других традиций, пропущенного через призму своих идейно-художественных предпочтений. К таким писателям, без сомнения, относится и Г. Дж. Уэллс (1866–1946), который, по его словам, всю свою жизнь пытался понять Россию [2].

На формирование образа России в документальной прозе Г. Дж. Уэллса, несомненно, повлияли его социально-политические взгляды. Считая себя «безбожником и мятежником», он был сторонником социализма, но не принимал марксизм

с его теорией неизбежности классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Г. Уэллс выдвинул собственную идею переустройства мира путём просвещения широких народных масс народа под руководством «интеллектуального меньшинства». Он мечтал о создании единого Мирового государства «без королей, границ и национализма» [3]. Увиденное им в России он неизбежно соотносил со своими политическими взглядами.

В 1920 г. писатель совершил поездку в Советскую Россию. Результатом поездки стала книга «Россия во мгле» (1920). Книга «Россия во мгле» содержит важный фактологический материал, а также безусловно влияет на последующее развитие кросс-культурных коммуникаций Англии и России.

Герберт Уэллс, приехав в Советскую Россию, к которой Запад в целом относился враждебно, был преисполнен намерений стать свидетелем глобальных социальных революционных перемен, собрать разрозненные подробности в целостную картину происходящих событий. Он неоднократно подчёркивает: «Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной и экономической системами рухнула и разбилась вдребезги под тяжким временем шести лет непрерывных войн» [4]. Все это ослабило страну, и теперь положение ее особое, исключительное.

В январе 1920 г. писатель посетил Петроград. Его потрясла увиденная картина «гибнущего», «угасающего» города. Великое творение Петра представляло собой жалкое зрелище: «Дворцы Петрограда безмолвны и пусты или же нелепо перегорожены фанерой и заставлены столами и пишущими машинками учреждений нового режима» (с. 324). Разруха полная: нехватка продовольствия, потому что магазины, «в которых шла оживленная торговля, <...> закрыты» (с. 325), трамваи переломаны, дороги разбиты, наступил страшный топливный кризис.

Но на фоне всеобщего хаоса Уэллс отмечает удивительную, на его взгляд, деталь – цветочные магазины. «Поразительно, что цветы до сих пор продаются и покупаются в этом городе, где большинство жителей почти умирают с голода и вряд ли у кого найдется второй костюм или смена изношенного и залатанного белья» (с. 325). Этот факт поражает и в то же время восхищает писателя: царствует голод, разруха, не хватает продуктов; а люди все равно ценят хрупкую красоту, хоть как-то согревающую душу и сердце.

Тотальная нехватка почти всех продуктов потребления, чёрный рынок, карточная система распределения вызывали необходимость скорейшего наведения порядка во всех сферах новой жизни. И это призвано сделать Временное правительство. Г. Уэллс отмечает, что это «единственное правительство, возможное в России в

настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что ее сплачивает» (с. 348).

Снова и снова автор возвращается к ужасающей картине петроградских улиц, быта: «магазины... имеют самый жалкий... вид. Краска облупилась, витрины облупились. <...> Это мертвые магазины» (с. 356). «Мертвые магазины» – метафора, но совсем не метафорична картина перерезанного трамваем ребенка... Таковы ужасающие реалии существующей действительности.

Анализируя русский национальный характер, Герберт Уэллс остро пишет о склонности к спорам и дискуссиям – как строить новую жизнь, к беспочвенным авантюрам, отсутствию дисциплины, непрактичности. Изучая русское крестьянство, он отмечает политическую пассивность, склонность к индивидуализму: «Крестьянство, бывшее основанием государственной пирамиды, осталось на своей земле и живет почти так же, как оно жило всегда, осталное все развалилось или разваливается»; «У крестьян сырый вид, и я сомневаюсь, чтобы им жилось много хуже, чем в 1914 году. Вероятно, им живется даже лучше. У них больше земли, чем раньше, и они избавились от помещиков. Они не примут участия в какой-либо попытке свергнуть советское правительство, так как уверены, что, пока оно у власти, теперешнее положение вещей сохранится... Иной раз они нападают на небольшие отряды красногвардейцев и жестоко расправляются с ними. ...Просто-напросто крестьяне стараются повольготнее устроиться при существующем режиме» (с. 354).

В противовес им Уэллс отмечает революционную сознательность пролетариата, его «честный фанатизм и почти религиозный революционный пыл»: «Большевики нашли единственный способ спасти городское население от тисков спекуляции и голодной смерти и, в отчаянной борьбе за остатки продовольствия и предметов первой необходимости, ввели пайковую систему и своего рода коллективный контроль» (с. 320).

Духовный подъём, энтузиазм масс, вдохновляемых объединяющей общенациональной идеей строительства нового мира, бросались писателю в глаза. Беспримерный патриотизм, уверенность в правильности выбранного пути восхищали Уэллса. Но это одна сторона медали. А другая... «Люди обносились, все они, и в Москве, и в Петрограде тащат с собой какие-то узлы. Когда... видишь лишь спешащих бедно одетых людей, которые тащат какую-то поклажу, создается впечатление, что все население бежит из города» (с. 321).

Очень важна в произведении Герберта Уэллса «Россия во мгле» тема созидания нового мира, строительство которого осуществляет «жизнере-

достный, здоровый человек». Огромное место поэтому отведено писателем теме литературы и искусства, теме просвещения, обязательному и необходимому даже в эти страшные дни.

Так, Герберт Уэллс очень тепло относился к Максиму Горькому, с которым он много общался во время своего пребывания в России. Он пишет, что Горький «занимает в России... особое... положение» (с. 345). Уэллсу очень импонирует, что во время увлечения его Россией Горький, в свою очередь, «страстно убежден в высокой ценности культуры Запада и в необходимости сохранить связь духовной жизни России с духовной жизнью остального мира в эти страшные годы войны» (с. 345). Неунывающий, целеустремленный, одержимый Горький увлечен идеей издания библиотеки всемирной литературы.

Уэллс ощущает правдивость высказывания Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Это проявляется, в частности, в рассуждениях о судьбе науки, культуры, в разработке темы «интеллигенция и революция».

Все в России было вовлечено в стихийную катастрофу, именуемую революцией. Но в круговороте ужасающего хаоса «наиболее устойчивым элементом русской культурной жизни оказался театр». Писатель отмечает, что «здания театров оставались на своем месте, и никто не грабил и не разрушал их» (с. 322). Уэллс с почтением говорит о том, что оперное искусство осталось незыблемым и невредимым. Артисты продолжают работать, несмотря на все лишения, и делают это с удивительным энтузиазмом и самоотверженностью. О Шаляпине писатель говорит, что тот, «несомненно, одно из самых удивительных явлений в России в настоящее время, < ... > он великолепен» (с. 332).

Восхищение Уэллса понятно русскому человеку, тем более импонирует его отношение к искусству русского народа, человеку иной нации, иного менталитета. Писатель пытается реально оценить вклад выдающихся людей России в создание новой культуры, нового искусства, способного помочь выжить и оценить важность прекрасного на пороге переломных событий.

Энтузиазм, патриотизм русских людей поистине безграниччен. Они готовы пожертвовать сном, покоем во благо развития науки, которая, несомненно, принесет пользу российскому и даже, наверное, мировому обществу. «Одним из самых моих необычных впечатлений в России была встреча с крупнейшими представителями русской науки, изнуренными заботой и лишениями» (с. 351).

Писатель, исследуя возможности русской науки, пытается понять, как этот народ, несмотря на все лишения, хаос, разрушения, сумел сохра-

нить самые главные ценности в литературе: умение понять и принять любовь к русской культуре и литературе; оценить влияние западной культуры и взаимопроникновение данных культур в художественную литературу и искусство.

Откровенно критичны высказывания Герберта Уэллса в адрес большевиков, которые вполне готовы отменить химию, если она не пролетарская, или оценить древнееврейский язык как реакционный. В России, как заметил Уэллс, можно видеть рядом «достойное восхищения и нелепое» (с. 351) – последнее было связано с издержками коммунистического режима, идеологическими запретами, бюрократическими проволочками и т. п. Сила молодой советской бюрократии, отмечает английский писатель, помешала его встрече с Луначарским.

При этом Уэллс стремился к налаживанию диалога. Этому не должно было помешать и то, что сам он был «не согласен с взглядами и методами большевиков» (с. 331). Мир должен стать иным, Лига Наций не должна допустить новых войн, Америка должна оказать экономическую помощь советской стране – в этом писатель видит будущее отношений между народами.

Нацеленность на перспективу, стремление уловить диалектику событий делает документальную прозу Уэллса близкой нам. В наши дни удивительно актуально звучат две «узловые проблемы», сформулированные Уэллсом в рамках «вечной темы» кросс-культурной коммуникации Запада и Востока: 1) русскому миру необходимо «построить на обломках прошлого новую Россию»; 2) западному миру нужно попытаться «прочесть письмена на восточной стене Европы» (с. 331).

В заключение отметим, что, согласно понятийному аппарату кросс-культурной коммуникации, Герберт Уэллс, безусловно, является межкультурно компетентной личностью. Прежде всего, это касается уровня профессионализма в сборе и обработке материала о чуждой культуре. Г. Дж. Уэллс совмещает панорамный взгляд на события, так сказать, «с высоты птичьего полета», с точной передачей впечатлений от встреч с индивидуальными представителями русского мира – политическими деятелями, писателями, учеными, простыми русскими людьми.

В документальной прозе Г. Дж. Уэллса органично сочетается насыщенный и широкий по охвату информативно-факторический материал и яркая оценочно-экспрессивная публицистичность в изображении «болевых точек» и свершений молодой Советской России. Наличие заранее сформированных социально-политических стереотипов при оценке происходящего отнюдь не мешает объективному, взвешенному и честному изложению материала, проникнутого симпа-

тией к русским людям и восхищением грандиозностью творимого ими социально-политического эксперимента.

Несмотря на то что многое в новой, Советской России Г. Дж. Уэллс, конечно же, не увидел, многое оценил довольно поверхностно или даже просто неверно, в известном смысле документальную прозу Г. Дж. Уэллса можно считать образцом подхода к интерпретации чуждой культуры с позиций теории кросс-культурной коммуникации.

Примечания

1. Hall E., Trager G. Culture as Communication: A Model and Analysis. N. Y., 1954.
2. Кагарлицкий Ю. И. Жизнь и мысль Герберта Джорджа Уэллса. М., 1965. С. 135.
3. Уэллс Г. Дж. Современная утопия // Уэллс Г. Дж. Собр. соч.: в 15 т. М., 1964. Т. 4. С. 84.
4. Здесь и далее текст книги «Россия во мгле» цитируется по изданию: Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Политиздат, 1958. С. 332. В дальнейшем после цитат указываются только страницы издания.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37(091)(470.342):377

В. Б. Помелов

КУКАРСКОЕ (СОВЕТСКОЕ) УЧИТЕЛЬСКОЕ УЧИЛИЩЕ – ПЕРВАЯ КУЗНИЦА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ВЯТСКОМ КРАЕ

*К 110-летию со времени основания
учебного заведения*

В статье показаны наиболее важные события в истории первого педагогического учебного заведения в Вятском регионе. Даётся краткая характеристика некоторых директоров.

The article depicts the most important events in the history of the first teachers training school in the Vyatka region. The brief characteristics of some of its directors are given.

Ключевые слова: Кукарское (Советское) педагогическое училище, подготовка учителей, индустриально-педагогический колледж, Г. М. Вишневский, А. Д. Сильницкий, А. Г. Бессонов, И. М. Дурнев, В. Г. Огородов.

Keywords: The Kukarka (Sovetskoje) Teachers Training School, the upbringing of teachers, industrial-and-teachers training college, G. M. Vischnevsky A. D. Silnitsky, A. G. Bessonov, I. M. Durnev, V. G. Ogorodov.

Советский индустриально-педагогический колледж – старейшее из ныне существующих профессиональных педагогических учебных заведений Кировской области. История этого учебного заведения представляет немалый интерес для исследователей и всех тех, кто неравнодушен к проблемам народного образования.

Необходимость открытия учительской семинарии в Вятской губернии к началу XX в. ощущалась очень явственно. Реформы 1860-х гг. в России пробудили могучие производительные силы, вызвали к жизни процесс роста промышленного и сельскохозяйственного производства. Однако дальнейшее экономическое и культурное развитие России тормозилось из-за несовершенства системы образования, нехватки квалифицированных специалистов, в том числе учителей.

Введение высших начальных училищ, земских школ и других типов школ резко обострило потребность в учительских кадрах. Поэтому уже с

1870-х гг. повсеместно в России стали открываться учительские институты и семинарии, однако этот процесс до поры до времени обходил Вятскую губернию стороной.

Наконец, по настоянию передовых земских деятелей (положительное решение Вятского губернского земского собрания было принято 24 января 1900 г.) и директоров народных училищ Вятской губернии Александра Алексеевича Красева и сменившего его в этой должности видного ученого-дидакта Андрея Ивановича Анастасиева в слободе Кукарке (ныне г. Советск) Яранского уезда **1 (14) июля 1903 г.** была открыта учительская семинария. (Примечательно, что ровно через 11 лет, день в день, будет открыт Вятский учительский институт.)

Невольно возникает вопрос: почему это учебное заведение было открыто именно в Кукарке, а не, например, в Слободском, Котельниче, Орлове или Глазове, которые в ту пору были достаточно крупными городами, не говоря уж о Вятке?

Нам представляется наиболее вероятным ответом на этот вопрос то, что устроители – земские деятели и дирекция народных училищ – учили завет великого русского педагога К. Д. Ушинского о том, что учительские семинарии желательно открывать не в городах, а в селах, подальше от мирской суеты и смуты и городских соблазнов, поближе к природе, народным истокам и сельским ребятишкам, ибо семинарии должны были готовить учителей главным образом из крестьян.

Первым директором семинарии (1903–1907) был назначен статский советник, кавалер орденов Анны II степени и Станислава II степени, известный российский методист Гурий Матвеевич Вишневский, сыскавший себе громкую славу в России своими многочисленными, издававшимися большими тиражами учебными пособиями для начальной школы, главным образом по математике, в частности «Записки по методике арифметики», которая использовалась как учебник в Кукарской семинарии.

Вишневский придерживался передовых взглядов в области просвещения, что, несомненно, отражалось на работе семинарии, особенно в преддверии первой русской революции. В первый год по конкурсу были приняты 40 учащихся. В дальнейшем семинария имела первый (подготовительный) класс и три основных класса. Таким образом, обучение продолжалось три или

четыре года в зависимости от изначальной готовности поступавших.

На учебу принимались только юноши всех сословий, в возрасте от 15 до 18 лет, окончившие полный курс двухклассных сельских или городских училищ. В учебный план учительской семинарии входили такие предметы, как Закон Божий, церковно-славянский язык, русский язык, педагогика, арифметика, геометрия, история, география, естествознание, физика, пение, чистописание, черчение, рисование. Этот план существовал без особых изменений до марта 1918 г. Семинария была укомплектована квалифицированными преподавателями, дававшими воспитанникам прочные знания, формировавшими материалистическое мировоззрение.

Среди них можно назвать В. С. Спиридонова, В. Н. Хлебникова, выпускника Санкт-Петербургской академии художеств. Он не только умел рисовать, но и стремился привить будущим учителям вкус к чтению произведений писателей-демократов.

Историк В. Н. Тарасов знакомил учащихся с внепрограммными трудами В. О. Ключевского. Кстати, позднее, в 1914–1917 гг., В. Н. Тарасов работал в Полтавском учительском институте, и среди его учеников был будущий великий педагог А. С. Макаренко. В дальнейшем В. Н. Тарасов преподавал в Калининском педагогическом институте.

Хорошими методистами были математик А. Н. Коридалин, географ П. И. Невский, словесник В. И. Мельников, ставшие впоследствии инспекторами народных училищ.

В Кукарской семинарии работали учителя-ульяновцы – бывшие воспитанники учительской школы, организованной при деятельном участии И. Н. Ульянова. Они были любимыми наставниками учащихся: преподаватель пения В. И. Колпаков, преподаватель гимнастики и ручного труда Г. Д. Космовский. Таким образом, приобщаясь к живительным идеям русской прогрессивной педагогики, юные учащиеся Кукарской учительской семинарии становились как бы духовными внуками выдающегося деятеля народного просвещения Ильи Николаевича Ульянова.

Для семинаристов организовывались дополнительные занятия по астрономии и современной литературе. Был осуществлен полный охват учащихся работой в классе ручного труда. Хорошо было поставлено пение. Все учащиеся с удовольствием занимались садоводством. На этой трудовой основе установилась образцовая дисциплина и высокая успеваемость воспитанников. Отношения между преподавателями и семинаристами характеризовались гуманностью и взаимным уважением.

Хорошо была поставлена педагогическая практика; ей уделялось первостепенное внимание.

Воспитанники систематически в течение всех лет обучения писали домашние сочинения по какому-либо предмету.

Первые три года семинария не имела собственного помещения и занятия проходили в арендованных помещениях. В 1904–1906 гг. шло строительство деревянного здания для преподавателей, служебных построек и кирпичного учебного корпуса, торжественное открытие которого состоялось 7 января 1907 г. В нем размещались также общежитие для казеннокоштных студентов и «образцовое» при семинарии училище, иными словами, школа, в которой семинаристы проходили практику. Это здание до сих пор служит по своему назначению. Семинария не имела водопровода, но несмотря на это здание со всеми бытовыми помещениями содержалось в чистоте и порядке.

Обучалось в семинарии свыше 160 человек, из которых примерно 60 жили в общежитии.

Первые годы семинария жила тихо, спокойно. Ученики по субботам и воскресеньям аккуратно ходили в церковь. После шести часов вечера они не смели показываться за пределами общежития, строго подчинялись батюшке и классным наставникам.

Первая русская революция 1905–1907 гг. внесла перемены во весь уклад жизни семинаристов. Начались собрания, митинги, возникло самоуправление. Появились много нелегальной политической литературы. Директор не только не преследовал учащихся за увлечение революционными идеями, но даже иногда защищал и укрывал их от нападок полиции.

Учащиеся отказались от обязательного посещения церкви, потребовали выписки газет и журналов, организовали социал-демократический кружок и сами стали выпускать нелегальные издания на гектографе. Но, когда революция пошла на убыль, в семинарии начались обыски, ужесточился режим. Семинариста Михеева арестовали и отдали в солдаты.

В 1907 г. семинария дала первый выпуск народных учителей – 38 учителей начальных классов, но не все они получили работу. Губернатор Горчаков за антиправительственные действия не утвердил в должности учителя выпускников Мельникова, Вологжанина, Моралева и некоторых других выпускников. Чиновники так отзывались о воспитанниках Кукарской семинарии: «Этот из учительской семинарии? Значит, социалист!»

Одну из главных причин такого положения власти усмотрели в либерализме директора. Поэтому в 1907 г. директором был назначен другой педагог – Александр Деомидович Сильницкий. Ему удалось направить энергию воспитанников в мирное русло.

По воспоминаниям воспитанников, он учил работать над собой упорно, для того, чтобы стать достойным звания народного учителя. Воспитанники семинарии, помимо семинарской библиотеки, доставали книги через библиотеку Кукарского образовательного общества; также пользовались фондами публичной библиотеки, где они читали журналы и брали произведения новых современных писателей.

Первое время выпускники-семинаристы не пользовались большим авторитетом у директоров школ. Принимали их не очень охотно на работу, так как их политическая репутация вызывала сомнения. Только когда в Вятке губернским директором народных училищ стал А. Д. Сильницкий, положение изменилось. Он предложил уездным инспекторам народных училищ в первую очередь на свободные места принимать выпускников семинарии.

Кроме того, будучи руководителем уездных курсов народных учителей, Сильницкий способствовал поднятию авторитета своих выпускников. Он приглашал их для проведения показательных уроков, на учительские курсы и съезды. Постепенно учителя убеждались в достаточно высоком уровне подготовки выпускников Кукарской учительской семинарии.

С осени 1909 г. по 6 марта 1918 г. директором семинарии был Александр Григорьевич Бессонов, получивший указание «подтянуть» семинаристов и преподавателей. Внешностью он напоминал старого николаевского унтера: грубый, седой старик, с коротко остриженными волосами и оловянными глазами, неряшливыми усами и небритым подбородком.

Этот период долгое время впоследствии называли «бессоновщиной». Снова были введены строгие порядки. Без письменного разрешения семинаристы не имели права отлучаться из общежития. Запрещались «вольные» прически; семинаристы должны были носить простые, без «мирской отделки» солдатские сапоги. Распорядок дня был таков, что к семи часам вечера семинаристы должны были находиться дома. Выполнялись все ритуалы, требуемые в условиях царизма. В актовом зале висели портреты во весь рост царя и царицы. Стоял иконостас с небольшой колокольней. Каждое утро здесь производили краткую обязательную молитву с «читкой» священника и пением гимна «Боже, царя храни!».

Но были и соблазны: только появившийся кинематограф, катание на коньках, встречи с гимназистками и т. д. Следили за режимом классные наставники, посещавшие студенческое жилье. Семинаристы не допускали непристойного поведения, и совершенно исключено было употребление спиртного. Кинематограф разрешалось посещать только в организованном порядке и в

дневное время. Такой «культпоход» совершался два-три раза в год, и только по усмотрению директора.

Выпускник семинарии 1917 г. Григорий Сергеевич Садовников вспоминал: «У директора было нетерпимое отношение к нашему общению с гимназистками. Он был женоненавистником. Мы же не понимали, что плохого в общении с девушками. Возможно, общение с девушками мешало нашим занятиям, но в то же время оно облагораживало нас. Мы старались в их глазах казаться умными и начитанными. В наших отношениях не было распущенности. Общение с ними приобщало нас к городскому быту. Мы были вхожи в зажиточные семьи. Разве все это было плохо для нас?! Директор же видел в этом нечто недопустимое.

На старших курсах мы жили на квартире, вчетвером, прямо напротив семинарии, то есть на глазах у директора. Хозяйкин сын – студент Санкт-Петербургского политехнического института и дочка, окончившая гимназию, работавшая учительницей в сельской школе, приезжали на каникулы домой. Конечно, приходила к ним молодежь. Это увидел директор и пришел в бешенство за то, что мы бываем в такой компании.

Поздно вечером прибежал к нам его слуга Григорий и сказал, чтобы мы немедленно шли к директору. Встреча была яростной, и он сказал, чтобы мы немедленно переезжали на другую квартиру, причем за городом. На другой день мы переехали на другую квартиру.

Были у нас с директором и крупные конфликты. Мы должны были посещать церковь в организованном порядке во главе с директором после явки в класс на перекличку. В один из воскресных дней, явившись в класс, мы, старшеклассники, решили покончить с таким порядком. Дружно, всем классом пошли в церковь без переклички. Вслед за нами прибежал в церковь и предложил вернуться обратно в класс. В случае неповинования и беспорядков он пригрозил вызовом полиции. Мы были вынуждены повиноваться...»

Однако директор семинарии вовсе не был бездумным сторонником муштры. Он любил учащихся, видел в них детей и как мог берег их от возможных соблазнов, от охранки и полицейских ищеек, которым был нужен лишь повод, чтобы подать рапорт на семинаристов и тем самым оправдать свое жалованье.

Смыслом его жизни, человека немолодого и несемейного, аскета по натуре, была семинария и те, кто в ней учился и работал. Показателен такой пример. Мест для всех в общежитии не хватало, и половину своей квартиры Бессонов отдавал учащимся. Размещалось в ней одновременно не менее пятнадцати человек. Каждого он обес-

печивал железной кроватью и матрацем, спальными принадлежностями. Специальная женщина кормила и обстирывала постояльцев, а платил за все это директор из собственного кармана.

Директор Бессонов вел занятия по педагогике, психологии и логике, руководил практическими занятиями семинаристов в «образцовой» школе.

Занятия по Закону Божию вел окончивший духовную академию священник Кедров. Г. С. Садовников вспоминал: «Кедров понимал, что мы далеко не религиозны, но мы были взаимно корректны. Он не читал нам проповеди о Христе, а мы, в свою очередь, не нарушали на его уроках дисциплину».

Как обязательный предмет учащиеся проходили теорию хорового пения и даже давали уроки пения в «образцовой» школе. Семинария имела хороший хор, выступавший вместе с женским гимназическим хором. Кукарская семинария была известна далеко за пределами Вятской губернии. В ней учились ребята из Вологодской, Пермской, Костромской, Казанской, Тамбовской и других губерний. Здесь учились представители многонационального трудового народа России – русские, марийцы, удмурты, коми, татары, башкиры и др.

Ежегодно принимали по 40–50 человек, конкурс был четыре человека на место. Зачисление производилось по результатам вступительных экзаменов: сочинение, математика и Закон Божий. Пятнадцать лучших (по баллам) абитуриентов зачислялись на казенное содержание: их одевали, кормили и предоставляли общежитие бесплатно.

Казенники обычно бывали выходцами из состоятельных семей и к вступительным экзаменам готовились с помощью репетиторов, но в дальнейшей учебе далеко не все из них отличались высокой успеваемостью. Вступительные экзамены держали в основном ребята сельских 2-классных училищ, но были и окончившие городские 7-летние училища.

Осенью учащиеся производили посадку деревьев. Саженцы брали в лесу. В результате был устроен красивый парк с клумбами.

В течение 1903–1917 гг. в семинарии было подготовлено 356 учителей начальных классов. Среди выпускников семинарии немало партийных и военных деятелей: Д. В. Крупин, А. И. Лобов, С. А. Алышов, организаторы народного образования П. С. Чухлин, Я. Н. Сушенцов, Н. А. Заровнянский, ученые М. О. Веселов, Ф. И. Карагин, М. И. Меркулов, П. А. Дрягин, А. И. Кондаков и др. Скажем несколько слов о некоторых из них. Так, Анатолий Иванович Кондаков в 1914 г. стал учащимся первого набора Вятского учительского института и, соответственно, был в

составе первых пятнадцати его выпускников в 1917 г. В дальнейшем он был видным деятелем народного образования, автором книги о И. Н. Ульянове, одним из основателей Академии педагогических наук РСФСР в 1843 г. Степан Акимович Алышов был первым политкомиссаром Вятского пединститута, входил с состав первой руководящей «тройки» (вместе с Н. А. Дерновым и Н. А. Желваковым), затем, как и Кондаков, работал в Москве в Наркомпросе РСФСР вместе с Н. К. Крупской. О Кондакове и Алышове достаточно много писал автор данного материала (см., например, Помелов В. Б. *Педагоги и психологи Вятского края. Киров, 1993*; Помелов В. Б. *История Вятского образования: XIV–XXI вв. Киров, 2013*).

Сын крестьянина Федор Иванович Карагин (1892–1957) стал известным библиотековедом. Он окончил Ярославский педагогический институт. В 1925–1930 гг. был председателем Костромского губернского библиотечного объединения. Написал ряд работ; среди них «Несколько слов о роли библиотек в деле ликвидации неграмотности» (1924), «Об изучении читательских интересов молодежи» (1925) и др. Составлял краеведческие библиографические указатели, использовал их при комплектовании библиотек. Активно участвовал в создании Московского библиотечного института, ныне Московского государственного университета культуры и искусств. В 1937–1947 гг. работал в Государственной научной библиотеке. Во время Великой Отечественной войны организовал эвакуацию наиболее ценных фондов главных библиотек страны. Один из соавторов первого учебника «Организация библиотечного дела в СССР».

Наступил 1917 г. Заместитель нового, первого советского руководителя училища И. М. Дурнева Иван Николаевич Пашин вспоминал о последних месяцах жизни при старом режиме: «Жизнь резко изменилась. Преобразованиякоснулись и учительской семинарии. Директор Бессонов пытался не замечать новых порядков вокруг, продолжал старую линию. Будучи монархистом, он уклонялся от введения нового распорядка. Учителя, настроенные агрессивно, принудили Бессонова 3 марта отказаться от занимаемой должности. В соответствии с распоряжением народного комиссара просвещения РСФСР был выбран председатель педагогического совета (институт директоров на некоторое время был устранен).

Первым председателем педагогического совета (фактически директором) был избран Иван Михайлович Дурнев, который возглавлял это учебное заведение с 1918 г. по 1930 г. Было отменено преподавание Закона Божия, а с ним ушли в прошлое и религиозное воспитание, и порядки,

связанные с ним. Было разрешено принимать на обучение девушки. В учебный план на 1918/1919 учебный год были включены политическая экономия, история общественных движений, французский и немецкий языки.

8 августа 1918 г. в Вятском губернском совете народного образования были проведены выборы преподавателей семинарии, так как новой власти нужно было освободить семинарию от враждебно настроенных к Советской власти. Называлось это мероприятие «освежением кадров».

Несколько подробней расскажем о И. М. Дурневе. Он жил в Советске почти сорок лет и оставил о себе добрую память. Родился 26 июня 1875 г. в г. Барнауле. Детство прошло в г. Енисейске, где родители работали на заводе: отец – поваром, мать – прачкой. В знак протеста против издевательств преподавателя Степанова Дурнев и ряд его товарищей покинули гимназию в выпускном классе.

С большим трудом в 20 лет ему удалось поступить в Томскую гимназию. Здесь он начинает участвовать в нелегальных кружках; состоялось его знакомство с такими марксистскими работами, как «Манифест коммунистической партии», «Капитал». Будучи студентом естественного факультета Санкт-Петербургского университета, И. М. Дурнев включается в активную революционную работу: участвует в сходках, становится членом марксистского кружка. Сначала он был рассыльным, разносил газеты и прокламации, пропагандистом. Одним из руководителей студенческого движения он стал в 1897 г. Его соратником был впоследствии известный партийный и государственный деятель Алексей Иванович Свидерский (1878–1933), член РСДРП с 1899 г., участник революции 1905–1907 гг., один из руководителей борьбы за установление советской власти в Уфе, редактор большевистской газеты «Вперед», после Октября зам. наркома земледелия, начальник Главискусства (1928–1929), полномочный представитель СССР в буржуазной Латвии.

...Революционный студенческий комитет выработал манифест, где выдвигались и политические требования, среди них – свержение самодержавия. Дурнев был задержан и до решения дела был выслан под надзор полиции в Томск в сентябре 1897 г. В ноябре 1899 г. согласно приговору его выслали в Вятскую губернию на четыре года. Здесь по распоряжению губернатора он был отправлен в г. Нолинск Вятской губернии.

Последний год ссылки он отбывал в Астрахани, затем жил в Тифлисе. В конце 1905 г. был арестован и заключен в тюрьму. В 1906 г. он восстановился в университете и через два года его окончил. В октябре 1908 г. по предложению начальника Казанского учебного округа он принял предложение стать руководителем Кукарской

семинарии. Здесь он преподавал физику и естествознание.

Воспитанники семинарии тех лет Дмитрий Михайлович Кугураков и Сергей Иванович Попцов вспоминали, что в Кукарке Дурнев вел себя скромно, революционных убеждений не высказывал. Был внимателен к учащимся. В обучении теорию всегда увязывал с практикой, часто задавал учащимся практические работы. Под его руководством были высажены саженцы в городском саду.

И. М. Дурнев избирался на все проходившие в те годы съезды по народному образованию делегатом от Вятской губернии. До последних дней жизни оставался деятельным человеком, живо интересовавшимся всем, что происходит в мире. Тяжело переживал И. М. Дурнев известие о гибели сына Евгения, выпускника школы № 2 1937 г., морского офицера, погибшего смертью храбрых при выполнении боевого задания в августе 1942 г. После этого И. М. Дурнев долго болел и скончался 24 декабря 1947 г.

Осенью 1918 г. слобода Кукарка была переименована в город Советск, и семинария стала именоваться Советской учительской семинарией. Летом 1919 г. она реорганизуется в постоянные трехгодичные педагогические курсы, а с 1 октября 1921 г. – в педагогический техникум. В 1930 г., одновременно с Вятским пединститутом, при Советском педагогическом техникуме открывается заочное отделение, а также вечерний педагогический техникум. В правительственном постановлении указывалось, что это мера вынужденная и вводится сроком на 5 лет для подготовки «красных» кадров.

До 1934 г. программа содержала избыточное количество учебных дисциплин, главным образом навеянных тогдашней политической идеологией; при этом отметки не ставились. На первый план нередко выходила «общественная работа» – участие в митингах и собраниях. На учебу порой отводилось в среднем два-три часа, а все остальное – агитация за колхоз, ликвидация неграмотности и т. п.

Любили учащиеся военизированные эстафеты, походы во главе с военруком В. С. Деньгиным. Активно занимались в военно-спортивных кружках, сдавая нормы БГТО («Будь готов к труду и обороне»), ГТО («Готов к труду и обороне»), на звание «Ворошиловский стрелок». Преподаватель музыки В. В. Соснин организовывал концертные выступления в честь многочисленных революционных праздников. Учащиеся выращивали рожь, овес, гречиху, пшеницу, клевер, картофель и овощи, содержали трех лошадей; в этом деле ими руководил агроном М. П. Кислицын.

В 1937 г. количество учащихся в стационаре училища достигло 480 человек, что не уступало

численности студентов Вятского пединститута. В тот же год Советский педагогический техникум был в очередной раз переименован в педагогическое училище и под таким названием существовал шесть десятилетий, по 2006 г.

К концу 30-х гг. Советское педучилище было самым передовым среди всех педучилищ области. Конкурс абитуриентов доходил до 7–8 человек на место. На фронтах Великой Отечественной войны погибли преподаватель истории И. Н. Кокорин, В. В. Соснин и др. Прославили училище его выпускники Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. И. Лобов, генерал-лейтенант Д. К. Мальков, полковник М. В. Онучин и другие.

С 1946 г. училище перешло на 4-летний срок обучения на базе семилетки, работало заочное отделение, на краткосрочных курсах готовили учителей-предметников. В 1949 г. была начата подготовка пионервожатых. Неоднократно проводилось всесоюзное распределение, и тогда выпускники уезжали на работу от Молдавии до Приморья.

Более сорока лет проработал в училище преподавателем рисования и естественных наук талантливый художник-пейзажист Сергей Александрович Вшивцев (23.04.1885–2.03.1965), оставивший неповторимый след в истории вятского образования, и в частности в истории Советского педучилища. Он родился в слободе Кукарке в семье служащего. 13-летним подростком отправился в Елабужское реальное училище, где с большим увлечением занимался рисованием. Затем учился в художественной школе в Казани. В 1916 г. С. А. Вшивцев вернулся в родные края, и с этого времени его жизнь тесно связана с преподавательской деятельностью и занятием живописью. Вшивцев преимущественно график, хотя ему принадлежит ряд прекрасных живописных пейзажей. Множеством благодарных откликов были встречены полотна С. А. Вшивцева на выставках в Кирове, Москве и Рязани. В 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР С. А. Вшивцеву было присвоено звание заслуженного деятеля искусств.

В 1950-е гг. в связи с массовым закрытием педучилищ в области к Советскому педучилищу был присоединен контингент, частично материальная база и педагогический персонал Шабалинского, Нолинского, Уржумского, Санчурского, Малмыжского и Яранского педучилищ. В 1967 г. было открыто отделение физической культуры. В 1994 г. – открытие современного спорткомплекса. В училище учились будущие известные спортсмены, например мастера спорта Вячеслав Муравьев и Людмила Косолапова. Лыжница Людмила Дулова (Баранова) входила в состав сборной СССР на Олимпиаде в Инсбруке

(1976 г.). Ольга Шуклина стала заслуженным мастером спорта СССР по борьбе самбо, чемпионкой мира и четырехкратной чемпионкой Европы. Михаил Сидоров стал чемпионом России по самбо среди инвалидов по слуху (2012).

В училище велась большая работа по развитию творческих способностей учащихся, по формированию культуры поведения. Драматический кружок, которым в разные годы руководили Клавдия Федоровна Красилова, Сергей Дмитриевич Семенов и Александра Павловна Чернышова, подготовил много замечательных спектаклей, с которыми выступал на сцене училища, в сельских клубах и в районном доме культуры. Эстетический клуб «Радуга» знакомил с музыкальной и художественной культурой не только учащихся училища, но и школьников города.

За годы своей работы колледж подготовил не одну тысячу специалистов. Среди них – ученые А. М. Титова (Калнберзина), С. Д. Антипин, А. И. Сапожников, общественные деятели В. П. Домрачев, А. Н. Стрельников, С. П. Мамаев, работник культуры Г. Е. Ефремов, скульптор М. М. Кошкин, хозяйствственные руководители А. Н. Смехова, Н. А. Малков, А. В. Глушков, В. А. Филатов и др. Например, Анна Михайловна Титова была ректором Даугавпилсского пединститута. Сергей Павловович Мамаев является депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Конечно, многие выпускники продолжали затем обучение в вузах, прежде всего в Кировском педагогическом институте, ныне ВятГГУ. На факультет физвоспитания выпускники Советского педучилища принимались на сокращенный срок обучения – сразу на третий курс. Это требовало согласования учебных планов.

В 1980-е гг. контингент насчитывал от 400 до 600 человек. Почти все выпускники получали дополнительную подготовку в одной из профессионально-образовательных областей: воспитатель группы продленного дня, математика, русский язык, организация досуга школьников, трудовое обучение и др.

Неизменной традицией деятельности преподавательского коллектива колледжа остается стремление преподавательского коллектива дать надежные, прочные профессиональные знания студентам. Предметно-цикловые комиссии (ПЦК) организуют студентов на участие в традиционных внеклассных мероприятиях по учебным дисциплинам: преподаватели ПЦК педагогики и психологии с 1993 г. проводят профессиональный конкурс «Выпускник года».

Сохраняют и постоянно вносят изменения в проведение литературных вечеров преподаватели ПЦК филологических дисциплин. Преподаватели естественных дисциплин ежегодно про-

водят выставку «Дары природы», которая собирает много посетителей и участниками которой становятся не только студенты, но и преподаватели.

Преподаватели иностранных языков и математики ежегодно организуют конкурсы по соответствующим дисциплинам. Большую работу по продолжению спортивных традиций колледжа проводят преподаватели отделения физической культуры: это спортивные соревнования в колледже, день здоровья и другие спортивные мероприятия.

Неизменной традицией вот уже в течение сорока с лишним лет является ежегодное проведение дружеских встреч с коллективом Оршанского педагогического колледжа по спортивных играм на переходящий кубок Н. Н. Шуварикова.

Студентам созданы условия для участия в традиционных районных и областных мероприятиях, в которых они могут не только показать «лицо» колледжа, но и проявить свою яркую индивидуальность, приобрести уверенность в своих силах.

Неоднократно колледж становился лауреатом и дипломантом областных смотров художественной самодеятельности и областных фестивалей спорта, КВН, конкурсов эстрадной песни и танца «Фортуна» и других.

В формировании традиций большое значение имеет стенная газета колледжа. Начиная со времен семинарии, в учебном заведении всегда выпускалась стенная газета. Она имела разный формат, разные названия, но предназначение ее сохранялось: это пропаганда приобретаемой профессии, развитие творческой инициативы, освещение жизни студентов.

С 1989 г. газета колледжа носит название «Голос», в ней подробно освещаются интересные события и традиционные мероприятия колледжа. Страница «Вдохновение», где печатались стихи студентов, преподавателей и сотрудников, стала родоначальницей новой традиции, – выпуск альманаха стихов (под руководством преподавателя Марины Ивановны Ахмеровой). Вышли в свет три номера таких сборников.

Определенную работу по сохранению традиций проводит музей истории учебного заведения. Здесь собраны и постоянно пополняются материалы о жизни и деятельности преподавателей колледжа, в летний период проводятся вечера встреч выпускников разных лет.

В 2007 г. музей колледжа стал лауреатом всероссийского конкурса на лучший экспонат по истории образования. (Зав. музеем колледжа – преподаватель педагогики и психологии Алевтина Арсентьевна Вылегжанина.)

Большой вклад в собирание материалов по истории колледжа внесла в 1970-е гг. Раиса Захаровна Осипова, в дальнейшем преподаватель Кировского пединститута, старший преподаватель кафедры управления школой.

Назовем поименно всех директоров учебного заведения: Петр Иванович Ердяков (1930–1932), Михаил Иванович Кардаков (1932–1937), Иван Петрович Жолобов (1937–1942, 1945–1950), Иван Иванович Шубин (1942–1945, 1953–1958), Василий Потапович Зверев (1951–1953), Вера Николаевна Завадская (1958–1960), Иван Григорьевич Елькин (1960–1975), Эмма Демьяновна Балезина (1975–1978), Валерий Николаевич Чистополов (1978–1987), Владимир Сергеевич Тихомиров (1987–1991), Александр Иванович Жданов (1991–2009), Вадим Германович Огородов (с 2009).

Директор колледжа В. Г. Огородов вошел в историю вятского образования еще в 1995 г.; будучи в то время учителем истории Сорвигжской средней школы Арбажского района, он стал победителем областного конкурса «Учитель года».

В 2003 г. училище отмечало столетний юбилей, в котором участвовало свыше тысячи гостей. Два дня для гостей были открыты все двери. Выставка в музее, встречи выпускников разных лет, торжественное заседание в районном Доме культуры, не вместившее всех желающих посетить это мероприятие, юбилейный «огонек» в спортивном зале – все это прошло в атмосфере сердечности, теплоты и радости от встреч с юностью.

С 1 января 2007 г. учебное заведение носит наименование «Государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования “Индустриально-педагогический колледж г. Советска”».

Примечания

1. Помелов В. Б. Советский индустриально-педагогический колледж – старейшая кузница педагогических кадров в Кировской области: социализация сельских школьников в условиях реформирования системы образования: современные тенденции и опыт: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Г. И. Симоновой. Киров, 2011. С. 66–73.

2. Помелов В. Б. История вятского образования: XIV–XXI вв.: монография. Киров, 2013.

УДК 37.017.4

C. V. Огородникова

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье обозначена проблема формирования гражданственности сельских школьников на основе музейной педагогики, представлен опыт музеиного-образовательного комплекса «Среднеивкино».

In this article is examined the problem of the formation of the civic duties by the country schoolchildren on the basis of the museum upbringing. Some experience of the museum and education complex "Sredneivkino" is presented here.

Ключевые слова: гражданственность, музейная педагогика, школьный музей, музейно-образовательный комплекс, сельский социум.

Keywords: the civic duties, the museum upbringing, the school museum, the museum and education complex, the country society.

Проблема гражданского образования имеет исторический характер.

В современных условиях реформирования российской школы, с учётом социального и государственного заказа она приобретает особое значение. Поскольку в понимании сущности гражданского образования немало разнотечений, в качестве исходной позиции считаем необходимым выделить определение, данное Н. И. Элиасберг: «Гражданское образование – это воспитание и обучение, ориентированные на формирование совокупности гражданских свойств личности» [1].

Ключевым гражданским свойством личности является гражданственность. В настоящее время в педагогической среде также нет единства в трактовке данного понятия. В «Педагогическом энциклопедическом словаре» гражданственность определяется как интегративное качество личности, позволяющее человеку ощущать себя юридически, нравственно, политически дееспособным. Среди основных элементов выделяются «нравственная и правовая культура, выражаяющаяся в чувстве собственного достоинства, внутренней свободе личности, дисциплинированности, в уважении и доверии к другим гражданам и к государственной власти, способности выполнять свои обязанности, гармоничном сочетании патриотических, национальных и интернациональных чувств» [2].

А. Н. Иоффе указывает на различные аспекты гражданственности:

1) противоположность аполитичности, пассивному отношению к происходящим в обществе процессам, позволяющая развиваться местному сообществу;

2) психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом политического сообщества;

3) комплекс умений и навыков, создающий базу для способности и готовности человека выступать в роли гражданина;

4) нравственное качество личности, определяющее сознательное и активное выполнение гражданских обязанностей и долга перед государством, обществом, народом;

5) патриотическое мировоззрение, приверженность интересам политического сообщества (чаще всего государства), готовность идти на жертвы ради этих интересов [3].

С. И. Гессен, исследовавший философские аспекты образования, понятие «гражданственность» поместил между двумя областями культуры: образованностью и цивилизацией. «Более “внутренняя”, чем цивилизация, гражданственность является всё же совокупностью тех внешних условий, при наличии которых только и может развиваться образованность» [4].

В Федеральном государственном образовательном стандарте нового поколения гражданственность определена как базовая национальная ценность, и это не случайно. Существует противоречие между уровнем гражданственности нынешнего российского общества и требованиями современного образования к личности школьника. Это противоречие проявляется и в условиях сельской школы, несмотря на то, что нравственный уровень сельских школьников всегда был выше по сравнению с их сверстниками из города. Причудливые методы воспитания чаще всего не срабатывают.

Необходимо иметь в виду дестабилизирующие факторы жизни современных сельских сообществ: кризисное состояние большинства сельхозпредприятий, высокий уровень безработицы, немалое количество социально неблагополучных семей, аморальный образ жизни определённой части сельского населения.

Теоретики и практики системы образования предлагают различные пути решения проблемы. В нашем понимании перспективным направлением является музейно-педагогическая деятельность.

Роль музейной педагогики в гражданском образовании России в настоящее время не раскрыта до конца, эта междисциплинарная наука для российского образования является сравнительно молодой отраслью.

Музейная педагогика – научная дисциплина, находящаяся на стыке музееведения, педагогики

и психологии, занимающаяся исследованием принципов, методов и форм реализации образовательной деятельности музея, ориентированная на передачу культурного опыта через педагогический процесс в условиях музейной среды.

В основе музейно-педагогического процесса лежат исторически сформировавшиеся принципы: 1) интерактивность, так как человек запоминает только то, что делает; 2) комплексность как включение всех каналов восприятия (чувственный, логико-аналитический, психомоторный); 3) программность, которая обеспечивает усвоение информации и приобретение умений на основе специально разработанных программ [5].

Специалисты музейного дела считают, что «использование музейной педагогики позволяет решать более мягко многие социальные и психологические проблемы, повышает возможности образовательного процесса. Качественно новый уровень сотрудничества музея с образовательной системой позволяет музеям усиливать свои позиции как самостоятельному педагогическому центру. Правильно и грамотно организованный музей обладает уникальным художественно-временным пространством, расширяющим представление человека о мире. В его среде есть возможность не только испытать эмоциональный подъём, обогатиться знаниями, но и прикоснуться к ми-нувшим эпохам, почувствовать своё место в истории, чего не могут дать другие образовательные институты. Это обстоятельство определяет особое место музея в системе непрерывного образования» [6].

В настоящее время актуальны идеи российских краеведов В. Е. Туманова, А. Е. Сейненского о возрастании роли краеведения в школьном историческом образовании, о школьном музее как феномене отечественной культуры и образования, о необходимости создания в школе музея нового типа [7]. Особую роль здесь играет сельская школа, являющаяся важнейшим социальным институтом, призванным обеспечить социализацию личности в сельской местности, сохранение национальной культуры, традиций и обычаяв, формирование гражданина своего Отечества.

Принципы музейной педагогики положены в основу деятельности музейно-образовательного комплекса «Среднеивкино», представляющего собой новую модель школьного музея, функционирующую во взаимосвязи с акционерным обществом «Агрофирма Среднеивкино». Суть новизны модели проявляется через такие черты, как научное руководство, использование современных технологий, социальное партнёрство. Музей в данном случае выступает в качестве центрального компонента сохранения и пропаганды культурно-исторического наследия в сельском социуме.

В процессе реализации инновационного проекта «Музейно-образовательный комплекс “Среднеивкино”» сложилась определённая система организационно-педагогических форм музейной работы, позволяющая повысить эффективность гражданского образования.

Важное место в работе музея занимает образовательно-познавательная деятельность. Педагоги Среднеивкинской школы в течение учебного года на базе музея проводят уроки и фрагменты уроков по различным предметам (окружающий мир, история, обществознание, география, иностранные языки, литература, русский язык, искусство, физика, технология), а также классные часы. Во время проведения используются интерактивные приёмы:

- а) «Найди знакомые экспонаты (лица)»;
- б) выход к внemузейным объектам (церковь);
- в) задания по карточкам с названиями или вопросами, ответы на которые имеются в экспозиционных разделах;
- г) совместные выступления детей и родителей, сопровождаемые показом;
- д) работа с памяткой «Как составить родословную»;
- е) интервьюирование;
- ж) «Иностранная делегация в Среднеивкинском музее» и другие.

Уроки с использованием подобных приёмов способствуют активизации познавательной деятельности школьников, позволяют более полно реализовать деятельностный подход в обучении. Краеведческий компонент учебных занятий заложен в рабочих программах педагогов.

Для учащихся начальной школы разработан цикл классных часов по теме «Традиционные народные праздники»: «Рождество», «Крещение», «Пасха», «Троица», «Свистунья-свистопляска». Использование игровых элементов («Как в крещенский вечерок...», детские игры во время Пасхи) способствует тому, что ребёнок окунается в прошлое и чувствует себя в другом временном пространстве. Оно становится для него понятным и близким, вызывает неподдельный интерес.

В рамках музейно-образовательного комплекса действует кружковое объединение «Экскурсовод», в котором занимаются учащиеся с 5-го по 11-й класс. С момента открытия музея и проведения первой экскурсии разработано 49 тем, в том числе и с выходом на улицы села. Презентация новых экскурсий, разработанных учащимися в течение учебного года, проводится ежегодно, в Международный день музеев, 18 мая, и превращается для детей в праздник. Обязательным условием мероприятия является внешняя и внутренняя экспертиза подготовленных экскурсий. Внешнюю экспертизу, для которой разработан специальный алгоритм, прово-

дят старшеклассники и родители, внутреннюю – сами экскурсоводы.

Перспективным направлением развития школьных музеев является музейная педагогика в Сетевом пространстве. Совместными усилиями учащихся и педагогов создан виртуальный тур по музею истории села Среднеивкино. Ресурс пред назначен для широкого круга пользователей интернет-пространства: учащихся всех ступеней обучения и других участников образовательного процесса, а также субъектов внешней среды. Ресурс может быть использован как для обеспечения учебно-воспитательного процесса в школе, так и во внеурочной деятельности, причём возможно использовать его как полностью, так и отдельные фрагменты. Задачи создания ресурса для авторов заключались в том, чтобы способствовать развитию гражданских и патриотических чувств учащихся, распространять опыт деятельности музея на различных уровнях (муниципальном, региональном, российском, международном), способствовать дальнейшему освоению музеиного интернет-пространства.

В сфере деятельности музеиного комплекса – работа с населением, стремление следовать идеи преемственности поколений, диалога времён, чтобы музей становился местом осуществления культурно-исторической идентификации. Общение представителей разных поколений, проникновение в духовный мир, в ценности прошлых лет служат сближению людей, повышают роль школы, её авторитет, что, в свою очередь, морально оздоравливает среду.

В 2011 г. музей стал участником научно-исследовательского регионального проекта «Педагогические династии Вятского края», получившего грантовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда. На совете музея было решено исследовать материалы о представителях учительских династий Среднеивкинской школы. В результате проведённого исследования выявлены 15 представителей педагогических династий в коллективе Среднеивкинской школы, состоящем из 23 человек. Все полученные сведения о них обработаны и систематизированы. Выявлены некоторые обобщающие характеристики династий. Одна из них заключается в том, что наследование занятия родителей, предков, их ответственного отношения к делу накладывает моральную ответственность на представителей последующих поколений за свои поступки.

В качестве позитивных результатов применения указанных форм музейной работы можно считать:

- наличие устойчивых краеведческих знаний у обучающихся;
- осознание патриотизма прежде всего как любви к своей малой родине, своей семье;

– знание и понимание значения духовно-нравственных ценностей в жизни человека и общества;

– бережное отношение к культурным ценностям и традициям своего народа, к природе.

Таким образом, реальная практика создания и развития новой модели школьного музея свидетельствует о том, что он может выступить эффективным средством формирования гражданственности сельских школьников.

Примечания

1. Элиасберг Н. И. Формирование толерантности школьников в системе гражданско-правового образования // Преподавание истории и обществознания в школе. 2009. № 2. С. 56–61.
2. Педагогический энциклопедический словарь / под ред. Б. М. Бим-Бада. М., 2002. С. 57, 173.
3. Иоффе А. Н. Роль образования в гражданском становлении личности // Преподавание истории и обществознания в школе. 2011. № 8. С. 19–25.
4. Гессен С. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-пресс, 1995. С. 22–38, 266–269.
5. Музейная педагогика в образовательном пространстве школы / Э. В. Васичева, А. М. Иванова, Т. А. Соколова // Методист. 2007. № 6. С. 54, 57.
6. Музейная педагогика в образовательных учреждениях: сб. ст. Сыктывкар, 2008.
7. Туманов В. Е. Школьные музеи // Преподавание истории в школе. 2003. № 2. С. 74–80.

УДК 378.14:573

Е. В. Батухтина

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ БИОЛОГИИ

В статье представлена система принципов, необходимых для формирования социально-экологических компетенций у будущих бакалавров биологии.

The article presents the principles necessary for forming social and environmental competencies for future bachelors of biology.

Ключевые слова: социально-экологические компетенции, общие дидактические принципы, специфические принципы профессионального экологического образования.

Keywords: social and environmental competencies, general didactic principles, specific principles of professional ecological education.

Существенное место в системе профессиональных компетенций будущих бакалавров биологии занимают социально-экологические компетенции. Это обусловлено общей направленностью подготовки будущих биологов на осуществление деятельности, связанной с изучением, оценкой состояния и охраной биоты, с проведением мероприятий по экологическому мониторингу и охране окружающей среды [1].

Необходимым образовательным результатом становится не сумма усвоенной обучаемыми информации, а способность выпускника учебного заведения самостоятельно действовать в различных (жизненных, проблемных, профессиональных и др.) ситуациях [2]. Основная задача формирования состава компетенций на уровне ФГОС – выявление базовых и наиболее значимых для соответствующих направлений подготовки компетенций, образующих основу для обеспечения качества подготовки выпускников.

Формирование социально-экологических компетенций мы рассматриваем как целенаправленный процесс профессиональной подготовки будущих бакалавров биологии, в ходе которого студенты приобретают четкую ценностную ориентацию на сохранение природы (ценностно-мотивационный компонент), знания о взаимодействии природы и общества (когнитивный компонент), осваивают новые социально-экологические технологии, берегающие среду жизни для будущих поколений (деятельностный компонент), вырабатывают активную социальную позицию в области охраны окружающей среды (личностный компонент).

Следовательно, выпускники по направлению подготовки «Биология» должны обладать *социально-экологическими компетенциями*, которые мы определяем как способность личности успешно применять в своей профессиональной деятельности полученные знания о биосоциальной системе «человек – общество – природа» и сформированные умения, навыки по решению социально-экологических проблем, готовность принимать на себя ответственность за принятые решения.

Наше исследование показало, что эффективной для формирования социально-экологических компетенций у будущих бакалавров биологии является реализация системы принципов. Принципы обучения – это руководящие идеи, нормативные требования к организации и осуществлению образовательного процесса. Общепризнанными считаются следующие дидактические принципы: *наглядности, доступности, сознательности и активности, систематичности и последовательности, прочности, научности, связи теории с практикой*.

Принципы обучения, как и другие педагогические категории, развиваются. Это происходит

под влиянием социального прогресса и научных достижений, накопления опыта работы преподавателей. Одни принципы теряют свое приоритетное значение, другие начинают играть более существенную роль. Необходимо, чтобы дидактические принципы соответствовали задачам, стоящим перед вузовским образованием.

При переходе на новые ФГОС ВПО нельзя не учитывать принципы формирования и развития компетенций: партнерского взаимодействия субъектов образования; проблемности содержания учебной деятельности;

структурированности содержания деятельности (модульности); рефлексивного поведения студентов и преподавателей; интеллектуально-эмоционального напряжения и расслабления; разделения ответственности всех участников образовательного процесса; свободы личного выбора направлений образования и ответственности при его получении [3].

Разработкой специфических принципов для социально-экологического образования студентов с учетом принципов организации и управления педагогическим процессом и принципов профессиональной деятельности занималась В. С. Шилова [4]. Ею сформулированы и обоснованы следующие принципы социально-экологического образования студентов: принцип связи профессиональной и социально-экологической подготовки; принцип интеграции и дезинтеграции; принцип достижения социально-экологической гармонии в профессиональной деятельности; принцип рассмотрения социально-экологических отношений в контексте стратегии устойчивого развития; принцип саморегуляции. Отдельно от представленных принципов организации процесса В. С. Шилова выделяет принципы управления их деятельностью, дает их характеристику, показывает взаимосвязь с общими педагогическими принципами и принципами общего экологического образования.

Исходя из потребности в устойчивом развитии нашего общества и из стоящей перед нами цели – формирования социально-экологических компетенций у будущих бакалавров биологии, мы считаем целесообразным разработать необходимую дополнительную систему принципов их профессиональной подготовки. В качестве компонентов данной системы мы предлагаем:

- принцип актуализации междисциплинарных связей;
- принцип непрерывности формирования социально-экологических компетенций;
- принцип рассмотрения социально-экологических отношений в контексте стратегии устойчивого развития;
- принцип формирования социально-экологической ответственности.

Принцип актуализации междисциплинарных связей предполагает, что в содержании учебных дисциплин должны найти отражение те диалектические взаимосвязи, которые действуют в природе и познаются современными науками. Под междисциплинарными связями понимается взаимная согласованность учебных программ, обусловленная содержанием наук и дидактическими целями.

Реализация междисциплинарных связей осуществляется согласованное изучение теорий, законов, понятий, общих для родственных предметов, общенаучных методологических принципов и методов научного познания, формирование общеучебных приемов мышления.

В практике учебной деятельности междисциплинарные связи определяются с методических позиций как система работы преподавателя и студентов, при которой в процессе овладения знаниями используется содержание смежных дисциплин или перенос знания из одной дисциплины в другую либо рассмотрение уже приобретенных знаний под углом зрения другого предмета, а также слияние знаний различных дисциплин в единую систему знаний.

Практическая реализация данного принципа осуществляется путем соблюдения следующих правил:

- Согласованное во времени изучение отдельных учебных дисциплин, при котором каждая из них опирается на предшествующую понятийную базу и готовит обучающихся к успешному усвоению понятий последующей дисциплины.
- Сочетание экологического знания с широкой гуманитарной подготовкой в области правоведения, экономики и многих других гуманитарных проблем.
- Учет многообразных культурно-философских идей и концепций современного естествознания при формировании единой научной картины мира.
- Организация работы студентов над междисциплинарными проектами, в ходе реализации которых рассматриваются различные аспекты какой-либо экологической проблемы.
- Основой междисциплинарных связей должна стать будущая профессиональная деятельность будущих биологов по решению экологических проблем, гармонизации взаимоотношений человека и природы.

Не менее значимым является *принцип непрерывности формирования социально-экологических компетенций*, поскольку формирование компетенций происходит не одной, а несколькими дисциплинами, начиная с первого семестра обучения и вплоть до защиты выпускной квалификационной работы. В условиях образовательного процесса в вузе этот принцип требует изуче-

ния социально-экологических отношений с позиций различных наук, как естественных, так и гуманитарных (философия, социология, право, правовые основы охраны природы и природопользования).

Следует помнить, что формирование компетенций происходит не только в ходе учебного процесса, но и вне учебной деятельности, при прохождении практик. Немаловажную роль играет образовательная среда вуза, организация образовательного процесса, образовательные технологии, самостоятельная работа студентов и т. д.

Для реализации данного принципа на практике необходимо исполнение следующих правил:

- Обязательное создание образовательного пространства и использование воспитательного потенциала природной и социальной среды образовательного учреждения.
- Необходимость обеспечения преемственности и непрерывности в развитии понятий; понятия, являющиеся общими для ряда дисциплин, должны от дисциплины к дисциплине непрерывно развиваться, наполняться новым содержанием, обогащаться новыми связями.
- «Экологизация» не только содержания учебных дисциплин, но и образовательных технологий и методов обучения.
- Обучение с учетом жизненного опыта обучающихся, опыта квазипрофессиональной и учебно-профессиональной деятельности.
- Формирование критического мышления, навыков самостоятельного поиска знаний и опыта их использования в повседневной жизни.

Следующим, вслед за В. С. Шиловой, мы выделяем *принцип рассмотрения социально-экологических отношений в контексте стратегии устойчивого развития*. Стратегия устойчивого развития была предложена в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, где были сделаны выводы о необходимости перехода человечества на путь устойчивого развития. Через двадцать лет (2012 г.) в Бразилии состоялся саммит по устойчивому развитию «Рио + 200», где был принят итоговый документ «Будущее, которого мы хотим». Международному сообществу удалось выработать «платформу согласия», отталкиваясь от которой можно продвигаться в выработке конкретных целей устойчивого развития, основанного на принципах экономического прогресса, социальной справедливости и охраны окружающей среды.

Экологическое образование в свете концепции устойчивого развития приобретает статус интегрирующего фактора образования в целом, определяет его стратегическую цель и ведущие направления. Реализация идей экологического

образования предполагает как новое прочтение традиционных предметов, так и введение новых дисциплин, раскрывающих целостное представление о взаимосвязях природы и человека. По мнению Н. М. Мамедова, именно социальная экология, которая непосредственно занимается поиском закономерностей устойчивого развития системы «общество – природа», должна стать значительной частью экологического образования [5].

Данный принцип предполагает также овладение прогностической деятельностью, сущность которой заключается в умении предвидеть результаты своей профессиональной деятельности и состояние природной среды, вовлеченной в производственный процесс.

Практическая реализация данного принципа осуществляется путем соблюдения следующих правил:

- Ближайшим результатом образования для устойчивого развития должно стать понимание необходимости не только экологических, но и социально-экономических перемен управления хозяйством, строго соответствующих экологическим требованиям.

- Основной результат образования для устойчивого развития – это освоение социально значимой деятельности, направленной на гармонизацию отношений с окружающей средой.

- Основу современного экологического мировоззрения составляют представления о взаимном дополнении, взаимном уравновешивании антропоцентризма и экоцентризма, что записано в концепции устойчивого развития и должно быть отражено в курсе «Социальная экология».

- Научно-методической основой образования для устойчивого развития служат: метод приоритета нравственных ценностей, проблемное обучение, развитие навыков стратегического и индикативного планирования, стратегического маркетинга.

- Отдаленный результат образования для устойчивого развития – реализация аксиологических оснований, в том числе постматериальных ценностей: гуманизм, свобода, творчество, профессионализм, самореализация, понимание своей роли в природе и ответственности за ее восстановление и сохранение для будущих поколений.

Еще одним необходимым началом является *принцип формирования социально-экологической ответственности*. Этот принцип сформулирован российскими учеными И. Д. Зверевым, И. Т. Суравегиной, Н. М. Мамедовым в контексте общего экологического образования школьников. На ступени высшего профессионального образования этот принцип требует сознательного соблюдения студентами моральных принци-

пов и нравственных норм взаимодействия с природной средой в соответствии с перспективой устойчивого развития общества, гармоничных социально-экологических отношений.

Возрастающая сложность социальных преобразований требует увеличения степени ответственности и профессионализма, высокий уровень технического прогресса создает ситуацию, когда от нравственного выбора одного человека может зависеть судьба многих [6].

Важным направлением экологически целесообразной деятельности, в которой укрепляется чувство ответственности и долга, выступает деятельность, связанная с непосредственным улучшением ближайшего природного окружения, со здоровым образом своей жизни и других людей. Развитие ответственности в условиях вуза осуществляется в учебное и во внеучебное время в различных видах деятельности: учебно-познавательной, трудовой, исследовательской, общественной и других.

Правилами применения данного принципа на практике являются:

- Содействие становлению социально активной личности, понимающей новые явления и процессы общественной жизни, владеющей системой идейно-нравственных, культурных и этических принципов, норм поведения, обеспечивающих готовность к социально ответственной деятельности для улучшения качества жизни без угрозы для будущего планеты.

- Формирование у студентов рефлексивно-оценочных суждений своих действий с точки зрения последствий, которые могут произойти в сфере его обитания.

- Необходимость применения интерактивных методов обучения, основанных на принципах взаимодействия, опоре на групповой опыт, обязательной обратной связи.

- Привлечение студентов к участию в экологических акциях международного, регионального, вузовского уровня.

В заключение отметим, что применение разработанных принципов и правил обеспечит более высокие результаты профессиональной подготовки, системный подход к формированию социально-экологических компетенций у будущих бакалавров биологии.

Примечания

1. Мелехова О. П. Проблемы университетского биологического образования и организация учебного процесса в соответствии с новой нормативной базой: учеб.-метод. пособие. М., 2011. С. 27–28.

2. Ходырева Е. А. Компетентностный подход в современном профессиональном образовании: от методологии к практике реализации // Психолого-педагогические механизмы и средства формирования общекультурных, профессиональных и личностных компетентностей в условиях современных социокуль-

турных изменений: теоретико-методологический и практико-ориентированный аспекты: сб. тез. и ст. Всерос. молодежной конф. 14–15 сентября 2012 года / под ред. К. С. Бажина, Г. И. Симоновой, Е. А. Ходыревой. Киров: Изд-во «Радуга-ПРЕСС», 2012. С. 40–41.

3. Ефремова Н. Ф. Компетенции в образовании: формирование и оценивание. М.: Национальное образование, 2012. С. 156.

4. Шилова В. С. Социально-экологическое образование студентов: сущность, содержание, диагностика (в контексте деятельностного подхода): учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. Белгород: Изд-во БГУ, 2011. С. 39–51.

5. Мамедов Н. М. Основы социальной экологии: учеб. пособие. М.: СТУПЕНИ, 2003. С. 158.

6. Галицких Е. О. Проблемы формирования личностных компетенций будущих специалистов в современном гуманитарном образовании // Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода при подготовке специалистов на основе ФГОС ВПО: материалы Всерос. метод. конф. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012.

УДК 159.9

И. Н. Азанова, Е. В. Левченко

ДИНАМИКА ЭМОЦИЙ КАК ПРЕДМЕТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ)

В статье поставлена проблема исследования динамики эмоциональных явлений и ее представленности в сознании. Обсуждается противоречие между интуитивной очевидностью и значимостью проблемы представленности в сознании субъекта именно динамики эмоций, с одной стороны, и теоретической, методической, эмпирической непроработанностью этой проблемы – с другой. Рассматривается исследовательский прием, позволяющий создать условия для возникновения динамики эмоций (на примере эмоций радости и печали). Приводятся доказательства его надежности. Описаны эмпирические особенности ментальных репрезентаций динамики для эмоций радости и печали.

The article deals with the problem of studying the dynamics of emotional phenomena and its mental representation. The contradiction between the intuitive obviousness of the emotional dynamics and the importance of its mental representation in the subject mind, on the one hand, and the theoretical, methodological, empirical absence of thorough of this problem, on the other, is discussed. The key contribution of this work is to introduce research method to create the conditions for the emergence of the dynamics of emotions. Proofs of method's reliability are presented. Empirical features of mental representations of the dynamics for emotions of joy and sadness are described.

Ключевые слова: динамика эмоций, радость, печаль, ментальная репрезентация, методы изучения динамики эмоций.

© Азанова И. Н., Левченко Е. В., 2014

Keywords: dynamics of emotions, joy, sadness, mental representation, methods of studying the dynamics of emotions.

Проблема исследования динамики эмоциональных явлений и ее представленности в сознании, данности субъекту – как носителю, так и перцептиенту – одна из труднейших в психологической науке в целом и психологии эмоций в том числе. Попытки постановки этой проблемы и подчеркивание важности ее дальнейшей разработки предпринимались виднейшими исследователями (В. Вундт, 2002; С. Л. Рубинштейн, 1999; А. В. Брушлинский, 1996; К. Э. Изард, 1999; А. А. Горбатков, 2001, 2002; А. О. Прохоров, 1998). Так, В. Вундт в своей классификации чувствований выделяет такие их динамические характеристики, как напряжение и разряд, возбуждение и успокоение. Подчеркивая их значимость, исследователь придает им статус составных частей чувствований [1]. А. В. Брушлинский отмечает, что любой психический процесс, включая эмоции, «выделяется своей предельной динамичностью, непрерывной подвижностью и изменчивостью, переходящей в развитие, которое всегда представляет собой диалектическое единство устойчивых и меняющихся свойств» [2].

Исторически и логически первый шаг в изучении динамики эмоций – обращение к анализу осознания и отражения эмоциональных явлений в статике, когда изучаются просто эмоции (без акцента на их динамике). Уже этот шаг сопряжен со значительными методологическими трудностями: с отсутствием единого подхода к изучению эмоций и их представленности в сознании человека, многозначностью термина *динамика эмоций*, так как его можно понимать и как количественное изменение (смена знака эмоции), и как качественное (смена эмоции одной модальности), а также с необходимостью учитывать временной масштаб эмоционального явления, его размерность (А. Ф. Лазурский, 2001; П. Я. Гальперин, 1998; В. К. Вилюнас, 1976; В. Ф. Петренко, 1997; А. О. Прохоров, 2004).

Проблема отражения и осознания эмоций рассматривалась исследователями прошлого века, как правило, в общем контексте теоретических описаний эмоций, с опорой не на данные экспериментальных исследований, а имплицитно на внутренний опыт человека. Так, А. Н. Леонтьев считал осознание эмоции необходимым условием ее передачи: «Эмоции осознаются, обобщаются и, вследствие этого, поразительным образом коммуницируются, т. е. передаются» [3]. С. Л. Рубинштейн утверждал, что в каждом реальном, конкретном психическом явлении, в том числе и в эмоциональном, выражен особый специфический аспект сознания – переживание. Этот аспект «может быть в нем более или менее выра-

жен, но он всегда наличен в каждом реальном, конкретном психическом явлении; он всегда дан во взаимопроникновении существенного для сознания» [4]. Сегодня исследователи открыто подчеркивают главенствующую роль интроспективного элемента эмоции: «...необходимо учитывать элемент субъективное переживание, так как интроспективно он является главным, а иногда и единственным признаком, по которому человек судит о своем эмоциональном состоянии» [5]. В зарубежной психологии одним из распространенных вариантов решения проблемы субъективной представленности эмоций является ее рассмотрение в терминах ментальных репрезентаций.

При обращении к истории возникновения термина «репрезентация» мы находим, что он был впервые введен З. Фрейдом, обозначающим психический компонент в возникшем в соматической области влечении [6]. Однако позднее, в 1923 г., Ogden, C. K. & I. A. Richards стали использовать термин «ментальная репрезентация» при описании семиотического треугольника в лингвистике. Они допускали, что словесное обозначение имеет три уровня: символ, ментальную репрезентацию и определяемый объект. Под символом исследователи видели то, как объект называется в мире, иначе – фонологическая репрезентация, ментальная же репрезентация – то, что мы ассоциируем с фонологической репрезентацией символа: образ символа, образы подобных символов, образы символов, которые близко связаны с названным символом, а также слова, связанные с символом [7]. Однако, как отмечают Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков [8], в языкоизнании своеобразную моду на употребление термина «репрезентация» связывают с именем Хомского (N. Chomsky, 1980), который писал: «Каждое выражение, таким образом, представляет собой внутренний объект, состоящий из двух наборов информации: фонетической и семантической. Эти наборы называются “репрезентациями”, а именно фонетической и семантической; однако нет никакого изоморфизма между этими репрезентациями и характеристиками окружения» [9]. Кроме того, в работе «Введение в когнитивную науку» Р. Тагард подчеркивал, что «большинство когнитологов соглашаются с тем, что знание в разуме человека состоит из ментальных репрезентаций» и что «когнитивная наука утверждает: люди обладают ментальными процедурами, которые оперируют ментальными репрезентациями для осуществления мышления и действий» [10].

Сегодня под ментальной репрезентацией понимают актуальный умственный образ того или иного конкретного события (т. е. субъективную форму «видения» происходящего), а также опе-

ративную форму ментального опыта [11], «формат хранения знаний, оперирующих либо преимущественно пространственно-временными характеристиками, либо системой опознания объектов, благодаря их категоризации» [12], «алфавит, посредством которого конструируются теории когнитивных процессов» [13].

В психологии идея ментальных репрезентаций получила широкое распространение с середины XX в., причем она используется для изучения представленности в психике явлений как внешнего, так и внутреннего мира (О. И. Кильченко, 2003; М. Н. Семенова, 2007; Н. А. Кондратова, 2009; А. Э. Цымбалюк, 2010; S. M. Kosslyn, 1975; A. Paivio, 1986; J. J. Freyd, 1987; M. J. Farah, K. M. Hammond, 1988; M. W. Eysenck, M. T. Kean, 1997; D. J. Bryant, B. Tversky, 1999; T. L. Hubbard, 2005 и др.). Не оказались обойденными в исследованиях такого рода и эмоции (В. В. Подпругина, И. В. Блинникова, 2002; Barrett L. Feldman, Th. Fossum, 2001; E. Tangy, P. Willis and J. Bryson, 2003; S. Yoshioka, W. Sato, 2008), но при этом недостаточное внимание уделялось тому, каким образом в сознании субъекта репрезентирована сущностная характеристика эмоций – их динамика.

Итак, возникает противоречие между интуитивной очевидностью и значимостью проблемы представленности в сознании субъекта именно динамики эмоций, с одной стороны, и теоретической, методической, эмпирической непроработанностью этой проблемы – с другой. Для целей успешной саморегуляции, продуктивного взаимодействия с другими людьми, оказания психологической помощи субъекту и ее получения необходимо отслеживать именно изменения в эмоциональных явлениях. В то же время исследования эмоций преимущественно с получением и последующим анализом их статических срезов.

Переход к эмпирическому изучению не только динамики эмоций, но и ее ментальных репрезентаций выясняет целый ряд нерешенных вопросов. В теоретическом плане важнейший из них касается многозначности самого термина. Динамика эмоций может быть рассмотрена и как количественное изменение (изменение интенсивности эмоции), и как качественное (смена модальности эмоции и смена ее знака). Может меняться ее временной масштаб – от изменений в режиме актуальной ситуации до вариаций в течение суток/недели/месяца/года [14]. Динамика эмоций может рассматриваться сама по себе, относительно автономно, с одной стороны, или же как «встроенная» в структуру более масштабного психического образования – с другой [15].

В плане эмпирического изучения немалую трудность составляет «запуск» эмоции в ситуа-

ции исследования, создание таких условий для возникновения динамики эмоций у субъекта, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что она имела место. Казалось бы, в жизни человека таких ситуаций (эмоциогенных, то есть порождающих эмоции, отличные от фоновых) немало. Однако проблема заключается в индивидуальных различиях в эмоциональном реагировании. То, что выступает как повод для возникновения эмоций у одного человека, вполне может оставить совершенно равнодушным другого. Таким образом, важной предпосылкой последующего изучения ментальных репрезентаций *динамики эмоций* является разработка экспериментальной процедуры ее актуального «запуска». Не менее существенной для организации эмпирического исследования является и проблема разрешающей силы, «чувствительности» методик, применяющихся для изучения эмоциональных явлений, к их изменениям. Затрагивают ли имеющиеся методики лишь поверхностные пласти эмоций или позволяют зондировать эту реальность на значительной глубине?

Наше эмпирическое исследование имело своей целью поиск исследовательского приема, обеспечивающего динамику эмоций, и доказательство его надежности (возникновение динамики эмоций у всех испытуемых). Оно проводилось в два этапа на студенческой выборке. На первом этапе проверялась гипотеза о том, что ситуация экзамена, эмоциогенная с точки зрения здравого смысла, действительно обеспечивает динамику эмоций (которая понималась как изменение интенсивности эмоций) ее участников. Измерялись и сравнивались показатели эмоций до и после экзамена. На втором этапе проверялась эффективность использования для «запуска» эмоции нетрадиционного приема – предъявления каждому испытуемому ранее (предварительно) выбранной им личной фотографии.

Для изучения динамики эмоций (замеров изменения их интенсивности) были выбраны мето-

дики «Дифференциальные шкалы эмоций» (по К. Изарду) [16], «Рельеф психического состояния» (А. О. Прохоров) [17] и методика диагностики оперативной оценки самочувствия, активности, настроения (САН) [18]. Полученные данные обработаны в программе STATISTICA 8.0.

На первом этапе важно было удостовериться в том, что эмоциогенная с точки зрения здравого смысла ситуация может и не быть таковой для ее участников. Испытуемыми были 17 студентов первого курса в ситуации до и после экзамена. Полученные с применением описанных выше методик данные проверялись на нормальность их распределения. Для этого был использован критерий Шапиро – Уилка W, так как он является одним из самых мощных при выборке такой величины. Было выявлено, что данные имеют нормальное распределение только при использовании методик «Рельеф психического состояния» А. О. Прохорова и диагностики оперативной оценки самочувствия, активности, настроения (САН). Полученные данные не отвечают нормальному закону распределения при использовании методики «Дифференциальные шкалы эмоций» К. Изарда. Не выявлено нормальности также в распределении данных, полученных по шкале «Напряжение/расслабление переживаний» методики «Рельеф психического состояния» А. О. Прохорова.

Для изучения различий между первым и вторым замерами (до и после экзамена) при применении методики «Рельеф психического состояния» А. О. Прохорова (при исключении данных по вышеназванной шкале) был использован t-критерий Стьюдента для зависимых выборок, который не выявил значимых различий по результатам замеров до и после экзамена (табл. 1).

Подобная процедура, примененная для обработки данных методики диагностики оперативной оценки самочувствия, активности, настроения (САН), также не привела к выявлению значимых различий (см. табл. 2).

Таблица 1

Сравнение показателей методики «Рельеф психического состояния» А. О. Прохорова до и после экзамена с использованием t-критерия Стьюдента для зависимых выборок (N = 17)

Название переменных	Среднее		t	p
	до воздействия	после воздействия		
Психические процессы	61,7058	62,9411	-0,2198	0,829
Физиологические реакции	55,9411	65,5294	-1,9255	0,0721
Шкала радость/печаль	17,2941	20,5294	-1,1574	0,264
Шкала активность/pассивность переживаний	21,4705	20,8823	0,2624	0,796
Шкала направленности переживаний	6,4117	6,9411	-0,617	0,546
Поведение	65,1176	64,8823	0,0708	0,944

Поскольку данные, полученные по методике «Дифференциальные шкалы эмоций» К. Изарда, не имели нормального распределения, то для их обработки был использован непараметрический Т-критерий Вилкоксона, так как он позволяет установить, является ли сдвиг показателей в каком-то одном направлении более интенсивным, чем в другом.

По Т-критерию Вилкоксона для зависимых выборок после воздействия (экзамена) *по показателям* методики «Дифференциальные шкалы эмоций» (по К. Изарду) статистически значимые различия получены для показателей интереса, страха и стыда (высоко значимые), в то время как различия между другими показателями оказались незначимыми.

Таблица 3

Сравнение показателей методики «Дифференциальные шкалы эмоций» (по К. Изарду) до и после экзамена с использованием Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок (N = 17)

Название переменных	T	p
Интерес	20	0,0413
Радость	42,5	0,5301
Удивление	21	0,1579
Горе	37	0,8753
Отвращение	2,5	0,3613
Страх	3	0,0208
Стыд	4	0,0166
Вина	14	0,1688

Полученные результаты заставляют обратить внимание на то, что психологические методики различаются по чувствительности к сдвигам в динамике эмоций (понимаемой как изменение их интенсивности). Если судить по результатам методик «Рельеф психического состояния» и САН, то в ситуации экзамена

динамика эмоций отсутствует. Если же обратиться к показателям «Дифференциальных шкал эмоций», то в этой ситуации наблюдается динамика эмоций интереса, страха и очень выражена динамика стыда. Однако стыд – эмоция, которая является маркером социальной нежелательности действий и поступков человека, которую принято прятать от других, скрывать. Следовательно, работа с ней в связи с изучением ментальных репрезентаций динамики эмоций будет затруднена.

На втором этапе исследования цель состояла в том, чтобы найти прием, позволяющий добиться надежного «запуска» эмоций, перехода статики в динамику (понимаемую как изменение интенсивности эмоции). В качестве «запускаемых» были выбраны эмоции радости и печали как репрезентативные для эмоциональной жизни человека. Они присутствуют во всех перечнях базовых (фундаментальных) эмоций (Изард, 1999; Ekman et al., 1972), являются ядерными, «отражающими личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека» [19]. Радость является единственной положительной эмоцией, «объективно представляющей собой состояние субъекта, которое он стремится максимизировать или, во всяком случае, удержать стабильным...» [20], рассматривается как «чувство большого удовольствия, удовлетворения» [21]. Она имеет яркие поведенческие проявления, по Я. Рейковскому [22], в виде смеха, что является довольно распространенным ее признаком, выражается улыбкой, позитивно влияет на развитие социальных отношений личности, так как может замедлять деятельность человека, при этом пробуждать его интуицию и творческие способности [23]. Противоположной для радости эмоцией является печаль, «которую субъект старается минимизировать» [24]. Она характеризуется как «чувство грусти, скорби, тоски» [25], проявляется в виде слез – почти универсальном ее признаке [26]. Печаль обычно

Таблица 2

Сравнение показателей методики САН до и после экзамена с использованием t-критерия Стьюдента для зависимых выборок (N = 17)

Название переменных	Среднее		t	p
	до воздействия	после воздействия		
Самочувствие	26,3529	25	1,0567	0,3063
Активность	28,1176	26,4705	0,9406	0,3608
Настроение	26,3529	27	-0,2568	0,8005

относят к негативным переживаниям, но нужно отметить, что это очень специфическая эмоция, переживаемая как грусть, уныние, хандра [27]. Эмоции радости и печали могут взаимно переходить друг в друга. Они выступают как противоположные полюса эмоциональной жизни человека, их модальности противоположны, следовательно, они сопряжены друг с другом, взаимосвязаны.

Эмпирическое исследование динамики эмоций радости и печали проводилось на студентах ПГНИУ (50 человек). Его процедура была следующей. Участникам было дано задание представить исследователю (по добровольному согласию) две фотографии, первая из которых вызывает радость, а вторая – печаль. Специально оговаривалось, что на фотографии должен быть изображен участник исследования, один или с другими лицами. Спустя две недели осуществлялась диагностика эмоций по методикам «Дифференциальные шкалы эмоций» К. Изарда и «Рельеф психического состояния» А. О. Прохорова. После этого каждому из участников исследования предъявлялась предоставленная им ранее фотография, вызывающая радость. Использовался свободный самоотчет с инструкцией: «Опишите, пожалуйста, что вы испытываете после просмотра этой фотографии». Затем процедура диагностики повторялась. Спустя неделю подобная процедура использовалась с предъявлением каждому участнику предоставленной им ранее фотографии, вызывающей печаль.

Для проверки нормальности распределения полученных данных был использован критерий Шапиро – Уилка W. Показатели, полученные по методикам «Рельеф психического состояния» (А. О. Прохорова) и «Дифференциальные шкалы эмоций» (К. Изарда), не имели нормального распределения, поэтому для их обработки был использован непараметрический Т-критерий Вилкоксона. Математические расчеты проводились в программе STATISTICA 8.0.

В результате сравнения показателей методики «Рельеф психического состояния» (А. О. Прохорова) до и после психологического воздействия – показа фотографии, вызывающей радость, с использованием Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок выявлены статистически значимые различия по таким показателям, как *психические процессы, шкала радости, шкала активность/пассивность переживаний, шкала напряжения переживаний, физиологические реакции, шкала направленности переживаний и поведение* (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение показателей методики «Рельеф психического состояния» (А. О. Прохорова) до и после психологического воздействия – показа фотографии, вызывающей радость, с использованием Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок ($N = 50$)

Название переменных	T	p
Психические процессы	232,5	0,001
Физиологические реакции	314	0,005
Шкала радости	68	0,001
Шкала активность/пассивность переживаний	125	0,001
Шкала направленности переживаний	166	0,005
Шкала напряжения переживаний	154,5	0,001
Поведение	336,5	0,03

При сравнении показателей методики «Дифференциальные шкалы эмоций» (по К. Изарду) до и после психологического воздействия – показа фотографии, вызывающей радость, с использованием Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок обнаружены статистически значимые различия по показателю *радость* (он повысился), в то время как показатель по шкале *горе* имеет тенденцию к снижению. Все остальные показатели методики не имели статистически значимых различий (табл. 5).

Таблица 5

Сравнение показателей методики «Дифференциальные шкалы эмоций» (по К. Изарду) до и после психологического воздействия – показа фотографии, вызывающей радость, с использованием Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок ($N = 50$)

Название переменных	T	p
Интерес	366	0,7376
Радость	69	0,001
Удивление	151,5	0,7672
Горе	13,5	0,0143
Гнев	25	0,2720
Отвращение	0	0,0678
Презрение	10	0,1386
Страх	2	0,5929
Стыд	71,5	0,3443
Вина	53	0,2659

При сравнении всех показателей методики «Рельеф психического состояния» (А. О. Прохорова) до и после психологического воздействия (предъявление испытуемым фотографии, вызывающей печаль) выявлены статистически значи-

мые различия (табл. 6). Они наиболее высоки для шкал: психические процессы, шкала радости, шкала активность/пассивность переживаний, шкала напряжения переживаний и шкала поведения.

Таблица 6

Сравнение показателей методики «Рельеф психического состояния»

(А. О. Прохоров) до и после психологического воздействия – показа фотографии, вызывающей печаль, с использованием Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок ($N = 47$)

Название переменных	T	p
Психические процессы	139,5	0,001
Физиологические реакции	310,5	0,0497
Шкала радости	32	0,001
Шкала активность/пассивность переживаний	85	0,001
Шкала направленности переживаний	224	0,0124
Шкала напряжения переживаний	126	0,0001
Поведение	232	0,0012

Таблица 7

Сравнение показателей методики «Дифференциальные шкалы эмоций» (по К. Изарду) до и после психологического воздействия – показа фотографии, вызывающей печаль, с использованием Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок ($N = 47$)

Название переменных	T	p
Интерес	128	0,0876
Радость	44,5	0,0001
Удивление	73,5	0,3869
Горе	61,5	0,0037
Гнев	37	0,3305
Отвращение	37,5	0,5761
Презрение	28,5	0,4101
Страх	5	0,5001
Стыд	22,5	0,3505
Вина	93	0,0361

При сравнении показателей методики «Дифференциальные шкалы эмоций» (по К. Изарду) до и после психологического воздействия – показа фотографии, вызывающей печаль, выявлены статистически значимые различия по показателям *радость* (снижение) и *горе* (повышение), а также *вины* (повышение).

Таким образом, прием предъявления испытуемому личной фотографии, отобранный им самим как вызывающей радость или печаль, надежно обеспечивает «запуск» соответствующей эмоции, ее динамику, позволяет управлять этой эмоцией, вызывать ее в соответствии с целью исследования, по желанию исследователя.

Полученные от испытуемых при предъявлении каждой из двух фотографий свободные самоотчеты позволили наметить пути исследования ментальных презентаций динамики радости и печали. Выделенные в результате контент-анализа категории дали возможность описать словарь тех единиц, которые потенциально доступны при создании ментальной презентации, к которым испытуемый обращается и которые использует при создании собственного варианта ментальной презентации динамики эмоции. Словарь образуют следующие категории: *психические состояния (статичные и динамичные, а также сложные проявления состояний и состояния, переходящие в черты характера); физиологическая компонента состояния; намерения субъекта, потребности (относящиеся к трем временным измерениям – прошлому, настоящему и будущему); ретроспекция как обращение к прошлому опыту (с учетом знака воспоминания)*. Специфика отображения динамики радости состоит в использовании дополнительной категории *оценка состояния по внешним поведенческим проявлениям*, а также в статистически значимо более частом обращении к категориям *состояния, переходящие в черты характера, физиологическая компонента состояния и ретроспекция как обращение к прошлому опыту (для положительной модальности)*. Для радости содержание описываемого переживания более единообразно: наиболее устойчиво используются упоминания *радости и счастья* (в трети высказываний). Специфика отображения динамики печали определяется более частым использованием высказываний, относящихся к последней из названных выше категорий, но для *отрицательной модальности*, а также большей обращенностью к прошлому. Для описания содержания переживания в этом случае наиболее часто употребляются три слова, каждое с меньшей частотой, чем для предыдущей ситуации: *грусть, печаль и тоска* (также в трети высказываний).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что при изучении проблемы динамики эмоций недостаточно полагаться на распространенные методики и стереотипы уровня здравого смысла. При их эмпирической проверке оказывается, что методики имеют разную чувствительность к обнаружению динамики (понимаемой как изменение интенсивности эмоций). Ситуация может обеспечивать динамику не эмоций вообще, а лишь отдельных их видов, являющихся социально нежелательными и затрудняющими их рефлексию испытуемыми.

Авторы отдают себе отчет в том, что, пытаясь обнаружить секрет надежного «запуска» эмоций, они вынуждены были отступить от канонов объективного психологического исследования,

которое требует стандартного стимула, его единогообразия, постановки всех испытуемых в идентичные условия его предъявления. В нашем случае физический стимул (фотография) – субъективный, особый для каждого испытуемого. Однако по существу стимулом здесь является не материальный объект, а *отношение к нему*. Оно и оказывается надежно действующим, единообразным по своей природе стимулом, запускающим динамику эмоций.

Изучение динамики эмоций оказалось проблемным камнем, раскрывшим ограничения современной психодиагностики. Ее бурное развитие в последнее десятилетия имело и отрицательное следствие – невольную демонстрацию исчерпанности и ограниченности, назойливой повторяемости канонических подходов. Будущее психологической науки будет связано не столько с революцией в теории, сколько с обнаружением новых путей эмпирического исследования психической реальности во всех ее многообразных проявлениях.

Примечания

1. Вундт В. Очерк психологии. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1896.
2. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Институт практической психологии, 1996. С. 175.
3. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии: учеб. пособие для вузов по спец. «Психология» / под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2000. С. 471.
4. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. С. 7.
5. Былкин Н. Д., Люсин Д. В. Развитие представлений детей об эмоциях в онтогенезе // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 40.
6. Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У. Базисное руководство по психотерапии. СПб.: Речь, Восточно-Европейский институт психоанализа, 2001.
7. Ogden C. K. & I. A. Richards (1923). The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. L.: Routledge & Kegan Paul Ltd.
8. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: Тамбов, 2007. № 4. С. 8–16.
9. Chomsky N. Rules and representations. N. Y.: Columbia University Press, 1980.
10. Thagard P. Mind. Introduction to Cognitive Science. Cambridge (Mass.): MIT, 1996. С. 4–5.
11. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.: Барс, 1997.
12. Ментальная репрезентация: динамика и структура / под ред. А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 1998. С. 282.
13. Ребеко Т. А. Ментальная репрезентация как формат хранения информации // Ментальная репрезентация: динамика и структура. С. 29.
14. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. Указ. соч. С. 8–16; Ментальная репрезентация: динамика и структура.
15. Чумаков М. В. Эмоционально-волевая регуляция деятельности в социальном взаимодействии: дис. ... а-ра психол. наук. Ярославль, 2007.
16. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2003.
17. Прохоров А. О. Методики диагностики и измерения психических состояний личности. М.: ПЕР СЭ, 2004.
18. Психологические тесты / под ред. А. А. Карапина. М.: Владос, 2000. Т. 1.
19. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2008. С. 393.
20. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. С. 434.
21. Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 12 (Р). С. 78.
22. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.
23. Изард Кэрролл Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.
24. Веккер Л. М. Указ. соч. С. 434.
25. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2001. 2-е изд. Т. 2: П-Я. С. 96.
26. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.
27. Изард Кэрролл Э. Указ. соч.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАНОВА Ирина Николаевна – аспирант, старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии Пермского государственного национального исследовательского университета. 614000, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

E-mail: ain18@mail.ru

БАЙКОВА Александра Васильевна – студентка III курса факультета лингвистики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

БАЙКОВА Ольга Владимировна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

БАТУХТИНА Елена Владимировна – аспирант кафедры педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: batuhtina-elena@mail.ru

БОГАТОВА Екатерина Борисовна – соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Забайкальского государственного университета. 672039, г. Чита, ул. Александровская, д. 30.

E-mail: nuhtel@mail.ru

БОКОВА Эльвира Минсурновна – главный редактор делового журнала «Меркурий». 610017, г. Киров, ул. М. Гвардии, д. 84/1.

E-mail: bocova@mail.ru

ВЕРЗИЛИНА Ирина Геннадьевна – председатель избирательной комиссии Кировской области. 610000, Киров, ул. К. Либкнехта, д. 69.

E-mail: sovetnikpfo@yandex.ru

ГАГИЕВА Анна Капитоновна – доктор исторических наук, доцент по кафедре документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики Коми республиканской Академии государственной службы и управления. 167000, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11.

E-mail: academy@rkomi.ru

ЕМШАНОВ Александр Леонидович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

КАЛАШНИКОВА Елена Михайловна – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24.

E-mail: krauze@pspu.ru

КОХ Иван Адамович – доктор социологических наук, профессор по кафедре теории и социологии управления Уральского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы. 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66.

E-mail: kia@mail.ru

ЛЕВЧЕНКО Елена Васильевна – доктор психологических наук, профессор по кафедре общей и клинической психологии Пермского государственного национального исследовательского университета. 614000, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: levchenkoev@yandex.ru

МАТЛИН Михаил Гершонович – кандидат филологических наук, доцент по кафедре литературы Ульяновского государственного педагогического университета. 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, д. 4.

E-mail: kaf_lit_ulgpu@mail.ru

НИКУЛИНА Екатерина Геннадьевна – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: knikulina1982@mail.ru

НОБЕЛЬ Артем Робертович – аспирант юридического факультета кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ, следователь по особо важным делам второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области. 610005, г. Киров, ул. Розы Люксембург, д. 84а.

E-mail: ANobel@pochta.ru

ОГОРОДНИКОВА Светлана Витальевна – аспирант кафедры педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ogorodnikovasv@mail.ru

ОРЛОВ Владимир Анатольевич – соискатель кафедры теории и социологии управления Уральского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы, директор представительства УГГУ в г. Нижнем Тагиле. 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66.

E-mail: kia@mail.ru

ОЧИРОВ Альберт Вячеславович – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Астраханского государственного университета. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а.

E-mail: ochirov.av@mail.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

САВЕНКОВА Анна Дмитриевна – аспирант кафедры зарубежной литературы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ассистент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37.

E-mail: savenann@mail.ru

ФЕЩЕНКО Павел Николаевич – кандидат юридических наук, доцент по кафедре криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Волго-Вятский институт (филиал)). 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: fpn2005@mail.ru

ЧЕМОДАНОВ Игорь Владиславович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

AZANOVA Irina Nikolaevna – graduate student, senior lecturer at the Department of General and Clinical Psychology in Perm State National Research University. 614000, Perm, Bukirev Str., 15.
E-mail: ain18@mail.ru

BAYKOVA Alexandra Vasilievna – 3-year student at the Faculty of Linguistics in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: olga-baykova@yandex.ru

BAYKOVA Olga Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Translation in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: olga-baykova@yandex.ru

BATUKHTINA Elena Vladimirovna – graduate student at the Department of Pedagogy in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: batuhtina-elena@mail.ru

BOGATOVA Ekaterina Borisovna – degree-seeking student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics in Transbaikal State University. 672039, Chita. Aleksandrovodskaya Str., 30.
E-mail: nuhtel@mail.ru

BOKOVA Elvira Minsurovna – chief editor of the business magazine «Merkury». 610017, Kirov, M. Gvardii Str., 84/1.
E-mail: bocova@mail.ru

VERZILINA Irina Gennadieva – Chief Electoral Officer of the Kirov region. 610000, Kirov, Karl Liebknecht Str., 69.
E-mail: sovetnikpfo@yandex.ru

GAGIEVA Anna Kapitonovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Document and Archive Science and Applied Linguistics in Komi Republican Academy of State Service and Administration. 167000, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya Str., 11.
E-mail: academy@rkomi.ru

EMSHANOV Alexander Leonidovich – Candidate of Philosophy, senior lecturer at the Department of Philosophy and Sociology in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

KALASHNIKOVA Elena Mikhailovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences in Perm State University of Humanities and Pedagogy. 614990, Perm, Sibirskaya Str., 24.
E-mail: krauze@pspu.ru

KOKH Ivan Adamovich – Doctor of Social Sciences, Professor at the Department of Theory and Sociology of Management in Ural Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. 620144, Yekaterinburg, 8 Marta Str., 66.
E-mail: kia@mail.ru

LEVCHENKO Elena Vasilievna – Doctor of Psychology, Professor at the Department of General and Clinical Psychology in Perm State National Research University. 614000, Perm, Bukirev Str., 15.
E-mail: levchenkoev@yandex.ru

MATLIN Mikhail Gershonovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Literature in Ulyanovsk State Pedagogical University. 432700, Ulyanovsk, 100th anniversary of Lenin's birth Sq., 4.
E-mail: kaf_lit_ulgpu@mail.ru

NIKULINA Ekaterina Gennadievna – graduate part-time student at the Department of Romano-Germanic philology in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: knikulina1982@mail.ru

NOBEL Artem Robertovich – graduate part-time student at the Faculty of Law at the Department of State and Legal Disciplines in Vyatka State University of Humanities in the specialty 12.00.14 Administrative Law, administrative process, investigator for particularly important cases of the second department for investigation of particularly important cases of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Kirov region. 610005, Kirov, Rosa Luxemburg Str., 84a.

E-mail: ANobel@pochta.ru

OGORODNIKOVA Svetlana Vitalievna – graduate student at the Department of Pedagogy in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: ogorodnikovasv@mail.ru

ORLOV Vladimir Anatolievich – degree-seeking student at the Department of Theory and Sociology of Management in Ural Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Head of the USMU branch in Nizhny Tagil. 620144, Yekaterinburg, 8 Marta Str., 66.
E-mail: kia@mail.ru

OCHIROV Albert Vyacheslavovich – Candidate of History, doctoral student at the Department of Russian History in Astrakhan State University. 414056, Astrakhan, Tatishchev Str., 20a.
E-mail: ochirov.av@mail.ru

POMELOV Vladimir Borisovich – Doctor of Pedagogy, Professor at the Department of Pedagogy in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

SAVENKOVA Anna Dmitrievna – graduate student at the Department of Foreign Literature in Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, teaching assistant at the Department of Teaching of the Russian Language in Other Language Environments in Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 603000, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pokrovskaya Str., 37.
E-mail: savenann@mail.ru

FESHCHENKO Pavel Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Criminology and Criminal and Penal Law at the University by the name O.E. Kutafin (MSLA) (Volga-Vyatka Institute (branch)). 610000, Kirov, Moskovskaya Str., 30.
E-mail: fpn2005@mail.ru

CHEMODANOV Igor Vladislavovych – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Russian History in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛ
«Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»**

Научные статьи, представляемые для публикации в журнале, должны соответствовать общему направлению издания. Редакция журнала принимает рукописные материалы в следующем виде:

1. Технические требования к оформлению статьи

Общие требования	Статья в формате Word или RTF (файл именуется фамилией автора. Например, Иванов.doc или Иванов.rtf)
Параметры страницы	Текст с межстрочным интервалом – 1,5. Размер шрифта: 14; примечания, список литературы, таблицы – 12. Шрифт Times New Roman. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см, переплет – 0. Страницы пронумерованы
Оформление статьи	Текст начинается с указания автора статьи, его Ф. И. О. (полностью), должности, места работы (учебы), рабочего адреса, электронного адреса (на русском и английском языках). Далее – название статьи на русском и английском языках. Обязателен индекс УДК
Аннотация статьи, ключевые слова	Аннотация пишется на русском и английском языках – не более 400 знаков каждая, включая пробелы (помещается непосредственно перед текстом), ключевые слова – на русском и английском языках
Примечания	Ссылки на литературу в тексте статьи даются в квадратных скобках. Ср., напр.: Этот вопрос уже рассматривался лингвистами [1]. Сноски концевые, в порядке цитирования, в виде ПРИМЕЧАНИЙ. Литература указывается в конце статьи под заголовком ПРИМЕЧАНИЯ. Далее под номерами указывается литература в порядке цитирования ее в тексте статьи. Автор, источник, страница и т. д. оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись, библиографическое описание. Общие требования и правила составления (до 1 января 2009 г.); ГОСТ 7.05–2008 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления (с 1 января 2009 г.)
Рисунки	Рисунки помещаются в текст статьи, а также прикладываются к статье в виде отдельных файлов (формат jpg.). При оформлении рисунков запрещено использовать сканирование, а также недопустимы рисунки плохого качества
Таблицы	Формат Word
Матем. и физ. формулы	Редактор MS Equation
Краткие сведения о материалах (на отдельном листе в виде таблицы)	1. Ф. И. О. автора (полностью). 2. Название статьи. 3. УДК. 4. Ученая степень (при наличии), должность, кафедра, вуз. 6. Рабочий адрес для публикации в журнале. 7. E-mail, домашний адрес для отправки журнала, сотовый телефон

2. Объем текста не должен превышать 16 страниц (включая библиографический список, без аннотации и ключевых слов) и не должен быть менее 7 страниц. При необходимости прилагается распечатка (распечатка необходима, если в тексте встречаются формулы, нестандартные шрифты, рисунки). Если используется дополнительный шрифт, то он должен быть приложен к основному документу.

3. Аспирантам необходимо предоставить справку о статусе очного аспиранта (сканированная копия).

4. Авторы представляемых материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий. Представляемый материал должен быть оригинальным и не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

5. Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в оригинал текст. При отказе в направлении на рецензирование предоставленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ.

Информация для читателя

Уважаемые читатели и подписчики научного журнала «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»!

Редакция сообщает, что в 2014 году журнал будет выходить 12 раз в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание научных степеней доктора и кандидата наук по следующим направлениям: философия, история, право, педагогика, филология, искусствоведение.

Стоимость подписки:

- ежеквартальной 600 руб.;
- полугодовой 1200 руб.;
- годовой 2400 руб.

Оплатить подписку можно в любой сберегательной кассе или на почте.

Подписной индекс журнала в каталоге Роспечать – 57390; ISSN 1997-4280.

По возникшим вопросам обращаться по электронному адресу: vestnik@vshu.kirov.ru

Уважаемые коллеги, мы рады, что вы остаетесь верными друзьями, научными соратниками нашего журнала и его преданными читателями.

*Редакция научного журнала
«Вестник Вятского государственного
гуманитарного университета»*

**Квитанция на подпиську
на «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» на 2014 год**

Извещение	Управление Федерального казначейства по Кировской области (ВятГУ п/с 20406Х20680) (наименование получателя платежа) ИНН 4348008278 р/сч. № 40501810300002000002 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) в ГРКЦ ГУ Банка России по Кировской области г. Киров БИК 043304001 (наименование банка и банковские реквизиты)		
Кассир	КБК 00000000000000000130 Подписка на «Вестник ВятГУ»–2014 (наименование платежа) ОКТМО 33701000 КПП 434501001 Дата _____._____._____ кош. _____ Сумма платежа: 2400 руб. 00 Плательщик (подпись) _____		
Квитанция	Управление Федерального казначейства по Кировской области (ВятГУ п/с 20406Х20680) (наименование получателя платежа) ИНН 4348008278 р/сч. № 40501810300002000002 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) в ГРКЦ ГУ Банка России по Кировской области г. Киров БИК 043304001 (наименование банка и банковские реквизиты)		
Кассир	КБК 00000000000000000130 Подписка на «Вестник ВятГУ»–2014 (наименование платежа) ОКТМО 33701000 КПП 434501001 Дата _____._____._____ кош. _____ Сумма платежа: 2400 руб. 00 кош. Плательщик (подпись) _____		

**Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 1(2014)**

Подписано в печать 25.01.2014 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 1000. Заказ № 18.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674